



Баронъ Терберштейнъ

Т Р У Д Ы
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО
ВОЛЬНАГО ОБЩЕСТВА
ЛЮБИТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

~~~~~  
*Miser sum miserisque succurrere disco.*

~~~~~  
1818 ГОДЪ.

ЧАСТЬ II.

С^т. ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Карла Крайя.

№ 9783/2

1816, кн. 1-3

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы, по напечатаніи до выпуска изъ типографіи, предсшавлены были въ цензурный Комишешъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комишеша, другой для Депаршамента Миниспершва народнаго Провсѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библиотеки, и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ.

С. Пешербургъ, Апреля 15го дня 1818 года.

Цензоръ, Статс. Сов. и Кавалеръ

Г. Яценковъ.



53400

П Р О З А.



ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗСУЖДЕНІЕ, О ПОСТЕПЕННОМЪ ХОДѢ ВООВЩЕ СЛО- ВЕСНОСТИ И ВИТІЙСТВА, ВЪ СОБ- СТВЕННОМЪ СМЫСЛѢ ВЗЯТАГО.

*Cui dubium est, quin sermonem ab ipsa rerum
natura geniti protinus homines acceperint? Initium
dicendi dedit natura, initium artis, observatio.*

QUINTILIAN.

Начало Словесности, производя оную
опгь Слова — сего небеснаго дара —
непосредспвенно сливается съ первымъ
началомъ перваго человѣка, копорый при
появленіи въ міръ, шакъ сказашь, еще
пуспынный, долженшвоваль удивляшсья

Ч. II. Кн. I.

1



зрѣлищу роскошной Природы и съ чувствомъ признашельности славословить Виновника бытія своего, возвѣщать хвалу ему и повѣдать его славу; и шакъ первое сердечное изліяніе благодарныхъ чувствѣй Непоспѣжимому, есть первый плодъ Словесности, современный началамъ Природы.

У насъ нѣтъ памятниковъ оппоспѣтельно поспѣпленныхъ успѣховъ слова и ума чловѣческаго прежде поппа; нѣтъ ни какихъ доказательствъ; какъ говорили тогда уму и сердцу; въ великомъ измѣненіи Природы все поппло. Сужденія любительей древности о словѣ и умѣ первородныхъ земли суть только или однѣ догадки, выводимыя изъ общихъ началъ и особливыхъ наблюдений, или однѣ заключенія, извлекаемыя изъ баснословнаго міра, населеннаго вымышленными существами. Въ Гражданской Истории сего времени вспрѣчается великая Историческая пустыня. Санхоніапонъ, уроженецъ города Виріша, древнѣйшій по Мо-

исеѣ писателѣ, совершенно не имѣеть достовѣрности, необходимаго достоинства для Историка. Онѣ восходишь до началъ міра и безпрестанно погружаеися въ бездну темныхъ басней и иносказаній. — Родъ человѣческой, можешь бышь, еще и доселѣ плашилъ бы дань подобнымъ нелѣпостямъ, еслибы преданія Моисея, на коихъ долженствуетъ утверждашь вся основа Исторіи первыхъ вѣковъ міра, не открыли вѣрныхъ для шого источниковъ; шамъ мы встрѣчая, что прежде-пошопные жишели умѣли воздѣлывать землю, строишь жилища, ковать мшпаллы и проч., со всею вѣроподобностію заключишь можемъ, что шакшвы пракшическія познанія, слѣдствія необходимости въ общежишіи, были плодомъ опышовъ и вмѣстѣ размышлений, за успѣхами коихъ ешественно должныствовали ишши въ слѣдъ успѣхи ума и Словесности. Такъ всегда благопріятные случаи и смѣлая покушенія, переходя изъ опыта въ опытъ, содѣлываюися на-



конецъ совершеннѣе началъ своихъ! Такъ человѣческое слово, подобно людямъ, имѣло погда, какъ и во всякое время, свое младенчество и свой возрастъ! Такъ область Словесности первыхъ людей должна была распространяться по мѣрѣ распространения области словъ и взаимныхъ отношеній! Тогда не было, можешь бышь, только нѣхъ началъ и правилъ, которыя нынѣ между нами приведены въ системы.

Другое великое происшествіе въ мѣрѣ, Вавилонское столпотвореніе, основывшее успѣхи ума и слова, основило нѣмъ самымъ ходъ Словесности. Следствиемъ смѣшенія языковъ было разсѣяніе и невѣжество въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій.

Нужда, сія великая наставница людей, снова совокупила ихъ въ общества и породнила различныя племена чрезъ взаимныя связи. При таковыхъ отношеніяхъ, оказавшихся необходимыми въ жизни, они рано или поздно, естественнѣе

долженствовали проникать въ отношенія свои къ Природѣ, коея неизмѣняемый и стройный чинъ расположилъ ихъ наблюдать подобный порядокъ въ изрженіяхъ своихъ мыслей. Тогда протпой вопль Природы, языкъ одной необходимости не могли соотвѣтствовать ихъ великимъ движеніямъ, и оказались недослщпочными для выраженія многихъ понятій глубоко пораженной души и гошовой, шакъ сказашь, разрѣшишь отъ бремени своихъ чувствій. Въ мірѣ вѣщественномъ и умщвенномъ, между предметами и понятіями происходило нѣкошорое взаимное бореніе. Воображеніе, дѣятельная способность души челошеской, дерзнуло содѣйствовать своимъ, какъбы сблизить и примирить сіи два міра, и шѣмъ облегчить ходъ выраженія мыслей: оно примѣнилось къ Природѣ; заняло у ней порядокъ; открыло таинственные отношенія и сходства между чувствіями и предметами; сошворило языкъ образовательный; сообщило ему

опшѣнки и степени, составляющія нѣкоторое нравственное выраженіе, соопшѣственно разности предметовъ разныхъ опношеній, и шѣмъ воздвигло себѣ такіе памяшники, копорые въ послѣдствіи дали ему право называться Творческимъ. Время, еспешвенная склонность челоуѣка усовершать свое бышіе, опышы неоднократно повпоряемые, поспешенное раскрышіе душевныхъ способностей, нерѣдко самые случаи, размышленія, общеспвенныя связи, возникшая разборчивость и вкусъ, прибавили къ рѣчи новые степени совершенсшва, распроспранили ея предѣлы и украсили пріяшностями.

Съ продолженіемъ времени болѣе и болѣе пробуждаются граждансшвенное благоуспройство и образованность; разширяются познанія и древо челоуѣческаго слова оушшштельно / возраспаешъ и распроспраняешся. Свѣшпильникъ разума разгоняешъ мрачность; воображеніе даешъ познавашъ силу онаго прелесшями. Одинъ

разсуждаешь, сравниваешь, раздробляешь
 взвѣшиваешь мысли для увѣренія въ
 сходствѣ, какое они имѣють между со-
 бою: онъ постигнулъ, шайну называешь
 своимъ именемъ каждую вещь, ощущенія
 души и отвлеченныя понятія; другое
 доискалось, какое сіи простыя отвлече-
 нія ума могутъ имѣть сходство съ ве-
 щественными предметами: оно сняло съ
 нихъ покрывало, и живыя изображенія
 предпочисая шемной шочности, облекло
 мысли какъ бы въ одежду ошущипель-
 ную; оно — поколику само пораждаешь
 предметы, выдумываешь, существуешь
 одними вымыслами и шворишь каршины —
 быспрымъ ходомъ своимъ опередило на-
 конецъ самый разсудокъ, кошорый, вни-
 кая въ связи и причины вещей, принуж-
 денъ ошпанавливаться на каждомъ шагу;
 оно замѣнило сухость и единообразіе рѣ-
 чи плѣняющими чувствва начертаніями;
 — явились новыя украшения и новое об-
 лаченіе для мыслей и чувстввованій души.
 Таковъ долженствовалъ бышь ходъ Сло-



весности послѣ разсѣянiя языковъ; таково естъ начало того воспороженнаго языка, въ которомъ встрѣчается болѣе чувствiй, нежели мыслей; болѣе упоенiя, нежели размышленiй, болѣе порывовъ, нежели плавности; словомъ скажемъ: такова естъ первая основа первыхъ начатковъ поэзи и краснорѣчiя, сначала со-сокупно слипыхъ, но въ послѣдствiи раздѣлившихся на двѣ между собою близкiя и соприкосновенныя отрасли Словесности.

Здѣсь мы открываемъ нѣкоторымъ образомъ слѣды естественной слабости и непостоянства человѣка, который хочеть, чшобы израженiя мыслей и самой истины, были очаровательны и упоевали купно слухъ и душу. Впрочемъ сей недоспапокъ Природы нашей оцупитель-но послужилъ въ пользу въ отношенiи къ языку, который безъ сего, можеть быть, никогдабъ не достигнулъ степени своего совершенства.

Такимъ образомъ воображенiе живо-

творивъ, такъ сказать, языкъ, содѣлало его важнымъ и пріятнымъ. Чѣмъ обширнѣе дѣйствовала сія способность души, тѣмъ болѣе и болѣе преуспѣвало чело-вѣческое слово. Всегдашнее съ людьми обращеніе, сношенія съ разными народа-ми, новыя заведенія и опкрытія умно-жили его богатство, наипаче въ шѣхъ счастливыхъ спранахъ Воспока, гдѣ пылкій умъ, всегда окруженный Приро-дою во всемъ ея великолѣпіи и разно-образіи, дѣятельное воображеніе и про-ницаемость дарованій весьма много содѣйствовали опкрытію понятій въ великомъ множествѣ разныхъ отноше-ній. —

Такъ, преуспѣвая, челоуѣческое слово уже приходило въ соспояніе своего воз-раста. Впрочемъ украшенное воображе-ніемъ одѣяніе словъ имѣло свои невыго-ды. Исслѣдовательный умъ покусился дать симъ изображеніямъ мыслей боль-шую точность, опредѣленность и до-стоинство. Языкъ покорила законамъ;

ушвердили упошребленіе выраженій; дали словамъ наклоненія, окончанія, управленія, словомъ: наука языка приведена въ нѣкошорыя правила. —

Разумъ, управляя полешомъ воображенія и предоспавивъ ему право созидашъ, самъ занимался усовершенствованіемъ его порожденій. Онъ не ограничился единымъ установленіемъ порядка въ мысляхъ, предложеніемъ оныхъ въ видѣ ясномъ и опличительномъ, но при помощи вкуса, чрезъ долговременность снисканнаго, показалъ ошущительную разность вещей; постигнулъ чудесное искусство объясняшъся шочно и опредѣлительно, а испинѣ сообщашъ всякую силу и дѣяшельность; и человекъ послѣ сею уже нашель ключъ къ опкрышю движеній своего сердца себѣ подобнымъ, къ ообщенію имъ своихъ чувствованій, къ воспламененію ихъ спрасшей; а опъ шого выговоръ и израженія получили новую душу. Изобрѣшены: движеніе, падежіе и размѣръ; словамъ и выраженіямъ

дано определенное пространство; знаки мыслей приведены въ мѣру соотвѣтствующую мыслямъ.

Послѣ сего уму человѣческому оспавалось учинить еще великое дѣло: ему надлежало приступить къ искусству содѣлать посредствомъ знаковъ незабвенными и голосъ слышней, и движенья души, и свои дѣйствія; надлежало выдумать, какъ говорить одинъ Словесникъ, способъ или средство облачать мысли въ шѣло и говорить зрѣнію.

Въ глубокой древности міра, еще до эпохи открытія рукописанія, люди предавали своему поименовану посредствомъ преданій и памяти все свое достояніе: вѣру, пѣснопѣнія, законы и проч. Такъ Евреи сохранили память славныхъ своихъ происшествій въ священныхъ пѣняхъ, переходившихъ по преданіямъ долгое время отъ родителей къ дѣтямъ. Наконецъ, благодареніе изобрѣтательному уму людей, появились нѣкошорыя

линіи или черченія, описывація ощущаемые предметы.

Здѣсь начашокъ линейнаго письма составляетъ первую эпоху письменной, такъ сказать, Словесности, сего драгоценнаго памятника давнобышности, по наружности прѣсташаго, по дѣйствию оспроумнаго, впрочемъ весьма недоспашочнаго для подробнаго изображенія происшествій и для содѣланія ихъ незабвенными.

Въ послѣдшіи времени, когда народы содѣлались гораздо образованнѣе и сосшавились уже великія общества, государшва; когда языки ихъ болѣе опшшого обогатились, тогда появились, (что составляетъ вшорую эпоху письменной Словесности) Иероглифическіе знаки, упоминаемые и въ Пророческихъ книгахъ; но и сіи знаки, подобно первымъ линіямъ, не имѣя почти никакой связи съ языкомъ, перемѣняясь многокрасшно въ своихъ видахъ и знаменуя болѣе вещи, а не слова, оказались неудовлешворительными, двусмысленными и загадочными,

пошому, что они или не выражали совершенно должнаго понятія, или выражали вмѣсто его сложное дѣйствіе, или другое какое нибудь подобное и имѣющее къ нему нѣкоторое шокмо отношеніе. Многіе изъ жителей Египта совсемъ не понимали своихъ священныхъ Іероглифовъ; одни жрецы ихъ имѣли ключъ къ онымъ. Сіе-то самое и заспавило, какъ говоритъ Кондильякъ, нѣкоторыхъ думашъ, будшобы шаковые Египетскіе Іероглифы заключали въ себѣ величайшія тайны.

Таковая запруднишельность въ опысканіи подлиннаго смысла сихъ знаковъ, показывающихъ болѣе вещи, а не слова, безъ сомнѣнія, была поводомъ къ изобрѣшенію новыхъ, болѣе простыхъ и опредѣленныхъ писменъ, шакъ называемыхъ, Алфавитныхъ буквъ, принесенныхъ въ Грецію Кадмомъ и употребляемыхъ нынѣ всѣми просвѣщенными народами.

Сіе чрезвычайное явленіе въ Исто-

рїи ума чловѣческаго, превосходное и остроумное изобрѣшеніе извѣстныхъ писменъ, положило основаніе дѣйствительной Словесности, подъ именемъ коея собственно разумѣемъ сочиненія, писанныя стихами и прозою.

Ученые Археологи, любители древности, неодинаково думаютъ о первой эпохѣ дѣйствительной Словесности. Иные начинаютъ ее со времени Моисея, другіе же полагаютъ, что самъ Моисей и имѣлъ уже Писателей предшественниковъ, и что прежде его *Бытій* существовали рукописанія или памятники баснословія, попому, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самаго Моисея и Іова ясно упоминается о книжномъ писаніи.

Предположивъ существованіе сей Словесности до времени Пророковъ, можно сдѣлать вопросъ: къ какому языку ее должно отнести, къ стихотворному или обыкновенному? Сей вопросъ легко разрѣшается во первыхъ самыми преданіями всѣхъ древнѣйшихъ народовъ, у ко-

ихъ онѣ сохранились языкомъ поэзіи; во вѣпорыхъ пщашельнымъ изслѣдова- ніемъ по сей часпи ученыхъ мужей, копорые согласно ушверждаютъ, что люди, соединившисъ въ общеспва, изы- скивали легчайшія средства для сохра- ненія въ памяти попомспва доспопри- мѣчашельныхъ произшесшвій; и поэзія, какъ сродная пылкости ихъ воображе- нія и болѣе содѣйспвующая памяти, при- знана лучшимъ для шого пособіемъ. Са- мыя надписи на камняхъ, на сполпахъ, жершвенникахъ и общенародныхъ памян- никахъ глубокой древности, принадле- жають, безъ сомнѣнія, къ обласпи поэзіи. Но когда, и гдѣ положены первыя на- чала шаквой Словесности? Сіи вопро- сы подлежають почти невозможнымъ раз- исканіямъ.

И шакъ, не основываясь на недо- сповѣрныхъ доказашельспвахъ, на пред- положеніяхъ и догадкахъ, первую эпо- хую дѣйспвительной Словесности, слѣ- довашельно и краснорѣчія, разумѣя подѣ



именемъ его языкъ поэзіи и прозы, можемъ, безъ сомнѣнія, опредѣлишь пророческія писанія. — Мы пошому помѣщаемъ здѣсь языкъ *Поэзіи и Прозы*, что нѣкоторыя изъ нихъ отличаются простыми шокмо историческими повѣствованіями и важностію израженій, а въ другихъ вездѣ видна печать Божественнаго воспорга, гдѣ и въ мысляхъ, и въ словахъ, и въ оборотахъ вспрѣчается такая смѣлосць, такое обиліе, какое не свойственно обыкновенному языку прозы. Разносць и свойство слова въ Вешхомъ Завѣщѣ споль ошущительны, что легко можно узнать, какъ говоришь Блеръ, которыя изъ книгъ онаго принадлежатъ къ поэзіи и которыя къ прозѣ. Законы Моисея, безъ сомнѣнія, писаны прозою, а книга Іова, псалмы Давида, Пѣснь Соломона, Плачь Іереміи и большая часть пророческихъ сказаній, есть неоспоримый оппечашокъ поэзіи.

Подъ именемъ поэзіи мы здѣсь не разумѣемъ шого, что въ обыкновенномъ

смыслъ нынѣ называется стихотвореніемъ; но все по поэзія, что не есть проза; равно трагедіи и эпопеи въ прозѣ могутъ быть удивительными произведеніями Поэта. Хорошая поэзія не въ одномъ размѣрѣ и паденіи словъ заключается: мы легко можемъ открывать духъ и шоржесство первыхъ, не смотря на переспановку послѣднихъ.

Со времени Моисея до Гомера протекло семь столѣтій; въ продолженіе сего времени Словесность оказала ошущительные успѣхи, что самое доказывающа величественнымъ и неподражаемымъ языкомъ Гомера. Краснорѣчіе еще не проложило себѣ особенной снѣзи, и долгое время шло совокупно съ поэзію, которая тогда преимущественно шоржесствовала, и обнимала почти всѣ роды нынѣ извѣстныхъ наукъ: входила въ исторію, повѣствовала, изображала нравы, рассуждала, доказывала, убѣждала, возносилась къ небесамъ, низходила въ адъ. Въ первомъ смыслѣ, го-

ворить писателъ новѣйшихъ времени, прежде стихотворцы никогда не назначали свои сочиненія, плоды трудовъ и мочныхъ бдѣній, для препровожденія времени пустыхъ головъ, или для услажденія лѣнливой дремоты празднаго Мидаса: они не были бы стихотворцы, естли бы имѣли сіе намѣреніе; они учили нешюкмо казаться, но бышь совершенно добрыми; ихъ шруды супъ хранилища мудрости, нравственности, религіи и общеспвенныхъ обязанностей.

Поэзія удивительнымъ образомъ споспѣшествовала намѣреніямъ людей; она была общимъ языкомъ шѣхъ, кой поспавлялись главными начальниками общеспвъ и имѣли право поучашъ народъ. Великія произшеспвія, благополучные изхоы годичныхъ времени, позорища, празднеспва, ироическіе подвиги, походы, бишвы, законы, правила жизни, живѣйшая благодарность, изліяніе нѣжныхъ чувспвій, выраженіе печали, все изображала рѣзвая кисть поэіи. Рука

времени сокрушила сіи памяшники глубокой древноспи, однако же бышіе ихъ несомнишельно.

Такимъ образомъ, по мърѣ успѣховъ и распроспраненія поэзіи, обнижавшей тогда всѣ науки, еспешественно распроспранялись познанія, а опть шого болѣе и болѣе возрасшало и усовершеншвовалось человѣческое слово. Послѣдующія племена познакомились еше ближе съ Природою, кошорая имъ опкрыла подвигъ досшойный ихъ дѣяшельности; воображеніе успремилось къ подражанію изящнаго, чшо, по выраженію Аристошеля, составляетъ главный источникъ удовольспвій. Поэты содѣлались вѣрными списашелями Природы. Начали изобрѣшашь, шворишь и очаровывашь.-- Тогда Поэзія украсила міръ вещеспвенный; создала міръ духовный; всему сообщила огонь, движеніе, душу; недосшавало шолько правильныхъ красощь выраженія, увеличивающихъ цѣну начершаній. Возникли новая разборчи-



восьмь, новый вкусъ. — Являешся на поприщѣ Словесности нѣкій исполинъ, облеченный во всѣ доспѣхи, человекъ необыкновенныхъ дарованій, съ шворческимъ воображеніемъ, образецъ неподражаемый, доспойный наперстникъ боговъ и Музъ, рѣдкое въ свѣтѣ явленіе, единственныи Геній и украшеніе ума человѣческаго — шворецъ Иліады, который и современникамъ своимъ и потомкамъ открылъ пути изображать, повѣствовать, доказывать, прогашь и проницашь въ человѣческое сердце; и эпошъ вѣкъ составляешь вшорую и самую блистательную эпоху Словесности.

Такимъ образомъ одинъ человекъ, кошорому Природа уступила всѣ свои красоты, и всегда уступаетъ не иначе, какъ одинъ разъ въ цѣлыя столѣтія, преимущественно долженствовалъ покорить удивленіе всѣхъ и произвешти различное впечатлѣніе, смотря по естественному различію мыслей. — Онъ одинъ шворилъ, другіе удивлялись, раз-

суждали, опличали одно опъ другаго, истинное опъ вымышленнаго, высокое опъ посредственнаго, изящное опъ обыкновеннаго. Философія, примѣняясь къ поэзіи и будучи съ нею, шакъ сказашь, въ союзѣ, нечувствительнѣно распространялась и предуготовляла свое поржесство и поржесство — краснорѣчія, и эпоха правленійThemistocles, Аристиды, Кимона и Перикла соспавляющъ славную эпоху Словесности, въ которую, кажется, соединились воображеніе, разсудокъ и чувствительность: тогда въ особеннѣности появились примѣчанія, заключающія въ себѣ наспавленія, произшекающія изъ примѣчаній; соспавились общія правила, и языкъ покорился онымъ не прежде, какъ послѣ великихъ своихъ успѣховъ, а особливо по часпи поэзіи, которая вскорѣ соспавила особенную науку; но, къ сожалѣнію, она чрезъ шо самое пошеряла нѣкошорую часпъ первобышней свободы своей, пошому, что правила соспавляющъ ея зависимость и,



по словамъ Юнга, сушь костыли, для хромага шокмо необходимые. Послѣ сего иногда поэзія уже долженспвовала низходить съ степеня своего величія и приближашься къ обыкновенному языку, подобно какой нибудь вѣнчанной особѣ, копорая, лишась своего престола и живя вмѣстѣ съ прочими согражданами, по необходимости обязана соображашься съ обычаями ихъ и нравами.

Такимъ образомъ, чѣмъ далѣе поэзія уклонялась отъ своего начала, тѣмъ болѣе теряла свою свободу и, слѣдовашельно, тѣмъ менѣе долженспвовала имѣть вліянія; а чѣмъ менѣе она могла имѣть вліянія, тѣмъ болѣе распроспранялась обласпть ума. Люди усмотрѣли, наконецъ, что картины воображенія и вольность поэзіи несомѣспсны съ повѣспвованіями о пропекшихъ произшеспвіяхъ, посему охощнѣе начали занимашься тѣмъ, что болѣе удовлетворяетъ испинѣ и уму, нежели воображенію — и появились нарочитые успѣхи философіи, коея спро-

гая личность охладила и ограничила не-
зависимую до того смѣлость стихо-
шворцевъ. Тогда начали предпочитать
обнаженную истину шѣмъ счастливымъ
вымысламъ, копорые также шесшвуютъ
всегда длинными и *иносказательными*
изворотами, и прежде, шакъ сказать,
заманиваютъ, а потомъ уже убѣждаютъ.
Жадный и неперпѣливый философскій
духъ всегда желаетъ созерцать предъ
собою истину, и не перпишъ завѣсы
иносказаній и вымысловъ.

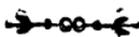
За успѣхами философіи возникла
новая Словесность и новый языкъ. Въ-
спо стихошворцевъ, какъ говоритъ
Блеръ, начали поучать людей Филосо-
фы. Они ввели въ свои разсужденія о
всѣхъ предметахъ шощъ ясный и про-
спый слогъ сочиненія, копорой мы назы-
ваемъ собшвенно *Прозою*; и люди на-
онецъ освавили древнее стихошворче-
ское одѣяніе слова, и опредѣлили оное
для шѣхъ шокмо случаевъ, въ коихъ
единая красота наблюдается. Человѣкъ

съ смѣлою предприимчивостію, наставникъ Пифагора, Фересидъ Скиросскій, открылъ новое поприще для Словесности. Онъ первый показалъ шопъ образъ выраженія, который болѣе приличенъ основательному и швердому ходу разсудка, нежели пылкому и спремительному воображенію; онъ ввелъ въ Словесность просшую и особенную одежду прозы.

Послѣ того какъ поэзія, приведенная въ опредѣленные границы, учинилась совершенно ошдѣльною опрослію Словесности; просшая проза ошущительнораспространялась и дѣлалась всеобщю. Посредствомъ сего языка сообщеніе познаній спановилось способнѣйшимъ и болѣе удовлетворительнымъ. Но человекъ, опъ Природы слабый и непостоянный, скоро соскучилъ единообразностію рѣчи и простотою израженій, короче сказать: созерцаніемъ обнаженной истины; чистый и шонкій ея свѣтъ недовольно поражалъ его чувствитель-

ность, онъ возжелалъ и началъ доиски-
ваться, что бы понятія самой истины
изображаемы были въ пріятныхъ и чув-
ствительныхъ картинахъ, убѣждающихъ
въ ея пользу. Находясь въ состояніи
способномъ къ умозрительному и вмѣ-
стѣ веселому образу жизни, между дѣй-
ствіемъ ума и игрою воображенія, онъ
прибѣгъ къ изобрѣтательности своего ге-
нія, дабы ихъ согласить между собою,
разсвирить чувствительностию, и шѣмъ
доставить себѣ новый порядокъ изра-
женія понятій и чувствій. Сія благо-
видная нужда доставила пріятность и
пользу и наконецъ содѣлалась необходи-
мостью. Пріятное и привлекательное
изложеніе истины и сообщеніе другихъ
мыслей превратилось въ нѣкоторое осо-
бенное искусство *украшать слово*. А
опшъ сего-по, по выраженію Батше, про-
изошли круглые періоды, мѣрныя про-
тивоположности, разительныя изобра-
женія, выборъ словъ.

Сообразивъ все сіе, видѣть можемъ,



что Словесность сперва изображала небольшую рѣку, которая, по мѣрѣ уклоненія отъ своего начала, измѣнялась въ видахъ, (поелику Природа, обстоятельство и гражданственность въ каждую эпоху міра, безъ сомнѣнія, сообщали ей особенное свойство) раздѣлялась, сливалась и наконецъ образовала два великіе рукава: *Поэзію и Прозу*, подъ именемъ послѣдней, мы особенно разсмотримъ краснорѣчіе въ собственномъ смыслѣ взятое.

(Продолженіе впереди.)





ИСТОЧНИКИ РИМСКОЙ ИСТОРИИ.

(Изъ сочиненій Иоанна фонъ Мюллера.)



Полибій.

Источники дѣписаній Римской Респу-блики до перерожденія ея въ единопра-вленіе, почти всѣ потеряны; лѣпописи Первосвященниковъ соужены; испори-ческихъ памянниковъ оспалось весьма мало; всѣ сочиненія древнѣйшихъ испори-ковъ, начиная съ Діоклеса до Саллустія, за исключеніемъ малыхъ опривковъ, по-гибли, и недоспавало въ нихъ по види-мому ни крипическаго, ни полипиче-скаго духа. Одръ только рѣчи, произ-несенныя на смерть знаменитыхъ гра-жданъ, и карпины, украшавшія входы огромныхъ зданій, оспались свидѣтеля-

ми многихъ происшествій; но семейственное щеславіе исказило испочники сіи вымыслами.

Полибій, уроженецъ Мегалополлисса, въ Аркадіи, первый изъ писателей Римской Исторіи достигъ до нашего времени. Находясь долго въ Римѣ Посланникомъ Ахейскаго союза, онъ приобрѣлъ дружбу великаго Сципіона. Какъ чужеземецъ, онъ болѣе всего принужденъ былъ вникать въ составъ Римскаго Правленія: онъ чего сочиненія его, въ семь отношеніи, гораздо поучительнѣе самыхъ Римскихъ историковъ. — Путешествуя, видѣлъ онъ Алпійскія горы, Испанію и Африку, и такимъ образомъ приобрѣлъ мѣстные познанія, безъ которыхъ прудно предсавить произшествія ясными. Полибій правильно разсмапривалъ предметы; безприсрастно судилъ о каждомъ образѣ правленія по существу онаго; не удивлялся тому, что, по видимому, приноситъ счастье завоевашелю; и когда изыскивалъ и оп-

крываль причины паденія Кароагенянь, по съ шѣмъ вмѣспѣ предсказываль онъ, какъ и когда ша же учаспѣ поспигнепѣ и ихъ побѣдишелей. Въ немъ нѣпѣ ни искусва Иродоша, ни силы Оукидида, ни многорѣчивой крашкоспи Ксенофонша; онъ человекъ государственнѣй, заняпѣ своимъ предметомъ, непомышляющѣй о хвалѣ ученыхъ, и спрудящѣйся для людей государственнѣхъ; разумъ, опличительное свойство его.

Плавтъ, Теренцій, Катонъ.

Изъ Римскихъ писателей того же времени, извѣспны намъ одни драматическіе спихошворцы: Плавтъ и Теренцій; они не изображали нравовъ Римскихъ, но только переводили еванпръ Греческѣй на языкъ природнѣй; почему и служашъ единспвенно къ познанію тогдашняго Римскаго вкуса. Первый все изображалъ смѣло, сильно, разительнѣй; вторѣй же съ Апшическою упонченноспію, недодражаемою простотою и нѣж-



ными оппѣнками. Плавтъ писалъ для Сенапа воинственнаго и общесва поселанъ, жившихъ во времена побѣдшпей при Замѣ; Теренцій для вѣка, въ коемъ философія и нѣга побѣжденной Греціи начали укрощашъ ея побѣдшпей-власшелиновъ.

Опъ сихъ древнихъ временъ дошло до насъ сочиненіе о земледѣліи, приписанное Капону первому; оно весьма поучительно по изображенію домашней многопрудной жизни завоевашпей Карфагена и Македоніи. Всѣ опрѣвки погдашнихъ писашпей, опзываются необразованнымъ мужесшвомъ.

Саллустій.

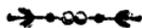
Спрогая наружность пережила добродѣтели, кошорыхъ была признакомъ и дѣйствіемъ; она господшвовала въ чершгахъ и рѣчахъ слашлюбиваго Августа; жестокость Нерона возбуждала меньшее негодование, нежели предосудительные его поступки. Сіе величіе,

плодь прежней возвышенности души и важности, сопровождавшей торжественныя дѣйствія; сей почтеніе вселяющій образъ жизни предковъ, придаетъ сочиненіямъ Саллустія ту разительную оригинальность, которая столь способна къ повѣспованію бѣдспвій и заблужденій рода человѣческаго. Царспвующіе пороки Рима обладали сочинителемъ; онъ позволялъ себѣ прошивное шоль краснорѣчиво превозносимому имъ безкорыстнѣю и самопожертвованію; но въ сочиненіи историческомъ, касающемся до гражданскаго общеспва, ни одинъ Римлянинъ не позволилъ бы себѣ даже легкой шупки.

Два прекрасные отривка исторіи Саллустія доказываютъ паденіе нравовъ и свободы.

Цицеронъ, Кесарь, Варронъ.

Каршину сію въ письмахъ и рѣчахъ довершаетъ Цицеронъ. Ни одинъ Римлянинъ не превзошелъ его въ краснорѣ-



чи; въ сочиненіяхъ его прельщаетъ господствующая любовь къ добру и наукамъ; онъ прекрасно изображаетъ сокровенныя причины государственныхъ переворошовъ того времени; научаетъ насъ смотрѣть равнодушно на перемѣну правленія, которое прощало Верреса, почитало Клавдія и служило слѣпымъ орудіемъ немногимъ честолюбцамъ. Изъ философскихъ сочиненій его видно, что люди, предъ самымъ основаніемъ Христіанской вѣры, многого уже достигли въ сужденіяхъ своихъ о главнѣйшихъ предметахъ ума человѣческаго.

Цицеронъ повѣсцуетъ о нравахъ и законахъ предшествовавшаго времени, безъ чего невозможно было бы достаточно цѣнить любопытнѣйшее, шолѣшіе величайшей республики.

Къ тому же служатъ оставшіяся сочиненія друга его Варрона о земледѣліи и языкѣ. Здѣсь видна жизнь справедливыхъ мужей, бывшихъ во время

общественнаго разврата; здѣсь любитель древностей найдетъ сокровище познаній.

Записки (комментаріи) Кесаря примѣрны по величественной простотѣ историческаго повѣствованія. Поелику онъ описываетъ собственныя свои дѣянія, то сочиненія другихъ должны служить криптическимъ поясненіемъ. Въ каждомъ словѣ, въ каждомъ опущеніи примѣрно намѣреніе: Кесарь съ величайшимъ искусствомъ объясняетъ одно, скрывая другое. Въмѣсто того, чшобы найши въ немъ примѣръ безпристрастной исторіи, узнаешь Кесаря; въ каждомъ эпизодѣ, въ каждомъ оборотѣ является одаренный геніемъ и съ намѣреніемъ пишущій Кесарь.

(Будетъ продолженіе.)



ПОБРОДЯГИНЪ,
или
ПРОГУЛКИ ПО ЦЕТЕРБУРГУ.



Побродягинъ? — Позвольте спросить васъ, Г. сочинитель, не прїѣзжій ли это гость изъ Москвы? — Помнился и шамъ былъ подобный чудакъ. — Вѣрно вы сняли копію съ Московскаго оригинала? — На первое скажу вамъ, любопытные читатели: да, а на послѣднее — нѣтъ.

Ежели вы обратитесь къ древно-сти, то вспомните, что Демокритъ и Диогенъ были первыми оригиналами въ этомъ родѣ. Впрочемъ будише снисходительны, и позвольте бродягамъ спрансвовать, одному въ Аѳинахъ, друго-

лу въ Абдерѣ, прешьему въ Москвѣ, а моему въ Петербургѣ. — И такъ выслушайте.

Описание мое о Побродягинѣ я раздѣлю, слѣдуя всеѣмъ спрогимъ системашикамъ, на физическое и моральное.

Изъ физическаго описанія узнаете вы, что Побродягинѣ человекъ пожилой, малъ ростомъ, сухощавъ, глаза имѣють быспрые; носъ длинный, черты лица выразишельныя, на устахъ его показывается иногда улыбка — скромная и многозначущая. Голова его всегда гладко причесана, и изъ подъ-спараго карпуза простирается довольно длинная коса, знаменитый ошашокъ украшенія рыцарей Карлова вѣка. Лѣпомъ онъ носилъ кафшанъ сшитый по модѣ, царшвовавшей при Лудовикѣ XIV; длинный грезешовый камзолъ; чулки перспрые и башмаки съ большими спразовыми пряжками; въ рукѣ длинный коспыль, подобной коспылю слѣпца Веллизарія, какъ ушверждалъ одинъ Анпи-



кварій нашего времени; а зимою надѣ-
ваетъ плащъ, подбитый спарымъ изно-
шеннымъ волчьимъ мѣхомъ и теплыя
кеныги.

Теперь выслушайте моральное опи-
саніе: онъ добръ, нѣсколько насмѣшливъ,
но это не мѣшаетъ ему быть добрымъ;
умень оны Природы и образованъ. —
Всю жизнь свою путешествовалъ по Рос-
сиі, путешествовалъ въ полномъ смыслѣ
сего слова, имѣя накойже экипажъ, ка-
кой употреблялъ Пётръ пустынникъ,
бывшій главою крестовыхъ рыцарей.

Побродягинъ, прибывъ въ Пешер-
бургъ, съ утра до поздней ночи ходилъ
по всѣмъ улицамъ и замѣчалъ все, что
заслуживало его вниманіе.

Одинъ пріятель Побродягина, часто
ходившій съ нимъ по Столицѣ, сдѣлалъ
краткое описаніе прогулокъ сего нова-
го Діогена и доставилъ мнѣ для любо-
пытства.

Вошь оно:

Д Е Н Ъ П Е Р В Ы Й.

З О Н Т И К Ъ,

или

БОЛЬШІЯ ПОСЛѢДСТВІЯ ОТЪ МАЛЫХЪ
ПРИЧИНЪ.

„Довольно жарко! Нынѣшній день
„шакъ хорошъ, чшо и во время лѣша
„мы не имѣли подобнаго.“ — Сказаль
одинъ незнакомый, сидѣвшій на бульварѣ
подлѣ Побродягина.

Побродягинъ.

Эшо правда; однако же вы дер-
жипесь совѣшовъ мудреца, копорый го-
вариваль: надѣвай плащъ, когда солнце
свѣшишь; а во время дождя, какъ хо-
чешъ.

Незнакомый.

Понимаю. Вы смѣешесь надъ моимъ
зоншикомъ.

Побродягинъ.

Я не смѣюсь, Государь мой, пошо-



му, что не имѣю ни нужды, ни права; но признаюсь, ваша предосторожность меня нѣсколько удивляетъ.

Незнакомый.

Вы правы, не зная наспоющей причины моей предосторожности.

Побродягинъ.

О, Государь мой! Если вы имѣете на то свои причины, то я виноватъ.

Незнакомый.

Вы мнѣ очень понравились — простите мою опкровенность; но я обязанъ шакъ поступать съ каждымъ честнымъ человекомъ. Небольшое похождение моего зонщика разрѣшилъ удивленіе ваше. Зонщикъ былъ причиною моего счастья и злополучія. Исторія его будетъ исторіею моей жизни. Выслушайте:

Я родился въ городѣ К. Опець мой получилъ въ удѣль добрую жену и бѣдность. Для пропитанія семейства своего онъ употреблялъ всѣ честные спо-

собы. Будучи не въ состояніи содержать себя жалованьемъ, онъ вышелъ въ опсавку и въ награду за шридцатилѣтнюю усердную службу получилъ, какъ водится, апшесташъ и — ничего болѣе. Въ то время я былъ десяти лѣтъ, и учился въ губернской школѣ, а въ свободные часы и въ праздничные дни помогаль опцу моему. Весною, на наняпомъ лоскушкѣ земли, мы сѣяли разныя огородныя растѣнія, или ловили рыбу въ ближнемъ озерѣ; лѣтомъ смотрѣли за огородомъ и ходили въ лѣсъ за лозовыми прутьями; осенью убирали плоды, а зимою плели корзины, шочили деревянную посуду. Такимъ образомъ шекла жизнь наша. Чрезъ нѣсколько лѣтъ я лишился опца; мать моя немногимъ пережила его; горесшь свела ее въ могилу — и я оспался семнадцатилѣтнимъ сиротою въ совершенной бѣдности. Разбирая бумаги покойнаго опца, я нашель записку моей мапери. Вошь ее содержаніе: „Другъ мой, Пав-



„лучша! ежели будешь угодно Богу пре-
 „крашишь жизнь нашу прежде швоей,
 „шо прошу, не продавай ни одной до-
 „машней бездѣлки. — Покойная пови-
 „вальная бабушка замѣшила нѣчто
 „спрванное при швоемъ рожденіи и увѣ-
 „рила насъ, что оягъ нѣкошорой вещи
 „изъ небольшого нашего скарба про-
 „изойдешъ швое счастье или злополучіе,
 „смотря, какъ ты употребишь ее.“

Почишая свяшо волю родителей,
 я исполнилъ сіе послѣднее завѣщаніе.
 Между шѣмъ обстоятельствомъ мои пере-
 мѣнились. Мнѣ должно было опсправить-
 ся въ городъ М. . . . , гдѣ нѣсколько мѣ-
 сяцовъ прешерпѣвалъ нищету и — безъ
 стыда признаюсь — даже голодъ. Судь-
 ба меня прешѣдовала на каждомъ шагу
 и я уже близокъ былъ къ опчаянію.

Въ одинъ изъ шѣхъ осеннихъ дней,
 когда самая погода расподагаешъ чело-
 вѣка къ задумчивосши, я взялъ зоншикъ
 и побрелъ въ опдаленное предмѣстіе
 города. Едва дошелъ до одной разва-

лившейся часовни на берегу рѣки, какъ сильный дождь, съ порывистымъ вѣтромъ, вспрѣшилъ меня. Я раскрылъ зонтикъ и продолжалъ путь свой. Вдругъ въ отдаленіи вижу бѣгущихъ двухъ женщинъ, легко одѣтыхъ и спарающихся укрыться отъ дождя. Я поспѣшилъ къ нимъ и предложилъ свой зонтикъ. Онѣ чрезвычайно обрадовались и съ благодарностію приняли мое предложеніе; я проводилъ ихъ домой.

Меня пригласили войшши. Въ домъ нашель я избытокъ и семейственное благополучіе. Хозяйка и дочь ея, шеснадцати — лѣтняя Лиза, приняли меня весьма ласково и безпрестанно повшоряли благодарность за маловажную мою услугу. — Между тѣмъ они рассказали мнѣ причину уединенной прогулки своей: Недалеко отъ разрушенной часовни, на берегу рѣки, погребено тѣло брата Ливы, который, влюбясь въ одну непостоянную дѣвицу, лишилъ себя жизни. Посѣщеніе могилы брата, составляетъ

единственное утѣшеніе прекрасной сестры его. Вопрь первое знакомство мое съ этимъ семействомъ. Почтенная Н. съ милымъ участіемъ просила меня быть у нихъ какъ можно чаще. Разумѣлся, что я въ почтости исполнилъ ее желаніе, и такимъ образомъ, посѣщая почши каждый день, я сдѣлался у нихъ наконецъ домашнимъ человекомъ. Красота, доброта души, Ангельскій нравъ и умъ Лизы меня очаровали. Я полюбилъ ее — и былъ любимъ взаимно. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и Лиза, божественная Лиза, сдѣлалась моею женою. Блаженство мое было неизъяснимо, и каждый день жизни моей былъ днемъ воспора и счастья. — Но кто виною сего? — Зонщикъ, шакъ, Государь мой, зонщикъ. — Получивъ съ рукою Лизы изрядное состояніе, я занялся порговыми оборотами и въ короткое время прибрѣлъ значительный капиталъ. — Дѣла принудили меня отправиться съ Лизою въ Столицу. —

Здѣсь прожилъ я около двухъ мѣсяцевъ и началъ уже собираться въ обратный путь; какъ вдругъ приходишь ко мнѣ незнакомый челоуѣкъ и проситъ итти съ собою къ одному знашному господину. Напрасно желалъ я узнать о причинѣ сего неожиданнаго зова: мнѣ ничего не опвѣчаюшь, и я рѣшился слѣдовать за посланнымъ. Меня предсавили С. — „Чѣмъ могу возблагодарить васъ, Государь мой, за вашъ подвигъ? вы спасли жену мою.“ — Такой приемъ удивилъ меня. — С. продолжалъ говорить, и я припомнилъ, что прогуливаясь въ загородномъ саду, избавилъ одну женщину и слугу ея отъ бѣшеной собаки помощію моего зонтика. Я опвѣчалъ Гну С., что такая услуга есть долгъ каждаго и не спомитъ благодарности. — Какъ бы по ни было, но С. обласкалъ меня и предложилъ мнѣ вступить въ гражданскую службу. Я согласился, и признашельный челоуѣкъ доставилъ мнѣ мѣсто, а съ нимъ по-

чесши и отличія. Такимъ образомъ я остался въ Сполицѣ. — Кшо же виною сего? — Зонщикъ, шакъ, Государь мой, зонщикъ. — Послѣ всего эшаго, чего же еще недосповало къ моему благополучію? Но ахъ! какъ часпо за красными днями жизни наспунаешъ буря! Форшуна обернулась ко мнѣ спиною. Дослушайте:

Однажды играли новую оперу. Женѣ моей хошѣлось видѣшь піесу и слышать музыку, копорую она спраспно любила. Мы взяли кресла, пошому, что при всемъ усиліи моемъ не могъ я достать ложу, хошя пришелъ въ шеашръ вмѣстѣ съ восходомъ солнца и вмѣстѣ съ Г. раздащникомъ билешовъ. — Но это не въ первый разъ, и при шомъ дѣло поспороннее ... пущь себѣ поправляющъ состояніе! — Облокошась на зонщикъ, я слушалъ съ великимъ вниманіемъ прекрасное произведеніе Моцарша и, забывшись совершенно, уронилъ зонщикъ. По несчасшію онъ упалъ на но-

гу сидѣвшаго подлѣ меня офицера. Грубіянь разбранилъ меня — и я напрасно, шо извинялся въ неумышленномъ проспулкѣ, шо совѣшовалъ ему бышь снисходительнѣе и вѣжливѣе; но по выходѣ изъ шеапра онъ непременно пребовалъ удовольстворенія. Вы понимаете, Государь мой, въ чемъ соспоало это удовольствие? — Поединокъ былъ неминуемымъ слѣдствіемъ. Соперникъ мой былъ ранень, а родспвенники его преслѣдовали меня повсюду — и я принужденнымъ нашелся оспавить Сполицу, а съ нею и мѣсто мое. — Кто же виною сего? — Зоншикъ, шакъ, Государь мой, зоншикъ. — И шакъ я опяшь поселился въ К. Но недолго наслаждался спокойспвіемъ. Въ праздникъ Петра и Павла насъ пригласили на именины въ загородный домъ по другую спорону рѣки. Мы взяли лодку и переѣхали благополучно. До самой полночи пробыли у именинника — и опяшь на той же лодкѣ пуспились черезъ рѣку. Дождь шель



довольно крупный и въперъ дуль весьма сильно. Я не могъ сдержашь въ рукахъ зоншика и привязалъ его къ лодкѣ: мы лепѣли какъ на парусѣ. Едва выѣхали на средину, какъ сильный порывъ вѣтра свернулъ на бокъ зоншикъ, а съ нимъ опрокинулъ и лодку. Я и перевозчикъ спаслися опгъ попопленія; но Лиза, божеспвенная Лиза, погибла навѣки. — Кто же виною сего? — Зоншикъ, шакъ, Государь мой, зоншикъ.

Побродягинъ.

Зоншикъ причиною вашихъ несчастій, и вы его не оставите! —

Незнакомый.

Вспомните; Государь мой, что онъ былъ также причиною и благополучія моего! Я увѣренъ, что чрезъ него или снова буду счастливъ, или погибну. Въ шомъ и другомъ случаѣ доволенъ буду своею участью. Прощайте, Государь мой! Вопшь вамъ мой адресъ. Надѣюсь, что вы меня посѣдите.

Странное дѣло! сказала Побродягинь, какъ часто случается, что большія послѣдствія происходятъ отъ малыхъ причинъ. Между шѣмъ подошелъ Педаншовъ и Побродягинь разказалъ ему слышанную испорію.

Педантовъ.

Что же скажете вы, Г. Побродягинь, о той таинственной запискѣ и о предсказаніи бабки? —

Побродягинь.

Ничего, совершенно ничего. Спарухи обыкновенно любящъ выводиль какія нибудь чудесныя и чрезвычайныя заключенія.

Педантовъ.

Однако же, почему такъ вѣрно сбылось ея предсказаніе? Воля ваша, а мы учёные еще не все знаемъ.

Побродягинь.

Повѣрьте, Г. Педаншовъ, что спаруха не видала ничего особеннаго при рожденіи знакомца моего; но утверждала для того, что бы чрезъ сію хищ-



рость приобрѣсть себѣ особенное уваженіе и выгоду. Все же, случившееся съ симъ счастливымъ несчастливцемъ, произошло бы и безъ предсказанія шарухи. Мы часто приписываемъ послѣдствія такимъ причинамъ, копорыя не имѣли на нихъ ни малѣйшаго вліянія. Такъ, на примѣръ, говоряшъ, что съ тѣхъ поръ, какъ появились у насъ крипическіе журналы, сочинители піесъ приобрѣли болѣе вкуса и познаній, и будто съ сего времени, какъ начали дѣлать разборы драматическихъ представленій и игры Акперовъ, мы будемъ имѣть прекрасныя трагедіи, комедіи и оперы, а Гг. Акперы усовершенствуютъ свои таланты.

Педантовъ.

Что же? вы согласитесь: крипика много дѣйствуетъ на сочинителей.

Побродягинъ.

Вы правы. Нынѣ она почто обращается на сочинителей, а не на сочиненія, по отношенію послѣднихъ къ сану

и политической силѣ первыхъ. — Два издашеля одного журнала въ крипикахъ своихъ на шаепральныя піесы хваляпъ другъ друга безъ пощады, подѣ чужими именами. Я самъ, грѣшный человекъ, поелалъ напечаташъ въ нѣкоторомъ журналѣ высокопарную похвалу писателю Н. Н., моему большому приятелю. — Чшо же дѣлалъ? Онъ приспавалъ безпреспанно, — и я принужденъ былъ исполнить его просьбу. — Виноватъ; Государь мой, похваллъ чужой поваръ для шого только, чшобы болѣе покупателей явилось.

Педантовъ.

Но есть разборы безприспратные и умные, показывающіе, чшо крипикъ вникнулъ въ духъ сочиненія и разбиралъ не одни ореографическія ошибки; но планъ, ходъ и ошдѣлку піесы.

Побродягинъ.

Эшо правда: но какъ они рѣдки въ наше время! Я еще замѣшилъ непроспительную спранность въ нѣкоторыхъ по-

луученыхъ. — Они опдають справедливостъ не паданшамъ ; но лѣшамъ, и хопшяшь непременно, чшобы занимающійся науками и словесноспію былъ не молоде 35 лѣтъ и даже не худо, ежелибъ имѣлъ и бороду; — въ прошивномъ случаѣ молодыхъ лѣшами, но спарыхъ познаніями сочиншелей, называють мальчиками ; — а еще шого спраннѣе, эши мальчики, доспигнувъ спароспи, услышашъ совсѣмъ прошивное. Имъ скажутъ, чшо воображеніе ихъ угасло, силы ослабли и чшо они въ молодоспи писали превосходно. Гдѣ же истина? —

Педантовъ.

Признаюсь, когда я слушаю молодого сочиншеля, чшпающаго свое произведение, шо всегда предспавляешя мнѣ, чшо слушаю ребенка, рассказывающаго свои шалоспи, и мнѣ кажешя, чшо какъ бы ни хорошо было его сочиненіе, но все чего-шо въ немъ недоспаешъ истинно шворческаго.

Побродягинъ.

Эпо вамъ представляется опъ того, что вы, можеть бышь, сами въ подобныя лѣта ничего хорошаго не производили; эпо вамъ кажешся опъ того, что вамъ самимъ въ совершенномъ возрастѣ недоспаешъ чего-то. Такіе старые сочинители, копорые превозносятъ все писанное людьми ихъ возраста и порицающъ произведенія молодыхъ Авшоровъ, подобны саранчѣ, истребляющей молодыя произрастѣнія — надежду и опраду воздѣловашеля нивы. Молодой писатель сходенъ съ юнымъ растѣніемъ. Оно имѣешъ нужду въ опорѣ, — и горе ему, ежели возле его растешъ такое древо, копорое вмѣсто того, чтобы служить ему защишою опъ вѣтровъ и зноя, само нагибаясь и качаясь безпрешанно, юный стебель дѣлаешъ кривымъ и безобразнымъ, а часшо и подавляешъ его своею тяжестію.

Педантовъ.

Нѣшъ, Г. Побродягинъ — мы съ ва-

ми никогда не согласимся. — Вы вооружены *софизмами* — а я люблю сражаться *силогизмами*. Молодые писатели должны выдерживать весь искусъ и испытаніе; тогда-то произведенія ихъ достигнутъ своей цѣли.

Побродягинъ.

Но мы съ вами пошчасъ согласимся. ежели разберемъ хорошенько, что одна свобода и собственная воля есть источникъ заняшій сего рода. — Подавите грубыми и бранными словами первый зародышъ сего генія, и стремленіе къ излщному исчезнетъ. — Одинъ, напримѣръ, избралъ себя заняшiemъ науки, отказался отъ всѣхъ обольстительныхъ и безполезныхъ удовольствій свѣща, отъ всѣхъ выгодъ и почестей, заключился въ чешырехъ свѣнахъ и бесѣдуетъ съ музами. Онъ желаетъ современемъ быть полезнымъ обществу; спремился къ своей шрудной цѣли, — и производитъ плоды сначала безсомнѣнія слабые, надѣясь постепенно достигнуть совер-

щенства, какъ в другъ несправедливый, но забавный приговоръ педанна: — объявляешь соотечественникамъ, что молодой писатель принижен не за свое дѣло. Теперь скажите мнѣ, — можетъ ли онъ послѣ такого привѣщанія не поперять духа, — можетъ ли онъ, вооружась Философіею, презрѣть нападеніе педанна? — Ему покажется безсомнѣнія, что онъ спудился для неблагодарныхъ соотечичей! — Воля ваша, Государь мой, — а ГГ. полуученые педаншы гораздо нагубнѣ зоншика! —

Педантовъ.

Вы начали съ зоншика и кончили зоншикомъ. — У васъ conclusio сдѣлана по формѣ; но ни мѣсто, ни время не позволяющъ мнѣ опровергать ваши сужденія.

Побродягинъ.

Вы можете написать цѣлую диссертацію и помѣстить ее въ любомъ журналѣ. — Нынѣ это въ употребленіи. — Что говоряшь въ дружескомъ кругу,



ше и печатають. Просподушные собе-
сѣдники совсѣмъ не думаютъ, что най-
дуться между ими люди, которые ни во-
что ставяшь старинную пословицу:
„Чурь, изъ избы сору не выносить! —

А. Н.:...ъ.



МЛАДЕНЧЕСТВО АВРААМА.

ИЗЪ ГЕРДЕРА.

Авраамъ воспишывался въ пещерѣ, по-тому что пиранъ Нимвродь грозилъ ему гибелью. Но и во мракѣ подземномъ сіялъ въ немъ лучъ Божества. Размышляя, спрашивалъ онъ самаго себя: „кто „мой Творецъ?“

Шестнадцати лѣтъ онъ оставилъ пещеру. Въ первый разъ увидѣлъ небо, землю и пришелъ въ восхищеніе. „Кто „вашъ Творецъ?“ спросилъ онъ сущесвья, его окружавшія.

Взошло солнце: Авраамъ повергся ницъ предъ нимъ. „Вопгъ Творецъ! сказалъ онъ: видъ его величественъ.“

Солнце всупило въ зенищъ и, опукаясь поспешенно, наконецъ закашилось.

Тогда взошелъ мѣсяць, и Авраамъ воскликнулъ: „изчезнувшее свѣшило не „естъ Господь Небесъ, не онъ ли сіе „новое свѣшило, сонмомъ звѣздъ управ- „ляющее?“

Но мѣсяць и звѣзды сокрылись, и Авраамъ оспался одинъ съ своимъ сомнѣніемъ. —

Онъ пошелъ къ опцу своему и спросилъ его: „Кто естъ Господь Небесъ „и земли?“ — Тара указалъ ему на своихъ идоловъ. „Я испышаю ихъ, думалъ „Авраамъ и, оставшись одинъ, предло- „жилъ имъ лучшія яства. Если вы „испінныя Божества: то примите ва- „шу жершву.“ Но идолы пребыли не- „движимы.

„И сихъ испукановъ, сказалъ оп- „рокъ, признаешь опецъ мой за бо- „говъ? — Но, можець бышь, я выведу „его изъ заблужденія.“ Онъ взялъ жезлъ, разбилъ ихъ, исключая одного, копорому вложилъ въ руку жезлъ, побѣжалъ

къ Таръ. „Отець, произнесъ Авраамъ,
 „швой первый богъ умертвилъ своихъ
 „бращевъ.“

Гнѣвно возрѣлъ на него старецъ и
 сказалъ: „Ты издѣваешься надо мною,
 „опрокъ: могъ ли онъ это сдѣлать, бу-
 „дучи произведениемъ рукъ моихъ? —
 „Не гнѣвайся родишель, возразилъ Ав-
 „раамъ, и успрями слухъ къ вѣщанію
 „успѣ швоихъ. Ты не увѣренъ, чпо-
 „бы богъ швой могъ произвешъ шо,
 „чпо сдѣлала рука моя, какъ же онъ
 „можешъ бышъ шворцемъ моимъ, шво-
 „имъ, земли и неба?“—И Тара умолкъ
 предъ мудросію опрока.

Но слухъ о семъ произшесшвіи до-
 шель до Нимврода. Сей призвалъ Авраама
 и рѣкъ: „моему богу долженъ шы покло-
 „няшся опрокъ: или разженная печь
 „пожрешъ шебя.“ (Волхвы предсказали
 Царю при рожденіи Авраама, чпо онъ
 испровергнешъ идоловъ и уничтожишъ
 власшъ царскую. Посему Царь его и
 преслѣдовалъ.)



„О Царь! кто богъ твой?“ — спросилъ неуспрашимый опрокъ.

„Огонь, сильнѣйшее изъ сущесствъ.“

„Огонь, возразилъ Авраамъ, погашается водою: вода превращается въ облако; облака разсѣваются въпромь; а въпру прошивостоиптъ человѣкъ. И такъ человѣкъ естъ сильнѣйшее изъ сущесствъ.“

„А я сильнѣйшій изъ людей, сказала Царь, Воздай же мнѣ божескую почестъ: или раскаленная печь пожреть шебя.“

Тутъ опрокъ возвелъ къ гнѣвному владыкѣ скромные взоры и сказалъ: „Я видѣлъ вчера солнце, по упру возходящее, а въ вечеру заходящее; повели, о Царь! чшобъ оно сего дни въ вечеру возошло, а по упру ниспустилось: и я воздамъ шебѣ почестъ божескую.“

И Авраама ввергли въ пламень.

Но сила огненная не повредила опрока: Ангелъ воспріялъ его въ свои объ-

япія и навѣваль прохладу, подобно испаренію лиліи. Опрокъ изшелъ изъ пламени еще прекраснѣе; и Господь явился ему вскорѣ, извелъ изъ Халдеи и посвятилъ своему служенію.

И Авраамъ содѣлался учредителемъ истинной церкви Божіей.

В. Бриггеръ.

ПИСЬМА ЛИНЫ КЪ МАТЕРИ.

Наконецъ, любезная машушка; наилучшее желаніе мое исполняется. Такъ — рѣшено, мы ѣдемъ, прощаемся съ мирною нашею долиною, и скоро будемъ привѣшпвовашь величеспвенныя Альпы. Завтра съ первыми лучами ушра отпра-вимся въ Базель, а опшуда чрезъ Арлсгеймъ и Солошурнь во Французскую Швейцарію. И шакъ, любезная машушка, я увижу шо мѣспо, кошорое нѣкогда благословляль Руссо; шѣ скалы, на кошорыхъ раздавались жалобы Сен. Пре;—прелеспный Кларенсъ, гдѣ възды-хала нѣжная Юлія.

Эдуардъ мой, при всей добротѣ сердца огорчилъ меня нынѣ опказомъ въ просьбѣ. Я надѣялась, что пуше-

шествіе сіе не разлучитъ меня съ моею Ангеликою, была увѣрена въ согласіи отца, что онъ возьметъ ее съ собою; но онъ на это не рѣшился. Теперь не оспается мнѣ ничего болѣе, какъ просить васъ, милая машушка, чтобъ вы на все время ошусшвія нашего оставили Машильду въ нашей деревнѣ. Кому надѣжнѣ могу поручить я неоцѣненное сокровище мое—Ангелику, кому, какъ не сему крошкому чувствительному существу, которое называю я своею сестрою не поному только, что одна машеринская грудь питала насъ, но и самое сходство нравовъ нашихъ и плеснаго сложенія, даетъ намъ право быть родными въ полномъ смыслѣ этого слова? Вы не можете повѣрить, любезная машушка, какъ для Машильды полезна деревенская жизнь, здоровье ее совершенно поправилось. Когда она оставила пансіонъ и возвратилась къ намъ; пихая горечь напечатлѣна была на лицѣ ея,—она страдала глубоко сокрытымъ и,



можеть бышь, ей самой непоняпнымъ чувствомъ. Нынѣ прекрасное существо оіе наслаждается веселостію; прелестная юность Машильды получила опять весь блескъ свой. Подобно рѣзвой сернѣ, она лешаетъ вмѣспѣ съ моимъ Эдуардомъ по холмамъ и долинамъ, помогаешъ ему во всѣхъ пріятныхъ деревенскихъ занятіяхъ и часшо съ первыми лучами утренняго свѣшила, когда я покоюсь еще въ сладкомъ, безмяшежномъ снѣ, они оба, совершивъ прогулку по окрестнымъ мѣстамъ, плавають по зыбкой поверхности величественнаго Рейна и, позавтракавъ въ прибрежныхъ хижинахъ, поспѣшаютъ въ мои объятія. — Правда, ежелибы я была ревнива, то шеперь шолько сія мучительная спрашь должна бѣ была овладѣшь мною: шакъ, Эдуардъ раздѣляетъ любовь свою между мною и Машильдою.

Повозки уже готовы; Эдуардъ съ Машильдою перебѣгаютъ всѣ комнашы; здѣсь осмашриваютъ они замки, шамъ

прячуть любимыя свои вещи. Многіе комнаты не разшворяшя до нѣхъ поръ, пока радосный крикъ осцавшихся слушителей не возвѣсипъ возвращенія ихъ владѣльца. Какъ привязанъ человекъ къ своей собственности, къ пріятному и спокойному своему жилищу! Какъ забоишя о всемъ ему принадлежащемъ! и при всемъ томъ онъ вѣчно убѣгаетъ своего жилища, и при всемъ томъ пѣсноша и ограниченность его беспокояшъ; онъ желаешъ подышашъ свѣжимъ воздухомъ въ безпредѣльной опдаленности! О! вы не можете повѣришь, любезная мапушка, какъ тягосно душѣ моей сморѣшь на всѣ пригѣшвленія къ нашему опѣвзду, на бѣгающихъ шуда и сюда слугъ, на выносимые сундуки и узлы. Теперъ запрягаютъ лошадей, плачущая Машильда повисла ко мнѣ на шею. Съ какою гореснію сморю я на все меня окружающее, увижу ли все опящъ въ шакомъ видѣ, въ какомъ осцавляю. О вы блестящія, опдаленныя высощы!



Сколь часто изъ сихъ оконъ волшебный видъ вершинъ вашихъ увлекалъ за собою мое воображеніе; но не разрушился ли сіе очарованіе, когда я къ вамъ приближусь; не возвращусь ли опть васъ, можетъ быть, съ большимъ уныніемъ, съ сердечною пустошю.

Базель.

Мы уже здѣсь, любезная машушка; уже предспавляется взору нашему обширный и величественный Амфитеатръ Швейцаріи. Какъ могу я описатьъ вамъ сію чудесную природу, сіи возвышающіеся верхи, сію разнообразную зелень грозной Юры, сіи долины и песпрѣющіяся многочисленныя спада! Чшо могу сказать вамъ о величественной рѣкѣ, кошорая здѣсь едва шолько успокоилась опть паденія своего при Шафгаузенѣ! и при всемъ томъ, любезная машушка, все какъ бы недоспааетъ чего-то. Мнѣ кажется, чшо на сихъ горахъ должны бы обитать боги древности, кошорые оста-

види ихъ, и щещно ищеть ихъ взоръ мой.

Лозана.

Сей часъ плавали мы по озеру, любезная машушка. Въ первый разъ еще, шакъ, въ первый разъ душа моя исполнена была сильныхъ чувствованій; но ни дрожащій вечерній лучъ, падающій на гладкую поверхность померкшаго озера, ни алый свѣсъ, окружающій мрачныя скалы Меллерана, ни огненный цвѣтъ моря, отражающійся отъ вечерняго неба, разширогали мое сердце! — Нѣтъ! это произвели выразительные взоры молодого челоѡка. Не ожидайте отъ сего, машушка, никакого чрезвычайнаго происшествія. Это тихое и спокойное приключеніе, которе я вамъ разска-зашъ хочу.

Вчера вечеромъ пріѣхали мы въ Лозану. Я упомялась отъ несноснаго зноя и разнообразныхъ зрѣлищъ, перемежняющихся безпрестанно; они были новы



для взора и не занимали еще моего сердца. Такъ на примѣръ: когда видимъ предъ собою раскрытую книгу, которую мы давно желали, но еще не наступила минута спремительнаго любопытства узнать ея содержаніе, перевертываемъ листы, взоръ блуждаетъ на нѣкоторыхъ безсравненныхъ мѣстахъ; но все это не есть порядочное чтеніе и цѣлое представляется неясно разсѣянному понятію нашему. Мы осматриваемъ прекрасныя мѣста сіи еще съ большимъ безпокойствомъ и спремимся къ новымъ предметамъ.

По прибытіи въ Лозану, Эдуардъ предложилъ мнѣ насладиться прогулкою на озерѣ, тихій вечеръ манилъ насъ къ сему удовольствію. Мы дошли до берега. Къ намъ подбѣжали два Савоярда въ праздничныхъ рубашкахъ, украшенныхъ разноцвѣтными лентами, и просили насъ войти въ лодку, въ которой уже сидѣлъ какой-то незнакомецъ. — Между тѣмъ какъ Эдуардъ всступилъ съ

однимъ изъ нихъ въ разговоръ , другой вынулъ изъ лодки доску , положилъ на берегъ и я пошчасъ перешла по ней. Вечернее солнце прямо свѣшило мнѣ въ лице и ослѣпляло глаза мои , отъ чего я оступилась и схватила за руку Савоярда; вдругъ почувствовала, что кто-то взялъ меня за другую; возможно ли, произнесъ мужескій голосъ: „*возстають ли мертвыя изъ гробовъ своихъ.*“ Я обратила глаза и увидѣла молодаго чело-вѣка, сидѣвшаго назади лодки, онъ подалъ мнѣ сію помощь. Небесный блескъ скромно озарялъ черныя лица его.

„Нѣтъ, это не она;“ повпорилъ опять пошъ же голосъ; но, вышедъ какъ бы изъ глубокаго недоумѣнія, молодой чело-вѣкъ поцѣловалъ дрожащую мою руку. „Проспите мнѣ сей странный поспу-покъ прекрасная незнакомка,“ сказалъ онъ тихо и привлекательно. Удиви-тельное сходство, очаровательныя чер-ты ваши...

Въ сію минушу Эдуардъ вошелъ въ

лодку, поклонился незнакомому и мы отплыли отъ берега. Солнце скрывалось уже за горы и мрачно смотрѣли на насъ грозныя скалы. — „Туда взгляните сударыня, сказалъ молодой человѣкъ, туда на долину Февейскую? — Я обратила глаза мои, они встрепились съ глазами незнакомца. — Никто не произносилъ ни слова. Безмолвно, какъ вся Природа, шоржеспивовали мы послѣднія минуны угасающаго дня. — Молодой человѣкъ тихо пронуль по спрунамъ ципры. Тихо началъ переливать звуки изъ одного въ другой; поспешенно переходили они изъ нѣжныхъ въ прогашельные, изъ унылыхъ въ мрачные. Гармонія время отъ времени спановилась важнѣе и обратилась какъ бы въ сильный споръ прошиворѣчущихъ акордовъ. Потомъ чудесное соединеніе сихъ звуковъ опять слилось въ пріятную, восхищительную арію и наконецъ мало по малу утихалъ очаровательный голосъ. Сердца наши исполнены были глубокихъ чув-

сивованій и никакія слова не могли ихъ выразишь. Попомъ нѣсколько времени продолжался разговоръ Эдуарда съ незнакомцемъ о свойствѣ инструментовъ. Эдуардъ отдавалъ преимущество на водѣ кларнету; общался на другой день свидѣвшись опять на озерѣ и привесни съ собою нашего егеря, копорый, какъ вамъ извѣстно, прекрасно играетъ на семъ инструментѣ.

Какое скорое знакомство! При всемъ томъ мы еще не знаемъ ни сословія, ни имени сего молодого человѣка; но онъ уже какъ бы принадлежалъ къ нашему семейству. Сколь различно было вниманіе мое и Эдуарда къ сему милому призраку! Слова, копорыя онъ произнесъ ко мнѣ при началѣ свиданія нашего, означали какую-то глубокоскрытую тайну. Незьяснимое чувство влечетъ меня къ нему и все говоришь во мнѣ, что онъ близокъ къ моему сердцу.

Ночь спустилась уже на озеро. Она была для меня пріянная; я могла без-



препятственно дашь волю слезамъ моимъ. Разговоръ мужчинъ о различныхъ нравственныхъ предметахъ, исполнилъ чувства мои священнымъ благоговѣниемъ. Какъ глубокомысленно и безприсраспано было сужденіе незнакомца о суешности свѣта; его соболъзнованіе о ничтожествѣ нашей жизни было крошко, выразительно и чистосердечно! Что могло бы причинить въ такой благородной и постоянной душѣ, въ такихъ молодыхъ лѣтахъ столь глубокія раны! О любезная машушка! что въ состояніи болѣе пронуть насъ, какъ не смиреніе и крошость твердаго характера и нищая грусть непоколебимаго сердца.

Лозана.

Мы все еще здѣсь, любезная машушка, и не можемъ разрешиться съ симъ мѣстомъ. Эдуардъ нашель садъ на берегу моря и вѣрно еще нѣсколько недѣль здѣсь пробудеть.

Вы огорчили меня въ послѣднемъ

письмѣ вашемъ, любезная мамушка. Вы называете знакомство мое съ молодымъ человѣкомъ опаснымъ приключеніемъ; вы осперегаете меня, чтобы ревность не возродилась въ сердцѣ моего супруга. Ахъ! одно только нѣжное попеченіе о спокойствіи дѣшей вашихъ можетъ извинить васъ за столь обидное для меня подозрѣніе.

Развѣ не знаете вы моего Эдуарда? Развѣ забыли опкровенность и глубокое спокойствіе души его? Его божественное и гордое самочувствіе? Сомнѣніе и подозрѣніе не имѣютъ мѣста въ его высокихъ чувствахъ; въ нихъ обитаетъ вѣчное согласіе. Легкія волны спрашей, колеблющія душу женщины, никогда бы не должны поколебать души мужчины. Эдуардъ знаетъ конечно, что можетъ найтись еще такое достойное существо, которое въ состояніи будетъ занять мое сердце; но соврашить меня съ пупи добродѣтели, съ пупи душевнаго моего спокойствія, невозможно.



Чувство вѣрности никогда не ослабѣетъ, оно поддерживаешь привязанность къ обожаемому предмету, не терпишь стѣни подозрѣнія, само на себя полагаешь и не можешь испребишься. Если бы было много такихъ мужчинъ, которыхъ жизнь, подобно моему Эдуарду, протекала спокойно, тогда ни одна женщина не искала бы другаго блаженства и не шельлась въ пустыхъ мечтаніяхъ.

Лозана.

Болезнь моего Эдуарда удерживаешь его уже нѣсколько дней въ комнать и препялшвуешь провождать жизнь нашу такъ весело, какъ мы начали. Однакожь сей случай открылъ намъ новыя доопиинства въ уныломъ нашемъ незнакомцѣ. Молодой человекъ сдѣлаея для меня необходимымъ; онъ прислуживаешь Эдуарду, чишаешь, поешь, занимаешь мѣсто его лѣкаря и въ награду за все себѣ желаешь одного только блаженства, вечеромъ нѣсколько часовъ покашашься

со мною по озеру. Эдуардъ шѣмъ охотнѣе на сіе соглашается, чю ему въ сіе время бываетъ хуже; въ сіи минуты онъ никому не хочеть бытъ въ шягоспѣ. Доспоииспво сіе опличаетъ его опъ другихъ мужей, кошорые, спрадала, хошяптъ непременно, чюобы цѣлой свѣптъ спрадала вмѣспѣ съ ними. Во время сихъ прогулокъ я каждый разъ то боялась, шо надѣялась, чю сей молодой чело-вѣкъ, кошорый, какъ намъ шеперь из-вѣспно, родомъ Шведъ и произходитъ опъ знашной и богалпой фамилии, оп-кросптъ мнѣ причины необыкновеннаго посшупка его со мною при первомъ сви-даніи; однакожъ до вчерашняго дня онъ не сдѣлалъ никакого объясненія. Меж-ду шѣмъ къ большему удовольствію при-мѣчаю я, чю онъ въ моемъ присуп-спвіи съ каждымъ днемъ дѣлается весе-лѣе. Вчера ввечеру, когда мы сѣли опяптъ въ лодку, онъ не могъ болѣе скры-вашъ чувствъ своихъ и сказалъ: „такъ, „я долженъ вамъ наконецъ признапсъя,



„ долженъ объяснить, что меня такъ
 „ сильно къ вамъ привязываетъ, что въ
 „ первую минушу нашего свиданія сдѣ-
 „ лало васъ для меня споль любезными
 „ и драгоценными. Угодно ли вамъ меня
 „ выслушать? “

Охотно, отвѣчала я въ смущеніи.
 „ Вы совершенный Ангель, продолжалъ
 „ онъ, поцѣловавъ мою руку, вы Ангель;
 „ но вы похожи на другое божествен-
 „ нѣйшее существо, которое я вѣчно
 „ буду оплакивать. Та, которую я лю-
 „ билъ, больше уже не существуетъ. Вы
 „ назвали бы ее сестрою своею.... При
 „ оихъ словахъ пламенные слезы его
 „ оросили мою руку: „ Хотите ли больше
 „ знать о судьбѣ моей? Прочтите
 „ листки сіи, я нарочно для васъ напи-
 „ салъ ихъ. Не сожалѣйте о времени,
 „ которое вы на чтенія ихъ употреби-
 „ те. Я старался привести на память
 „ всѣ прошедшія минушы краткаго мое-
 „ го счастья. Каждое ничтожное об-
 „ стоятельство, каждое маловажное про-

„изшествіе драгоцѣннѣе для воспомина-
 „нія всѣхъ видимыхъ мною предметовъ,
 „и при-всѣмъ шомъ могу вамъ предспа-
 „вить одни шолько слабыя черты, въ
 „которыхъ нѣкогда изображалась пре-
 „лепнѣйшая картина моей жизни. Бо-
 „жественное очарованіе ея неизъяснимо
 „и покоишся глубоко въ душѣ моей.“ —
 Здѣсь кончился разговоръ нашъ.

Я прочитала листки Густава, (такъ
 называется нашъ знакомецъ) вмѣстѣ съ
 моимъ Эдуардомъ. Посылаю ихъ къ вамъ,
 любезная мамушка, нѣкоторое предчув-
 ствіе возродилось въ душѣ моей. О,
 если бы оно совершилось!

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

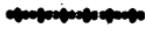


СТИХОТВОРЕНІЯ.



НИНА.

ПАСТУШЕСКАЯ ПОЭМА
ВЪ ТРЕХЪ ПѢСНЯХЪ.



ПѢСНЬ I.

Не главъ увѣнчанныхъ Державу
И не героевъ пышну славу,
Пою любовь и Нину я.
Моя негромогласна лира
Концевъ не потрясаетъ міра;
Но тихой, помной звукъ ея
Въ сердцахъ единыхъ раздается,
И по въ чувствительныхъ сердцахъ.
На легкихъ мысль моя крылахъ
Не къ солнцу, какъ орель, несется;
Но по смѣющимся лугамъ,
По рощамъ носишься, полямъ,

Куда изъ градовъ убѣгають
 Невинность, простота, любовь,
 И въ видѣ юныхъ паспуховъ
 Спада на насивы выгоняють;
 Гдѣ нѣтъ вражды — гдѣ всѣ друзья,
 Ахъ, что же не паспухъ и я! —
 Когдабъ ты въ пышности родилась,
 И въ нѣгѣ, Нина, жизнь училась,
 Былабъ ты шолько хороша, —
 А сердце чувствва и душа
 О Нина, Нина! ты счастлива,
 Ты межъ паспухекъ возросла,
 Скромна, чувствительна, правдива,
 Чистосердечна, всѣмъ мила.

Вблизи прозрачнаго Тессина
 Уединенныхъ береговъ
 Хотѣла нѣжная любовь,
 Чтوبъ въ хижинкѣ родилась Нина;
 И Нина тамъ въ свой первой часъ
 На солнце первой разъ взглянула,
 Тамъ улыбнулась первой разъ,
 И тамъ же первой разъ вздохнула.

Пятнадцатой въ то время годъ
Поднесъ ей въ дорогомъ букетъ
Тьму новыхъ прелестей, красотъ,
Чтобъ всѣхъ она прельщала въ свѣтъ:
Но обновивъ такой букетъ,
Паспушка скромная не знала,
Что онъ къ лицу ея идетъ,
Что въ немъ она пригожей спала.
Зефиры, кои никогда
Отъ Нины прочь не ошлепали,
Лилейну грудь ее погда
И всю ее разцѣловали.
О вы, кошоры первой вздохъ
Любезной Нины подхвапили,
Сей новыхъ чувствъ ея залогъ
Въ Пафосъ къ Венерѣ относили,
Вы, кои съ ней всегда, вездѣ,
Амуры! расскажите мнѣ,
Зачѣмъ въ полночь день она вздохнула?
Зачѣмъ спыдливоспъ промелькнула
На блѣломъ личикѣ ея?
Румянцемъ вы ея прельщались,

Не такъ сіяешь, признавались,
Сквозь млечны облака заря. —

Не осердись драгая Нина,
Что пошь, кошорому судьбина
Въ градскомъ шуму велѣла жить
И сельску тишину любишь,
Не осердись, что, проникаешь
Онъ въ тайны сердца цвоего;
Не осердись, что мысль его
Жишь въ хижинкѣ съ шобой дерзаетъ;
Но ежели сей пѣсни слухъ
Доспигнешь до себя изъ града,
Скажи: зачѣмъ онъ не паслухъ?
Вздохни и вопль моя награда!

Зефиръ съ любовницей своей
Пятнадцатой лишь разъ для Нины
Цвѣтами испесстрилъ долины,
Амуръ во снѣ явился ей. —
Пока пернашую спаницу
Будила упрення заря,
И въ золотую колесницу
Часы для дневнаго Царя.



Коней крылашыхъ запрятали,
 На островъ ей мнилось бышь,
 Межь розовыхъ кустовъ ходишь,
 Гдѣ въ пушь Амуры ей бросали
 Пучки ясминовъ и лилей,
 И передъ ней какъ рой летая,
 Твердили всѣ не прешавадъ :
Мила, мила, всего милѣй!
 Приятнымъ сномъ обворожена,
 Паспушка видишь изумлена
 Трехъ дѣвъ прекраснѣйшихъ собой ;
 Онѣ къ ней руки проспираюшь,
 Ее съ улыбкой называютъ
 Своей подругой дорогой,
 И каждая вѣнокъ сплешенный
 Изъ свѣжихъ розъ ей подаетъ.
 Вдругъ слышитъ голосъ ошдаленный,
 Какъ будшо кто ее зоветъ
 И эхо вшоритъ : Нина! Нина!
 И ужъ Амуровъ половина
 Съ ней въ миршовой лѣсокъ лепишь ;
 Другаяжъ вокругъ ее порхаетъ,

Зефировъ наглыхъ прочь полкаешь
 И имъ съ угрозами препишь
 Пасшущки молодой, спыдливой
 Покровы легки раздувашь,
 И въ нихъ запушавшись играшь. —
 Одинъ зефиръ небоязливой
 Все дуль, все повѣвалъ вокругъ,
 Все краля ближе къ ней — и вдругъ
 Украдкой дунуль силой всею
 Изъ за Амуровъ ей на шею,
 И какъ проворный въперокъ,
 Врасплохъ смахнулъ съ нее плашокъ,
 Взглянулъ на бѣлу грудь — прельсшился;
 Взглянулъ еще — зашрепешалъ,
 Плашка въ восторгѣ не сдержалъ,
 Плашокъ на мягкой лугъ спустился:
 Но чшобъ Амуръ какой нибудь
 Не подхвашилъ его, и грудь
 Краснѣющей какъ упрю Нины
 Опъ спраспныхъ не сокрылъ очей,
 Зефиры всѣ, плѣненны ей,
 За высочайши горъ вершины

Плatchикъ унесли пошчасъ.

А ей казалось, что въ щочь разъ

Двѣ бабочки къ ней прилетѣли,

Вились надъ ней ... вились ... и ... сѣли ...

И сѣли ... Нина, не краснѣй!

Я не скажу на чемъ, — всѣ знаютъ,

Что бабочки всегда бывають

Охотницы до розъ, лилей,

Вотъ роши миршовой въ средину

Амуры вносятъ робку Нину,

И подъ кустомъ зеленымъ тамъ

На правномъ коврѣ сажаютъ.

О еслибы, они зываютъ,

Воздвигли ей въ сей рошѣ храмъ!

Тутъ пшички вокругъ ее запли,

Взыграли въ вѣтвяхъ въперинъ,

И что-то нѣжно зашумѣли

Зеленые деревъ листки,

Она вздыхала, улыбалась,

И сердце билось такъ въ ней,

Какъ будто бы души мильи

Она предмета дожидалась.

Ждешь Нина, ждешь, и вошь съ сирѣлой,
 Съ улыбкой на устахъ небесной
 Эрошь прекрасной, богъ любезной
 Идешь къ паспушкѣ молодой.
Ахъ какъ хорошб! — она копѣла
 Промолвишь въ мысли шакъ, — но чѣмомъ!....
 Сдержашь сей мысли не умѣла,
 Сказала вслухъ: *Ахъ какъ хорошб!*

„Паспушка, ошрокъ ей вѣщаешь,
 „Когда не знаешь ны меня,
 „Спроси лишь сердца, сердце знаешь
 „И скажешь все шобѣ, кино я.
 „Вошь какъ оно запрепешало,
 „Меня увидѣвъ со сирѣлой;
 „Вошь какъ въ груди швоей разыграло
 „Услышавъ шолько голосъ мой.
 „Судьба моя съ шроей едина:
 „Паспушка нѣжныхъ ны овецъ,
 „А я паспужь младыхъ сердецъ.
 „Мое велико спадо, Нина,
 „И я пасу по всей землѣ,
 „Пасу весной, пасу зимою,



- „Для спада моего вездѣ
 „И года всякою порою
 „Трава зеленая распешъ.
 „Уже пѣнадцать сердце лѣтъ
 „Въ груди швоей прелестной бьешся ;
 „Не время ли его , мой другъ,
 „Пуснишь на мой цвѣтущій лугъ,
 „На коемъ для него пролѣшся
 „Испочникъ радостей , ушѣхъ,
 „Чшобъ бышь ему счастливей всѣхъ.
 „Но счастья познашь чшобъ цѣну,
 „Когда нибудь его премѣну
 „Ты съ горесшью должна вкусишь,
 „И слезокъ нѣсколько пролишь. —
 „Свѣшлѣ солнце по ненасшье
 „И благовоннѣ цвѣшы ;
 „Милѣ счастье по несчастье :
 „Теряешь ли овечку шы, —
 „Груспишь по ней и унываешь ;
 „Найдешь ее — позабываешь
 „Тоску и груспъ свою шопчасъ,
 „И не милѣль во сію разъ

„Тебѣ оветча ша бываешь?
 „Такъ почно, если покидаешь
 „Кого и счастье въ жизни сей,
 „Душа спрадаешь въ немъ, помился;
 „Когда же счастье возвратишься
 „Еще, еще оно милѣй. —
 „Но счастье на шоль даешся,
 „Одной чшобъ наслаждаешься имъ?
 „Нѣшь, чшобъ дѣлишь его съ другимъ.
 „Оно съ небесъ на смертныхъ льешся —
 „На смертныхъ избранныхъ однихъ.
 „Чшожъ составляетъ счастье ихъ?
 „Не пасшво шучное съ спадами,
 „Не злато, не серебро Любовь!
 „Горишь въ чьихъ жилахъ ею кровь,
 „Кшо награжденъ ее дарами,
 „Тому и малой холмикъ — пронъ,
 „Тому и рубище — порфира,
 „Цвѣшуще поле — Царство міра,
 „А жизнь — тшвой насшоящій сонъ.
 „Повѣрь мнѣ, что сначала вѣка
 „Влюбленный человекъ всегда

- „Быль что-то больше человека!
 „Душа велика въ немъ, тверда,
 „Что духъ его поколебаетъ?
 „Опасности онъ презираетъ.
 „Когда велишь ему любовь,
 „Тогда и море не преграда,
 „Преплышь пучинами онъ гонимъ
 „Для одного любезной взгляда;
 „Когдажъ любезная велишь,
 „Его ни что не устрашитъ.
 „Угодно ли предмету мило,
 „Онъ съ шитромъ испытываетъ силу,
 „Отвешетъ печенье бурныхъ рѣкъ
 „Съ Алкидомъ на ровнѣ позицихъ,
 „Съ самою смерщю сразишь;
 „Великъ влюбленный человекъ!
 „Но если въ сердце ненапрасно
 „Любви курится фиміамъ,
 „Когда, любя споль нѣжно, спрашиваютъ,
 „Любимъ онъ нѣжно, спрашиваютъ самъ, —
 „Онъ Царь въ бесѣдѣ съ дорогою
 „Чтожь онъ, чтожь онъ въ объятыхъ съ ней? —

- „Счастливей въ свѣтѣ всѣхъ царей!
 „Онъ въ нихъ, доволенъ бывъ судьбою,
 „Не помнишь, что корошкой въкъ
 „Данъ волею ему небесной.
 „Счастливей въ объятіяхъ любезной
 „Влюбленный страстно человекъ! —
 „Въ проспанномъ мірѣ нѣтъ предмета,
 „Чтобъ безъ любви одинъ пѣнилъ;
 „Свѣтъ безъ любви бы скученъ сталъ —
 „Иль лучше не было бы свѣта.
 „Ахъ! если бы страсть къ Зефиру вдругъ,
 „Погасла въ сердцѣ нѣжной Флоры,
 „Поблекъ, завялъ бы, высохъ лугъ
 „И не прельщала собою взоры.
 „Когда со вздохомъ юны дни
 „Печальный старецъ вспоминаетъ,
 „О младости ли онъ вздыхаетъ?
 „Нѣтъ — онъ вздыхаетъ о любви.
 „Всѣ, другъ мой, всѣ пылаютъ ею,
 „Чтобъ не былъ свѣтъ и жизнь мечтой. —
 „Я самъ, я самъ люблю Псяхею — — —
 „Люби и пы, люби и пы!



„Прощай — сказала шебѣ довольно,
 „За сердцемъ я своимъ пришлю;
 „Лишь шолько пляжкой вздохъ невольной
 „Подыметъ блу грудь швою,
 „И скоро сердце въ ней забьется,
 „Знай, Нина, что оно пасется
 „Уже на пажити моей.“

Сказала, и чуть махнула крылами,
 Лепишь уже нодь облаками,
 Скрываясь ошъ ея очей.

Давно подсолнечникъ влюбленный
 Взоръ нѣжной спраспью упоенный
 На друга бросилъ своего,
 Восходу радуясь его.
 Давно природа улыбнулась,
 А Нина шолько что проснулась,
 И задремашъ желала вновь.
 Проснувшись зришь, что покрывало
 Съ ея высокой груди спало,
 И подлинно двухъ мопыльковъ
 Она съ какихъ-то розъ согнала.
 На щечкахъ кровь у ней пылала;

Кто паспушокъ сей молодой,
Сказала, Нина вздыхая,
Ахъ, еслибъ былъ у насъ шакой! —
Еще вздохнула дорогая.
Дрожали на усахъ слова,
Склонилась къ груди голова,
Задумалась драгая Нина
О паспухъ сердцець младомь. —
Ахъ! думай милая о немъ
И мысль швоя съ моею одина.

Конецъ I. пѣсни.

П Ъ В Ц У
ПОКОРЕНІЯ СИБИРИ,
ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ДМИТРИЕВУ.

Октября 15го дня 1817го года.

Къ себѣ не снова приглашаю
На вечеринку, Бардъ, тебя,
Гостинецъ получишь желаю,
Созвучно пѣніе любя,
Москва, богашая плодами,
Пируя осенью съ гостями,
Оспрадой наполняешь слухъ;
Подъ пѣнью мирныя дубравы
Гремящи звуки чистой славы
Воспламеняють скоро духъ.

Въ златой часъ мира я новомъ
 Белдоны чадъ пы видишь спрой;
 Съ вѣнчанной лаврами главою
 Гоповъ лешъшь онъ въ грозный бой:
 Народъ внезапно воскриленный,
 На спогны града ошдаленни,
 Священну радость раздѣлишь,
 Въ день избавленья веселишся,
 Какъ волны шумныя спремишся
 Узрѣшь Царя — и слезы лишь.

Священный даръ — любовь народна,
 По мановенію Творца,
 Высокихъ дѣлъ вина — свободна,
 И спража Царскаго вѣнца.
 Ты зришь въ изображеньяхъ ясныхъ
 Любовь къ Владикъ спранъ подвласшнихъ.
 Тамъ милы Царскіе слѣды,
 Тамъ ризы у Царицъ лобзающъ,
 И въ ихъ улыбки обрѣшающъ
 Оспрады лучъ, забывъ бѣды.

Опъ видовъ сердцу шоль прелестныхъ
 Ты зоры далѣ проспри;
 Въ селеніе міровъ чудесныхъ
 Крылатой мыслью воспари,
 Высокимъ духомъ обновися,
 Съ воспоргомъ чувства вознесися —
 Въ чертогъ Спасителя Христа,
 И вдохновенными стихами
 Воспой украшенны звѣздами
 Любимыя шобой мѣста.

Скорѣ Арфу золотую,
 Пѣвецъ, торжественно прими;
 Небесну истинну свяшую
 Царямъ, народамъ возгреми;
 День избавленія столицъ,
 Даръ щедрой Божіей десницы,
 Источникъ множества чудеса.
 Пусть омраченныхъ мысль развяжешь,
 И свѣтлый на землѣ покажешь
 Не предковенный путь небеса.

Высокихъ дѣлъ земныхъ блиспанье

Попомспву Вышняго завѣшь,
 Вскрываетъ ихъ бышпописанье,
 Живошворитъ мудрецъ — позшь.
 Не кровожадное геройство,
 Но смертныхъ счастье — спокойство
 Бряцашь онъ долженъ по струнамъ;
 Проникнувъ въ существо безплошныхъ,
 Исполняя радости духовныхъ,
 Объемлешь міра горній храмъ.

Безвѣріе ожеспеченно

Нешадно проливало кровь,
 И чувство, смертному священно,
 Хотѣло попушншь — любовь:
 На Олшари и на Престолахъ
 Воздвигло брани и крамолахъ
 Спраспей нешповыхъ въ борьбѣ,
 И презря лучъ и громъ небесный;
 Сей міръ — черпогъ Творца чудесный
 Алкало покорншь себя.

Воспой въ смященіи народы,
 Гласящу бѣдспвія молву,
 Смѣшенны съ кровью чистим воды,
 Объяпу пламенемъ Москву,
 Опъ чадъ любезныхъ оплученну,
 Суровымъ плѣномъ опятченну;
 Восколебалъ шамъ землю громъ,
 Изъ бездны ада исходящій,
 Звѣздою древноспи блестящій
 Склонился Кремль злашымъ челомъ.

Гдѣ люпо власивуешь коварство,
 Тамъ нѣшъ въ природѣ ясныхъ дней:
 Москва, богато древне Царство,
 Вершепомъ мнишся, бышь зѣрей.
 Тамъ въпровъ вой, шамъ смерть и рани,
 Тамъ расхищающъ ируки враги,
 Тамъ облегла шуманна нощъ.
 Незримо Вѣра присѣдана,
 На небо длани возносяща,
 Опъ врашъ не опсшудашъ прощъ.

Гдѣ храмъ избралъ себѣ Спасишель,
 На сихъ холмистыхъ высокахъ,
 Подвигся въ гнѣвъ Вседержишель
 На громоносныхъ облакахъ,
 И сонмы звездъ воспрепечали.
 Возрѣвъ — и молніи блискали
 Враговъ свирѣпыхъ надъ главою;
 Возспалъ — и ада сынъ надмѣнный,
 Лучами славы ослѣпленный,
 Подъ смертоносной далью спрѣмой.

Москва, Всевышнякъ осененна.

Срѣтая благодати лучъ,
 Главу подземлещь опаленна,
 И зришь, что въ мракѣ черныхъ пучъ
 Въ даль понеслись ея пожары;
 Подъ Кульмомъ, Лейпцигомъ ударя
 За Рейнь къ Сенъ пощекли;
 Молишвы къ Небу возносила,
 Чпобъ длань щедровы осушила
 Ношею крови на земли.



Богашства, хищрыя искусства
 Внесушь во храмъ свои красы ;
 Но въры въ немъ горящи чувства
 И въ поздны възгремяшь часы :
 Чшо Богъ , разсвѣвъ мраки но́чи,
 Ошселъ милосерды очи
 На опдаленный край склонилъ ;
 Чшо силой мощныя десницы
 Низринулъ гордыхъ съ колесницы,
 И мѣръ спасеньемъ озарилъ.

Не звукъ побѣдъ воспоминаешь
 Христу вновь заложенный храмъ ;
 Но громкою трубой вѣщаешь
 Преклоннымъ къ испиннѣмъ сердцамъ
 Смиренья горняго ушпавы,
 Пушь добродѣтели, пушь славы.
 Пѣвецъ ! къ себѣ пы воззови,
 Явленья прославляя новы :
 Ты знаешь самъ вѣнцы лавровы —
 Въ чершпогахъ мѣра и любви.

Графъ Д. Хвостовъ.



П Е Р Е В О Д Ъ
ХИ. ГОРАЦЕВОЙ ОДЫ ИЗЪ I. КНИГИ.

*O navis, referent in mare te navi
Fluctus! et*

**Куда корабль, куда спремисься
Ты опъ родимыхъ береговъ?
Почпо ты, дерзновенный, мчишься
Безъ вервий, мачтъ и парусовъ?
Надмвнный сынъ лѣсовъ Поншійскихъ,
Спрашися береговъ Ливійскихъ!**

**Возри---шамъ скалы---исполины
Тебѣ возспали на пуши;
А шамъ Цикладскія пучины
Тебя гошovy погребспи;
Тамъ — Африканскій въспрѣ бурливый
Ломаешь сосны горделивы.**

Ч. II. кн. I.

7



Возри — шамь ярмй Понштъ клокочешъ,
 Вдымая волны до небесъ;
 Тамь молнй блескъ — шамь громъ грохочешъ;
 Тобою раздражень Зевесъ.
 Повсюду гибель неизбъжна;
 Лишь приспань для шебя надежна.

Съ Лашин. А. Савинскій.



Е П И Г Р А М М А.



Оргонъ безшдыно всъхъ язвипъ,
 Не разбирая лъпъ, ни сана, лезешъ драпъся.
 За что шакъ золь? За шо, что онъ плохой
 Пипъ,
 Въдъ надожъ поддержапъся.

Е., Л ко.



Е Д В И Н Ъ.

БАЛЛАДА.

Черенъ, какъ крылія врана,
Сводъ полуночи;
Мѣсяцъ скрывается въ пучахъ;
Звѣзды пошухли.

Страшно гроза завываетъ;
Между ушесовъ
Цѣнисшій валь грозно хлещетъ
Въ берегъ кремнисшій.

Вопь вдалекъ раздаюшся
Жалобны вопли,
Будшо блуждающихъ ночью
Гласъ привидѣній.



Тише, о бурныя волны!

Въ брегъ ударяйше;

Ты укроши завыванье,

Въсперъ пуспынный!

Чшобъ распознашь было можно

Гласъ вопіющихъ;

Чшобъ не напрасно спенанье

Въ воздухъ скрылось.

Ахъ! эшо Эдвинъ злосчаспный

Въ горести спонешъ,

Юноша всѣми забышый,

Рано увядшій.

Нькогда Эдвинъ, какъ роза,

Цвѣль красошою;

Мужеспивень былъ онъ, опшажень,

Мышцами крѣпокъ.

Нынѣ, ахъ! нынѣ спрадальца

Скорбь изнурила;

Взоры его молньеносны—

Пасмурны, дики.

Жипели мрачныхъ утесовъ!

Лъзяль вамъ повѣдашь,
Чшо помрачаешъ прелестны
Эдвига взоры?

О! украши завыванье,
Въшерь, пустынный!
Чшобъ распознашь было можно
Голосъ спрадальца.;

„Гдѣ ты, прелестная дѣва,
„Милая сердцу!“
Такъ на покашъ утеса,
Звукъ раздаешся.

„Гдѣ, черноокая Малли,
„Ты пребываешъ?
„Гдѣ мнѣ найши тебя, другъ мой!
„Вѣрная Малли?

„Прежде, ахъ! прежде спѣшила,
„Ты и сквозь бурю
„Въ нѣжны объятія друга,
„Къ страстному сердцу.



„Наши свидѣтели были
 „Мѣсяць и звѣзды;
 „Имъ и улыбки и слезы
 „Мы повѣряли.

„Тихо шептали зефиря
 „Въ локонахъ Малии;
 „Щеки ея пламенѣли
 „Ошь поцѣлуевъ.

„О какъ внимали въ то время
 „Крошкія волны
 „Сладостнымъ пѣснямъ любезной,
 „Чувствъ изліянью.

„Съ завистью легки зефиря
 „Какъ любовались
 „Нѣжной груди волнованью
 „Спраспной дѣвицы!

„Но обнажилась угрюмымъ
 „Свернымъ въпромъ
 „Нашихъ любовныхъ свиданій
 „Скромна бесѣдка,

„И величавый дубъ съ корнемъ

„Къ праху склонился;

„Все представляешь печальный

„Видъ разрушенья.

„Съ свиспомъ взвиваеися вьюга,

„Все низвергая!

„Воплямъ моимъ не внимаюшь

„Шумныя волны.

„О злополучная Малли!

„Тамъ въ опдаеньи

„Въ замкѣ родителейъ гордыхъ

„Ты заключенна.

„И среди пяршеспвъ веселыхъ

„Скрышно кашащя

„Въ пѣнисмый кубокъ, блестящій,

„Горкія слезы.

„Пусшь драгоценныя перлы,

„Пусшь упадаюшь!

„Плачь о любви разлученной

„Кропкая дѣва!



„Мы не увидимся въ жизни.

„Эдвинъ и Малли

„Тщешно любили другъ друга;

„Смертьъ соединитъ насъ.

„Смерть за спрданье награда!

„Жалкая участь

„Всѣхъ обитающихъ въ мѣрѣ;

„Малли! прости мнѣ!„

Юный опчаянный Эдвинъ,

Вспомнивъ о милой,

Грудь поражаетъ кинжаломъ, —

Падаеть въ пропасть.

Добраго жалко лишиться!

Машерь Природа

Въ слѣдъ за любящимъ вздохнула,

Мѣсяць сокрылся.

Н. Розенмейеръ.



С О Н Е Т Ъ
А П О Л Л О Н Ъ и Д А Ф Н А.

Подражаніе Фонтенелю.

→○←

Я свѣща Богъ! кричалъ въ слѣдъ Дафнѣ
Аполлонъ,
Когда бѣжалъ за ней со всею быспрошою,
Едва дыша, земли касаясь чупь ногою,
И взоромъ пожиралъ напрасно Нимфу онъ.

Я богъ Поэзіи! удѣлъ мой Геликонъ,
Я восхищаю всѣхъ памъ лирою злапою.
Спихи не дѣйствують надъ юной красою!
Звончапой лиры гласъ — пустой для Дафни
звонъ.

Я знаю свойства правъ, болѣзни изцѣляю,
Я врачеванья богъ! жизнь смершнымъ воз-
вращаю; —
И Нимфа бросилась еще скорѣй бѣжашъ.



Но еслибъ онъ сказалъ: ты милая спол-
кнулась,
Взгляни! какъ молодъ я, могу собой пльняшь...
Тогда, ручаюся, что Дафнабъ оглянулась.

Е. Ковалевскій

Е П И Т А Ф І Я.



Подъ сею ивою вѣшвисшой
Поэпа нѣжнаго сокрытъ безцѣнный прахъ,
Почтите вы его слезой своей сребрисшой,
О милая! онъ васъ разнѣживалъ въ спихахъ.

Е. Люценко.

ГРАНИТНЫЙ УТЕСЬ И МОРЕ.

В А С Н Я.

Надъ бездною морской
Утесъ гранишнй возвышался
И гордою главою
Чушь сводовъ неба не касался.
Надмѣнно, гордо онъ взиралъ
На море, что подъ нимъ спокойно прошекало:
„Счастливо ты, Утесъ сказалъ,
Что между ребръ моихъ убѣжище смыкало,
Гдѣ водъ своихъ корабль не шлагопитъ,
Узрѣвъ меня вдали, со страхомъ прочь бѣжишь,
Мое величье и степень уважаешь,
Гдѣ спорить самый вѣпръ съ тобою не дер-
заетъ!“

Такъ о могуществѣ мечпаль безумецъ сей;—

Но море скромное молчало

И хваспуну не ошвѣчало.

Вдругъ грянулъ страшный громъ, сорвался
вѣспрь съ цѣлей,

Ужасна буря заревѣла,

Пучина, пѣнясь, закипѣла,

И гордый сей Ушесь

Разсыпался, исчезъ!

Что вашъ надмѣнный взоръ, Бельможи вели-
чавы? . . .

Ударитъ громъ судьбы—и васъ ужъ нѣтъ,

И на землѣ исчезнетъ слѣдъ

Величья вашего и славы! —

Ал. Дуроль.

С М Ъ С Ъ.

РАЗМЫШЛЕНІЯ

О ВАЖНѢЙШИХЪ ИСТИНАХЪ РЕЛИГІИ,
ТВОРЕНІЕ ІЕРУЗАЛЕМА.

Пер. съ Нѣмецкаго Г. Крыловымъ. (*)

Съ великимъ неперпѣніемъ пробѣжалъ я недавно появившуюся, первую часть книги сей, о копорой многіе ученые мужи, также издатели журналовъ и газетъ опсызвались съ особенною похвалою. Я выписалъ изъ ней разныя мѣста, мнѣ понравившіяся, осмѣлился присовокупить къ нимъ слабыя мои сужденія и соединилъ все въ одно цѣлое. Надѣюсь, что сіе крапкое начертаніе познакомитъ читателей какъ съ достоинствомъ подлинника, такъ и перевода,

Въ первомъ размышленіи (о важности

(*) Продаешся у Переводчика, живущаго близъ Владимірской церкви въ домѣ Г. Дѣйств. Тайн. Совѣтн. Голубцова. Цѣна за 4 Тома 25 руб.



изслѣдованія вопроса: есть ли Богъ?) Авторъ сначала изображаетъ порядокъ Природы, удивительно соразмѣрное печеніе планетъ, дѣйствіе свѣтила небесныхъ на обитаемую нами землю. Здѣсь онъ ведетъ чипашеля въ царства ископаемыхъ, растѣній и животныхъ; показываетъ непрерывную связь существъ отъ апомовъ до человѣка; изслѣдываетъ разумъ и совѣсть сего послѣдняго и, увѣренный въ существованіи Творца міровъ, обращается къ невѣрующему сими словами: „Если все эшо существуетъ по случаю, все происходитъ отъ слѣпой, мертвой необходимости; то я не знаю, что вижу. . . Машина, состоящая изъ милліона колесъ, копорья всѣ имѣютъ совокупное, измѣренное движеніе, но не имѣютъ ни виновника, ни цѣли; ясно измѣренныя средства — безъ намѣренія, безъ причины; совершеннѣйшій порядокъ и красота—безъ разума; вѣчное движеніе—безъ виновника; явная жизнь—изъ вѣчной смерти; совершеннѣйшая гармонія—между явно спорящими вещами. Какъ темно! . . . Здѣсь я совсѣмъ моимъ умомъ ничего не понимаю.“ Подлинно невозможно понять шаковыя проливуположности! Если нѣтъ Творца, то кто произвелъ столь величій, столь

спройный міръ?—Случай!—какое сумазбродство! Опъ единой мысли сей рождается уныніе въ душѣ существа, предназначеннаго къ лучшей жизни. Оно перяетъ сладкую надежду возвращишься по смерти къ престолу Отца чадолюбиваго; оно перяетъ надежду возсѣдашь на лонѣ Предвѣчнаго вмѣстѣ съ правѣднымъ Авраамомъ. Нѣтъ! блиссшательные умы, посшавляющіе славу свою въ суемудріи; высокая испина, рече Богъ: *да будетъ свѣтъ и бысть свѣтъ!* опшывается всегда въ сердцѣ мыслящаго смершнаго и превосходитъ все ваше оспроуміе. Я мыслю, говоритъ Декаршъ, слѣдовашельно существую; слѣдовашельно ешь Творецъ — испочникъ всѣхъ моихъ способностей.

Такъ, благочестивый Іерусалемъ! въ неизьяснимомъ доспоргѣ многократно повпорякую съ шобою: „Какъ свѣшло, какъ ясно, какъ покойно спановишься въ душѣ моей, лишь шолько опкрывается въ ней мысль, что міръ начало свое получилъ опъ Высочайшаго, Разумнѣйшаго Существа! Чшо солнце для моихъ глазъ, шю мысль сія для моего разсудка. При семъ свѣшъ все для меня объясняется. Гдѣ прежде я ничего не видалъ, кромѣ запушанности; памъ усмашриваю шеперь плѣняющій



меня разумъ; повсюду созерцаю самыя лучшія намѣренія, съ мудрыми средствами соединенныя; повсюду примѣчаю Опца природу, который всѣ члены ея, движеніе бездушныхъ швореній и побужденія живущихъ со всеобщимъ совершенствомъ благодѣшальною рукою соединишь печешся.“

Поняшіе о Богѣ, не смотря на сомнѣніе Локка, врождено челоѣку. Бросимъ внимательный взоръ на міръ подлунный—и мы едва ли увидимъ народъ, который бы не приносилъ теплыя моленія Всевышнему. Различіе состоишь только въ изображеніи. Озаренный свѣтомъ вѣры истинной, богошворитъ существо духовное—Бога истиннаго; слѣпошствующій дикарь поклоняешся предметамъ страха, или любви своей; но нѣтъ ни единого народа, который въ сердечномъ упоеніи не приносилъ бы жершвы божешству. Вошь неоспоримое доказательство, что есть Виновникъ мірозданія — есть Существо премудрое, непоспимое даже для просвѣщеннѣйшаго изъ смершныхъ.

Иерузалеми, доказавъ бышіе Предвѣчнаго, смѣло и съ жаромъ приспуаешъ къ опроверженію системъ: Аристотеля, Епикура и Спинозы. Упомянемъ объ основаніи каждой.

Первая научала почитать вѣчность міра не
 инымъ тѣмъ, какъ вѣчнымъ дѣйствіемъ вѣчно
 дѣйствующаго разума и всемогущества.
 Нельзя не согласиться съ Іерусалемомъ, что
 мнѣніе сіе естъ сбивчивая игра словъ; однако
 такая игра, въ которой открываешься поня-
 тіе языческаго Философа о истинномъ Богѣ
 — и епо заслуживаетъ уваженіе наше. Мо-
 жетъ бытъ Аристопель, почитаемый ошъ
 современниковъ своихъ разумомъ, или разум-
 ною силою, поспигаль Творца и яснѣе; но
 долженъ былъ уступить суевѣрію соземцевъ
 и скрывать настоящія мысли подъ мрачною
 оболочкою словосплетенія. Исторія свидѣ-
 тельствуетъ, что сей знаменитый Фило-
 софъ въ преклонныхъ лѣтахъ былъ обвиняемъ
 жрецами въ безбожіи, ошъ чего оставилъ
 любезныя ему Афины и удалился въ Халкиду;
 слѣдовательно жрецы понимали Мудреца —
 понимали и опасались. Вотъ нѣсколько словъ
 въ защиту великаго человѣка; теперь послѣ-
 дуемъ за Іерусалемомъ, котораго опроверже-
 нія прошивъ Аристопелевой системы убѣ-
 дительны, сильны. Онъ доказываетъ основа-
 тельно, что міръ и первая причина не сушь
 одно и тоже, что матерія не могла сооб-
 щить человѣку мыслящей силы и что сила

сія не естъ дѣйствіе сложенія матеріальныхъ частей.

Сущность Эпикуровой системы: Все богатство Природы, все что мы ни видимъ, отъ песчинки до солнца, даже мы Философы, все это ничто иное есть, какъ негаянное, слѣпое произведение изъ смѣшенія вѣтной гряди; первыя начала всѣхъ вещей, какъ то: огонь, земля, вода, соли отъ вѣтности существовали; не только минералы, растѣнія и животныя, самая наша способность мыслить, наше остроуміе, вся наша Философія, ничто иное есть, какъ случайное дѣйствіе слѣпаго броженія. — Иерусалемъ прекрасно и разительнo потрясаетъ основаніе сей нелѣпой системы простыми вопросами.,, Для чего такое броженіе не продолжается и теперь? Не уже ли Природа лишилась своей производительной силы? Въ ней первыя начала шѣже и нынѣ; отъ чего же новыя превращенія происходятъ не иначе, какъ по точнымъ законамъ размноженія?“ Кажешся сіи вопросы довольно опровергають ученіе Эпикурейцовъ; но ревностный поборникъ истины представляешъ доводы еще сильнѣйшіе и въ заключеніе взываетъ:,, возможно ли, чтобъ такое сумазбродство сдѣлалось модною Философіею?,, О почтенный Иерусалемъ! Для

модной Философіи все возможно: для умовъ пылкихъ и неосновательныхъ прелестнѣе восхищаться *слугайнымъ дѣйствіемъ!* слѣпымъ броженіемъ! нежели приписывать мірозданіе премудрому Провидѣнію.

Наконецъ Іерусалемъ воспеаетъ пропивъ Спинозизма, принимающаго *самый міръ съ его устройствомъ и цѣпію всѣхъ твореній за вѣчное необходимое существо.* Здѣсь онъ подобно бурному вѣпру, разсѣваетъ мрачныя тучи, Спинозисмами напущенныя; здѣсь съ жаромъ представляетъ онъ существо Спинозы неимѣющимъ ни ума, ни свободы и здѣсь шакъ объясняешь о существѣ семъ: „Во мнѣ оно шеперь думаетъ о невозможности своего самосвѣденія; въ Спинозиспѣ вѣришь, что себя понимаешь; въ Невтонѣ оно есть возвышенной разумъ; въ Берльгофѣ—любезная добродѣшель; въ Кандидѣ само себя злословишь; въ домѣ сумасшедшихъ оно бѣснуется.„ — Симъ окончилъ Іерусалемъ опроверженіе прехъ системъ прославленныхъ Философовъ; я благоговѣю предъ его доказательствами; простыми и ясными, благоговѣю и безмолвствую.

Чѣмъ далѣе пробѣгаю книгу сію, шѣмъ болѣе возрастаетъ уваженіе мое къ Іеруса-

лему. Въ прешьемъ размышленіи помѣщена прекрасная идея о Богѣ; выпишемъ ее подлинникомъ; да возрадуется при чтеніи ея сердце благочестиваго христіанина.,, Богъ самъ по себѣ необходимъ; не бысть ему невозможно; невозможно чшобы онъ когда нибудь не былъ; невозможно чшобы онъ гдѣ нибудь не былъ. Онъ безспредѣленъ въ бышій; присуць онъ въчності въ въчностъ, онъ безконечности въ безконечностъ. Не естъ Онъ самое продолженіе, или проспранство; а продолженіе и проспранство сушь чрезъ Него; въчностъ и безконечностъ безъ Него были бы ничшо. Повсюду естъ Богъ. Онъ былъ шо, чшо естъ шеперь, еще въ шой въчности, когда крѣмъ Его ничего не было, когда въчная ночь покрывала бездну, изъ копорой въ послѣдствіи словомъ Ёго родились міры. Онъ въ шой безднѣ; — Онъ шамъ на брегу шворенія Онъ — въ каждой шокѣ безспредѣльнаго проспранства; — Онъ безконеченъ безъ пропяженія, безъ часшей; — Онъ все въ одинъ мигъ, все око — все разумъ — все дѣйствіе. Однакожъ Онъ не естъ душа вселенныя: ибо шакимъ образомъ онъ былъ бы вмѣстѣ спраждуцій и дѣйствующій; шакимъ образомъ часши міра были бы часши Его самаго, и шакимъ образомъ Онъ прешерпѣвалъ бы

всѣ перемѣны міра. Не есть Онъ душа міра и шакъ, какъ наша душа въ отношеніи къ вещамъ, которыя она внѣ себя чувствуешь. Онъ всюду присносущъ со всею безконечно-стію, а не по одной шолько дѣятельности: ибо дѣйствія безъ присутствія самаго существа понять не лзя. Онъ безъ фигуръ: ибо иначе Онъ былъ бы ограниченъ; и если бы въ какомъ мѣстѣ быль не могъ, то не вездѣ былъ бы необходимъ. Онъ есть существо самое простое, всегда само на себя похожее, вѣчное, неизмѣняющееся. Вдругъ все безъ приращенія, безъ убавленія: ибо Онъ есть самъ опъ себя. Невозможно по сему быль шакъ-вымъ существамъ болѣе одного; ибо при многихъ безконечныхъ, между собою различныхъ существахъ, не было бы ни одного безконечнаго. Ешо прошивно нашуръ существа, самаго по себѣ необходимаго. Кромѣ шого единство Божіе подшверждается однообразностію и гармонією всей природы.,,

Можешь быль скажутъ, что идея о Богѣ расшянуша, что одними еписешами: безначальный, безконечный, вѣчный, вездѣсущій, всемогущій, и проч. можно дать понятіе о Творцѣ вселенныя. Для вѣрующихъ — согласенъ: ибо Богъ обишаетъ въ души ихъ; но

Иерусалемъ жалаешъ убѣдишь и выведешь изъ заблужденія ослѣпленныхъ вольнодумствомъ ложной Философіи. Онъ вооружаешся противъ сонмища пѣхъ Философовъ, кошорые долгомъ своимъ считающъ легкомысленно проповѣдывашъ нечестіе и всю теорію пороковъ; кошорые въ сочиненіяхъ своихъ спарающъ осмѣивашъ, выславляшъ презрѣннымъ все, что для человѣчества было священно., Таковая Философія, говоритъ Иерусалемъ, разспроиваешъ вселенную несравненно болѣе, нежели всѣ адскія машины, когда либо войною для пагубы человѣческой изобрѣшенныя. Война свирѣпствуетъ извѣстное время, опустошаешъ только нѣкошорыя страны, а сей ядъ нечестія разливаешъ по всему человѣческому роду; проникаешъ въ нѣдра семействъ; вкрадываешъ подъ ложными видами въ самыя невиннѣйшія сердца; пошрясаешъ человѣчскій родъ въ самомъ его основаніи; умерщвляетъ еще не родившіяся поколѣнія; наконецъ сія Философія конечно испребила бы и весь родъ человѣчскій; если бы Господь міра не попускалъ всякому злу восходишь только до той степени, на кошорой оно дѣлаешъ само себѣ противудіемъ. Философія сія, иказивъ оболъстительными софизмами великія

испінны о Богъ и одобродѣтели, спарается вмѣшавишь людамъ подозрительную шу Религію, копорая еспь единспвенная подпора челоѳчеснва и одна сохрняетъ достоинство его, одна не допускаетъ его погрязнуть въ порокахъ; — шу Религію, копорой единспвенной законъ: *любитъ Бога и челоѳка* и копорая сей законъ пославляетъ перѳѳшимъ условіемъ всѣхъ своихъ обѳпованій, научаетъ только одной добродѣтели—*стараться быть подобнымъ Богу въ Его всеобщей любви къ добру*, и по сей добродѣтели цѣнишь всѣ наши дѣла. Сія Религія содержишь въ порядкѣ всѣ соспоянія, дѣлаетъ благородными всѣ должности, кропчайшими узами соединяетъ Государей съ подданными и подаетъ пвердое основаніе правамъ шѣхъ и другихъ. При всемъ враги сей благодѣтельной, божеспвенной Религіи считающъ заслугою усиліе испровергнушь ее; дерзая еще гордишься, будпо они благодѣтельствующъ и защищаютъ челоѳчество; — *но живыи на небесахъ посмѣется имъ и Господь поругается имъ!*„

Не ясноли изображена здѣсь прошивуположность хреспіанской Религіи и модной Философіи XVIII вѣка. Не смотря на шо,

что Философія, особенно нравственная, должна быть въ тѣснѣйшей связи съ Религією, или почтѣе — онѣ должны соспавлять одно цѣлое; суемудрые сдѣлали ихъ споль же различными, какъ добро и зло. Мы убѣждены опышомъ въ благодѣшительномъ вліяніи первой; мы видѣли гибельныя слѣдствія послѣдней. Мы видѣли, какъ модные Философы совсѣмъ жаромъ успремились къ испроверженію книгъ Св: Писанія, какъ силились они ограничить власть Всемогущаго, помѣщая Творца въ предѣлахъ его шворенія; мы видѣли ихъ нравственность и знаемъ, что добродѣтели и пороки ихъ суть однѣ сполько названія. Событія предшествовавшія и послѣдовавшія за Французскою революцією оправдываютъ мнѣніе Іерузалема, что *Господь міра попускаетъ всякому злу восходить только до той степени, на которой оно дѣлается само себѣ противоядіемъ*. Можеть быть безъ ужасныхъ переворошовъ прошедшаго и настоящаго спольшій, мы еще не обратились бы съ благоговѣніемъ къ священной вѣрѣ и не завели бы Библейскихъ обществъ, спарающихся распроспранить слово Божіе во всѣхъ концахъ обитаемаго нами щара.

Въ заключеніе выписокъ и замѣчаній мо-

ихъ, не могу не сказать вмѣстѣ съ почтеннѣйшимъ соземцомъ нашимъ, что книга сія, оживляемая гениемъ, возвышаетъ душу гитателя. (*) Въ первой части помѣщено шесть размышлений: I О важности изслѣдованія вопроса: есть ли Богъ? II Есть Богъ, Творецъ міра. III Богъ есть духъ всесовершеннѣйшій. IV О Провидѣніи V. О происхожденіи зла физическаго. VI. О происхожденіи зла нравственнаго. Всѣ сія размышленія весьма важны, изложены убѣдительно — превосходно; но особеннаго уваженія заслуживаютъ: изслѣдованіе — есть ли Богъ? опъ стр: 1 до 10; выписанная мною Идея о Богѣ - 51 - 53; зло физическое всегда въ равновѣсіи съ нравственнымъ; примѣръ Европы; ложная философія и истинная Религія; о войнѣ; историческій опривокъ о Римскихъ пиранахъ—Сп. 186 — 206; о вольнодумствѣ; прелестные виды въ будущемъ опъ распространенія Христіанской Религіи и пр: опъ стр: 212 до конца книги.

Что скажу о переводѣ? — Онъ ясенъ чисшъ и весьма близокъ къ подлиннику; сіе доказываютъ выписанныя мною мѣста. Прав-

(*) Письма Рускаго Путешественника часть II.

да, самая почность допустила индѣ въраспѣ-
ся германизму впрочемъ весьма незамѣп-
ному; но трудность переводить подобныя
книги на языкъ нашъ, еще не обогащенный
опвлеченными шерминами, извиняетъ перевод-
чика. По крайней мѣрѣ есть надежда, что при
переложении споль превосходныхъ, назидател-
ныхъ творений, богатый, всеобъемлющій
языкъ Россійскій достигнетъ желаемого со-
вершенства.

411 — 334

НѢЧТО О ГЕРБЕРШТЕЙНѢ.

Баронъ Сигисмундъ Гебершпейнъ родился въ Крайнѣ 23 Августа 1486 года. Въ началѣ своей жизни былъ онъ немощенъ; но въ послѣдствіи здоровье его укрѣпилось. На 20 году онъ вступилъ въ военную службу, и отличался въ разныхъ случаяхъ мужествомъ и благоразуміемъ. Но для насъ Рускихъ жизнь его спановишся занимательною съ того времени, когда онъ въ званіи Посланника въ 1516 году отправленъ былъ въ Россію. Сей случай подалъ ему поводъ къ классическому описанію посольства, котораго цѣлю было съ одной стороны утвердить посредствомъ брака дружество, заключенное въ Вѣнѣ между Римскимъ Императоромъ и Королемъ Польскимъ; а съ другой расположить Царя Василія Ивановича къ большому съ Поляками согласію. — Такое порученіе доказываетъ, что Императоръ уважалъ Гербершпейна, какъ человѣка, спо-

сбнаго совершитъ прудное предпріятіе. Нѣтъ нужды сказывать, что онъ вполне оправдалъ выборъ своего Государя, преодолевъ частію дѣйствительныя, а частію мнимыя затрудненія.—Дѣйствительныя состояли въ дальнемъ разстояніи, въ худыхъ дорогахъ, въ переправахъ чрезъ рѣки, по копорымъ въ по время шель ледъ, въ суровомъ климатѣ земли, въ которую онъ былъ отправленъ; въ разбояхъ по дорогамъ, въ пренебреженіи, которое въ Россіи оказывали иностранцамъ и наконецъ въ незнаніи Рускаго языка. Мнимыя: въ недоспашочномъ свѣдѣніи и въ спражныхъ понятіяхъ о земляхъ, чрезъ копорыя ему должно было проѣзжать, особливо о Сѣверныхъ странахъ, такъ называемой, Московіи, копорой одно названіе, напоминало несвѣдущему обитателю Южной Европы о Скифахъ и Варварахъ; жестокости, спужѣ и длинныхъ ночахъ. И такъ каждое путешествіе въ Москву должно было казаться преопаснымъ дѣломъ, отъ копорого, кшо сколько могъ, спарался освободиться. Какія же качества пошребны были на то, чтобы съ достоинствомъ явиться среди народа, нравами и обыкновениями своими опличавшагося отъ прочихъ народовъ Европы! Всѣ сіи ка-

чества находились въ Герберштейнѣ: благородная и пріятная наружность; лице важное и спокойное, (чему доказательствомъ служилъ помѣщенный въ началѣ книжки портретъ его) разнообразныя свѣдѣнія, каковыми не всѣ Дипломатики того времени обладали; обхожденіе, образованное придворною жизнью, связію съ людьми различныхъ сослояній, странствованіями и опытностію и ко всѣму шому знаніе Славянскаго языка,

В. Бриллеръ.



ИЗУСТНЫЯ НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ
О ГОРОДѢ БѢЛОМЪ,
СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Сей городъ основанъ, такъ сказать, рожденъ и погребенъ среди лѣсовъ, между горъ, болотъ и озеръ. Начало его покрыто мракомъ неизвѣстности и свѣспильникъ Испоріи озарилъ оный не прежде XIV. столѣтія. Многія причины заставляють однакожь вѣришь, что оный существовалъ предъ тѣмъ еще задолго. Въ окрѣспносняхъ онаго находятъ древнее оружіе; а возвышенные во многихъ мѣстахъ цѣлые ряды могильныхъ бугровъ—вѣковыя хранилища костей человѣческихъ—суть памятники совершенныхъ шамъ великихъ событій и кровавыхъ битвъ враждебныхъ народовъ. Бѣлой окружается съ Сѣвера и Востока длиннымъ хребтомъ возвышеній и болотомъ; съ Юга горами Поклонною и Красною. Болото,

городовое озеро, огромной насыпной валь и другое озеро Бездонное заключающъ Западную его сторону.

БЕЗДОННОЕ ОЗЕРО.

Въ старину, когда городъ былъ еще сла-
вень, многолюденъ и обширенъ, пакъ, что
однихъ Церквей и Монастырей 77 насчи-
вали, въ одинъ изъ праздниковъ Св. Пасхи
множесво жишелей спеклось ко всенощной
въ монастырь, споявшій на помъ самоъ
мѣстѣ, гдѣ шеперь озеро Бездонное. Внезап-
но попрыслась земля, разспупилась, и оцкры-
тая пропасть пожрала Монастырь со всѣ-
ми въ немъ бывшими. Ужасную бездну зах-
лынула вода; образовалось озеро. Предприни-
мали измѣрить глубину онаго, опускали ги-
ри на спосаженныхъ цѣпяхъ—все напрасно:
дна его не достигли. Пуспили въ него щуку
съ продешымъ сквозъ жабры кольцомъ: чрезъ
нѣсколькo времени она очушилась за сорокъ
верспъ, въ озерѣ Чечапскомъ. Такимъ обра-
зомъ узнали о подземномъ сообщеніи сихъ
водъ; а всплывшій на поверхность озера руль
и другіе обломки сокрушеннаго корабля убѣ-
дили и въ важнѣйшихъ сообщеніяхъ: жишели
назвали озеро Бездоннымъ.



ПОКЛОННАЯ ГОРА,

Были времена спрашныя; ходили рапи сильныя. Не разъ Полякъ и злой Липвинъ нападали на Бѣлую. Лѣса темныя, болоша непроходимыя не защищили ея; Москва далеко была, врагъ споялъ за горою близъ города.— Бѣляне спекались въ храмы Божіи, молилися; подняли свящыя иконы съ Хоругвями церковными и пошли на непріятеля. *Съ однимъ Богомъ на сто враговъ!* говорили они и пустилися. Взошли на гору: показались спаны Польскіе и Липовскіе. Тронулись враги навстрѣчу имъ; приблизились; завидѣли свящыя иконы съ хоругвями церковными и очи ихъ смутились. — Не попустилъ имъ Богъ злодѣйствовашъ: назадъ идушь—пушь видяшъ; впередъ взглянушь — опяшь очи ихъ померкнушь. Тушь узнали они зло свое и раскаялись. Ошдали поклонъ свящымъ иконамъ съ хоругвями церковными и ошступились отъ города. Бѣляне возвратились съ честию и назвали гору Поклонною.

ГОРА КРАСНАЯ.

Король Польскій перенесъ шапры свои на сію гору и далъ великой пиръ своимъ Во-

еводамъ. Солнце играло на запыленныхъ
намѣсахъ Королевскихъ и въпры развѣвали
знамена разноцвѣтныя. Гора казалась одѣною
въ серебро, злато и пурпуръ, съ тѣхъ поръ
прослыла она Красною.

БОЛЬШОЙ КАМЕНЬ.

*(Лежащій среди города. Огромностію своею онъ
занимаетъ часть большой улицы.)*

Большой камень въ спарину былъ гораз-
до огромнѣе и лѣжалъ въ крѣпости. Тогда
жилъ могучій богатырь: онъ вздумалъ извѣ-
дать силу свою, поднялъ камень, какъ по-
спель пуховую, переваливалъ съ плеча на
плечо, съ руки на руку: полюбилась ему за-
бава богатырская. Онъ махнулъ его черезъ
озеро; полетѣлъ камень, какъ изъ лука стрѣ-
ла, зашумѣлъ, какъ шуча грозная! раздался
на двѣ части: одна упала на дно озера, другая
на улицѣ въ городѣ. (Добрыя спарушки приба-
вляютъ иногда заунывныя свои приговорочки)
„О спарина, спарина! . . Гдѣ богатыри мо-
гучіе? крѣпость и сила молодецкая. Куда дѣ-
лась проспоша сердечная? Жили люди нехит-
рые, долговѣчныя, двадцати лѣтъ ребенокъ былъ:
не зналъ ни заботъ, ни печали, смошрѣлъ въ



домъ гошоваго, гулялъ съ дѣвицей, какъ съ родной сестрой.—Все убранство его рубашка съ подпояскою. Крапокъ въкъ нынѣшній; нѣтъ въ людяхъ той силы и крѣпости. Говорятъ, доживемъ еще до худшаго; впроемъ дѣлашь—пѣшуха рѣзашъ: одному подъемъ соломенка!“ . . и проч. и проч.

Ө. Палковичъ.



П Ъ С Н Я . (*)



Когда вѣселій на крылахъ
Упекши дни воспоминаемъ,
Пламя имъ чувства дань; въ слезахъ
Еще опраду мы вкушаемъ.
Укрась, о люшня! голосъ мой
Твоей гармоніей унылой,
И съ сердцемъ вмѣспѣ пы воспой;
Что я живу въ разлукѣ съ милой!

Два сердца за одно имѣшь;
Свое пѣмъ бышіе удвоишь;
Другъ друга молча разумѣшь,
И милой мысль себѣ присвоишь;
Сноснѣ находишь бѣды;
Щасливѣй бышь въ пріящной долѣ:
Сихъ благъ я всѣ вкушалъ плоды . . .
Но нѣшь со мной — нѣщъ милой болѣ!

Любилъ я пѣ луга, кусты,
Гдѣ милая со мной гуляла;
Для насъ Природа красоты
И въ дни ненасны не шеряла.

(*) Смощр. въ концѣ сей книжки ноты.

Ужь лугъ цвѣтами не блеспишь,
Что успидали пухъ предъ нею:
Поспыль шому Природы видъ,
Кпо съ милой разлучень своею!

Ничпо не замѣнишь ужь шой,
Копорой сердце имя дало!
Пріятства могушь бышь въ другой,
Но милой слышь лишь ей приспало.
Разъ въ жизни сладось намъ дана,
Всѣ блага зрѣшь въ одномъ предметѣ:
Въ году одна живешь весна,
Одна и милая на свѣтѣ.

Въ предѣлы дальни ты несешь,
О нѣжная луна! сіянье,
И мнѣ въ смущенно сердце льешь
Надежды сладкое мечпанье!
Сей даръ въ лучахъ своихъ сошли
Теперь же къ шой, съ кѣмъ я разспался,
И мысли ей о помъ всели,
Кпо слезы лишь по ней оспался!

Нелединскій.

Sygmund Freyherr zu Serbersau

in Moscovitischem

verehrtem Klein

M. D.

rrvj.





П Р О З А.



ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗСУЖДЕНІЕ, О ПОСТЕПЕННОМЪ ХОДѢ ВООБЩЕ СЛО- ВЕСНОСТИ И ВИТІЙСТВА, ВЪ СОБ- СТВЕННОМЪ СМЫСЛѢ ВЗЯТАГО.

(Продолженіе.)

Прозаикъ по успѣхамъ Стихотворца примѣнилъ, что искусству нравиться не-
прошивно искусство поучать, и что на-
дежнѣйшій путь къ убѣжденію ума и
сердца долженъ быть усѣянъ цвѣтами.
Убѣждаясь симъ, онъ также началъ вво-
дити въ свою прозу мѣрное печеніе словъ;
но тщательнѣе осперегался помѣщать въ
рѣченіи члены одинаковой мѣры и звука;

Ч. II. Кн. 2.

9

выборомъ словъ далъ сладкогласію постепенное возвышеніе, и часто удивлялъ самую Поэзію. Занялъ опгь нее иносказанія, сравненія, противоположности, очаровательныя картины— чада воображенія, и всегда упореблялъ ихъ съ крайнею оспорожноспію, и съ большею разборчивоспію, нежели спихотворецъ, спарался соблюсти правильноспь и ясность въ изложеніи своего предмета, лучшій выборъ въ изображеніи, большую точность въ выраженіяхъ, основательность въ доказательспвахъ, спрогость въ разсужденіяхъ, связь въ умозаклученіяхъ, совокупность въ расположеніи картинъ, которыя бы нравились, занимали душу и разумъ. Съ сего по времени начинается новая эпоха словесности, эпоха краснорѣчія, въ собственномъ смыслѣ взяшаго.

Ушверждаешь, что краснорѣчіе въ первый разъ появилось въ слѣдъ за особенными системами словесности, значить ушверждаешь вопреки самому опы-

шу: краснорѣчіе существовало гораздо прежде, шакъ какъ плоды словесности у каждаго народа предшествовали правиламъ грамматикъ. Аристошелева Піишика и Рипорика о единствѣ дѣйствія драматическихъ и эпическихъ вымысловъ и сочиненія Димипрія Фалернскаго и Діонисія Галикарнаскаго не суть плоды логическихъ разсужденій; но наблюденія, извлеченныя изъ чтенія Гомеровыхъ, Софокловыхъ, Платоновыхъ и Димосееновыхъ швореній. Лонгиновы правила Аналишики о вкусѣ явились шолько въ шрешьемъ вѣкѣ по Рождествѣ Хришовѣ, между шѣмъ, какъ Гомерова Иліада, служившая ему для шого испочникомъ, существовала за тысячу лѣтъ прежде сего славнаго въ мірѣ произшествія. Физики всегда собирають сперва опыты, а пошомъ уже основываютъ на нихъ свои системы. — Самъ Цицеронъ, говоря объ Орапорѣ, ушверждаетъ, что Рипорика, по согласному заключенію всѣхъ писателей, по-



лучила свое начало опъ краснорѣчія. Нѣкоторые люди съ большимъ успѣхомъ воспользовались даромъ слова, нежели другіе. Они чѣмъ лучше обрабатывали свои предметы, тѣмъ охотнѣе заставляли другихъ внимать себѣ. Умы наблюдательные и просвѣщенные скоро замѣтили шаковое различіе и начали изыскивать шому причины. Они испытывали въ чемъ состояло высшее достоинство однихъ, и несовершенство другихъ; что нравилось въ первыхъ, и чего не доставало у послѣднихъ. Взаимное сличеніе шаковыхъ наблюденій, приложенныхъ къ началамъ умствованія и къ познанію челоувѣческаго сердца, подало поводъ соспавить новую систему, или науку подъ именемъ Рипорики; а сіе самое и заставило принять за истину, что не краснорѣчіе родилось опъ науки; но наука опъ краснорѣчія.

Но ежели шо правда, что наука соспавилась изъ краснорѣчія, шо также не менѣе справедливо, что краснорѣчіе

въ свою чреду много обязано содѣйствію науки. Разсужденія искусныхъ людей, ушверженныя на основаніяхъ изящнаго вкуса, освященныя самымъ опытомъ и повѣренныя разсудкомъ, учинились полезными руководителями для Орапора, которыя ему показывали по, чего онъ долженъ избѣгать и чего домогаться, къ какой цѣли и какими путями надежнѣе спремиться? Изъ сего явствуетъ, что Орапоры произвели Рипоровъ, и что сіи послѣдніе оказали великую услугу первымъ.

Слѣдовательно, при насполящемъ изслѣдованіи началъ краснорѣчія, можемъ сказать во первыхъ, что начатки онаго давнобышны, и Исторія его есть Исторія успѣховъ разума человѣческаго; во вторыхъ, что краснорѣчіе, какъ уже особенная отрасль словесности, должно существовало, рано или поздно, оказывалось съ большимъ прошиву прежняго успѣхомъ и съ большимъ усиліемъ въ слѣдъ за вѣкомъ философіи, коея чисныи по-



няпіями люди соскучивъ, вздумали облекашь ихъ въ слова, какъ бы ощушительныя и пріятнѣйшія для слуха; а отъ того оно явилось въ видъ нѣкотораго искусства, такъ, что на послѣдокъ самую философію начали украшати нѣкоторыми его прелестями; въ шрешнихъ, что достопамятныя появленія краснорѣчія, какъ особеннаго искусства убѣждашь, открываемъ въ Республикахъ Греціи, гдѣ оно достигло степени своего совершенства и непрежде, какъ въ златыя времена ея, приведено въ особенную науку. Нѣкоторые полагають колыбелію краснорѣчія Египеть: но Египтяне, сіи невольники собственныхъ предразсудковъ, ложныхъ понятій и обычаевъ, имѣли только изобрѣшательный умъ, но не имѣли вкуса и существеннаго основанія краснорѣчія — рѣдкой чувствительности ко всему великому и истинному. Въ сей споронѣ, говоритъ Блеръ, былъ нѣкоторой родъ краснорѣчія, но оно болѣе сходствовало со стихошворствомъ, не-

жели съ шѣмъ, что мы собственно называемъ краснорѣчїемъ. Тамъ рѣдко собирався народъ на совѣщанія и одна сила служила главнымъ средствомъ прекращенію распрїи, а пошому искусство Орапорїи и убѣжденїя мало были извѣстны. Напрошивъ въ Греціи, гдѣ собранїя открывались частыя, могущество слова поржесцвовало во всемъ своемъ величїи и силѣ: тамъ общественыя дѣла управлялись соединенною властію и рѣшались большинствомъ голосовъ; слѣдовательно, чтобы всѣхъ, или по крайней мѣрѣ многихъ, склонить къ одному намѣренїю, преобладала чрезвычайная способность убѣждать; а пошому-то Ариштолель, положившїй прочную основу вишїйства, показалъ въ своей Рїшорикѣ, что бытъ краснорѣчивымъ, значить умѣть убѣждать.

Кромѣ сего многія другїя причины содѣйствовали успѣхамъ Греческаго краснорѣчїя: самая Природа, пылкость воображенїя, языкъ гибкій и удобопріе-



иллюцій всякіе оборобы, вкусъ къ изящному, всеобщее стремленіе ко славъ, самонадѣянность, защита независимости, право гражданъ мыслишь и говоришь, взаимное соперничество городовъ и частныхъ людей, употребленіе музыки, имѣющей великое вліяніе на человѣческое сердце, обыкновеніе чинать свои произведенія всенародно, что видѣшь можно изъ Панегирика Исократова, всеобщія рукоплесканія и вѣнки, каковой почести, какъ намъ извѣстно, удостоился Демосѣенъ, а Перикль увѣнчанъ былъ цвѣтами въ то самое время, какъ онъ сходилъ съ кафедры.

Въ Афинахъ, можно сказать, Высшійшво утвердило свой престолю. Они были обилелью вкуса и опечесствомъ Ораторовъ. Единое имя Демосѣена довольно напоминаетъ о поржеснвѣ Афинскаго краснорѣчія. Государь Македоніи, общій врагъ вольности Грековъ, болѣе спрашилъ одного Оратора на кафедру, нежели цѣлыхъ ополченій въ полѣ.

Владычество краснорѣчія въ Греціи было недолговременно. Самый блистательный онаго періодъ продолжался не болѣе, какъ около ста шестидесяти лѣтъ, отъ битвы Мораѳонской (за 490 лѣтъ до Р. Х.) до времени Александра Великаго. Въ сію эпоху пробудилось у Грековъ народная гордость, примѣшная даже въ художествахъ. Въ продолженіи сего времени прославились Вишійшвомъ Перикль, Лизій, Исократъ, Эсхинъ, а всѣхъ болѣе Димосеенъ, который превзошелъ прежде и послѣ его жившихъ Орапоровъ, и единодушно отъ всѣхъ древнихъ и новыхъ ученыхъ крипиковъ признанъ въ достоинствѣ первенствующаго Вишійи; въ эпоху же Пелопонезской войны, Государство, подобно кораблю, носилось по бурной стихіи безъ парусовъ и безъ кормила.

Греція, сдѣлавшись наконецъ позорищемъ взаимныхъ раздоровъ, лишилась почти въ одно время и независимости и краснорѣчія. Аѳиняне напоследокъ, не



имѣя ни силъ, ни союзниковъ, ужасали вселенную только своими ласкашельскими словами Государямъ; и на помѣ самомъ мѣспѣ, съ копораго Димосеень заставлялъ шрепешать враждующихъ Греціи народовъ и ея пришеснишелей, предлагалия только постыдныя условія.

Римляне, слѣдуя правиламъ своей хитрой полишки, приняли на себя право быть защитниками Грековъ, и подъ предлогомъ освобожденія ихъ отъ Македонскаго рабства, сами сдѣлались ихъ обладателями. Въ сію достопамятную эпоху, они, не имѣя ни вкуса, ни чувствительности, ни воображенія, ни краснорѣчія, поддерживаемаго наукою и правилами, умѣли только владѣть плугомъ и мечемъ. Языкъ ихъ, образованный изъ нарѣчій иноплеменныхъ народовъ, поселившихся въ Римъ сославлялъ странное смѣшеніе звуковъ дикихъ и непріятныхъ, а грубость нравовъ несовмѣстна была съ шѣми нѣжными ощущеніями, копорыя, поражая чувства, образуютъ языкъ.

Ипакъ неувидишельно, что краснорѣчіе, какъ слѣдствіе образованнаго языка, поздно появилось въ Римѣ.

Въ послѣдствіи времени, хотя издѣлія и добычи Греческія смягчали нѣсколько нравы Римлянъ; но языкъ ихъ долго еще послѣ опъзывался первобышною грубоспію, Римляне принуждены были дожидаться семь сощъ лѣщъ своихъ Цицероновъ и Горпензіевъ. Вообще все пропекшее время, опъ основанія Рима до конца Пунической войны, дѣлается безплоднымъ въ предмешахъ, до наукъ опносящихся. Духъ гордоспи, злоупребленіе могущеспва и ужасныя войны не дозволяли имъ занимашься науками—чадами шинины и досуга.

Правда, что до времени Сп. Капона насчищывающъ около двухъ сощъ и болѣе Орапоровъ; но рѣчи ихъ не заслуживающъ имени краснорѣчивыхъ; да и самъ Капонъ едвали принадлежищъ къ числу лучшихъ Вишій: голосъ, поданный имъ въ собраніи Сената прошиву Аени-

скихъ пословъ, доказываетъ между прочимъ и то, что онъ не слишкомъ былъ расположенъ въ пользу Вишійства. Странное понятіе! будто бы краснорѣчіе съ добронравіемъ и доблестію не совмѣстно: напрошивъ мы знаемъ, что почти всѣ великіе люди любили краснорѣчіе и сами имъ занимались. Павелъ Эмилій, побѣдитель Персея, выпросилъ у Аѳинянъ ученаго и вмѣстѣ краснорѣчиваго мужа въ наставники дѣшей своихъ; послѣ же и другіе ему въ помѣхъ послѣдовали. Славному Полководцу Сципіону ни что не мѣшало покровительствовать ученымъ мужамъ — Орашорамъ. Маркъ Аврелій и Юлій Кесарь, бывъ вѣнценосцами, были краснорѣчивыми писателями; Ксенофонтъ и Фукидидъ сражались и писали свои разсужденія; да и самой городъ Римъ никогда сполько не процвѣшалъ, какъ когда науки и словесность были шамъ въ великой силѣ.

Впрочемъ, какъ бы то не было, съ сего времени въ Римѣ начали ошущи-

шельно оказываться успѣхи и плоды краснорѣчія. Не смотря на опредѣленіе Сенапа, объ удаленіи Аѳинскихъ пословъ, Римское юношество возымѣло послѣ того сильную охоту учиться искусству краснорѣчія и говорить, и любовь къ изящнымъ наукамъ примѣннымъ образомъ очищала засмарѣлую дикость, наслѣдіе, доставшееся отъ предковъ. Плавтъ и Теренцій положили нѣкопоры начала добраго вкуса и внесли въ Латинскую рѣчь красоты, до того неизвѣстныя.

Такимъ образомъ языкъ народа побѣдоноснаго, свободнаго и надмѣннаго, восходилъ на степень важности величія и силы; и когда сей языкъ довольно распространялъ свою обласць; когда, по словамъ Горація и Цицерона, поработенная Греція плѣнила своихъ гордыхъ побѣдителей посредствомъ наукъ и знаній, каковыми заславила ихъ съ успѣхомъ занимаешься; когда богашество свѣта, роскошь и полишика утвердили въ



Римъ лучшей вкусъ, тогда Римское краснорѣчїе въ чреду свою возшло на такую степень блистательности, что самые Греки — учились вѣнчанья, должныствовали удивляться успѣхамъ въ ономъ учениковъ своихъ — Римлянъ, которые могли проповѣствовать Демосѣну Цицерона, Периклу Кесаря, Эсхину Горшензія.

Мы видѣли, что особенно содѣйствовало ходу Греческаго краснорѣчїя; означимъ теперь, хотя кратко, обстоятельство и причины, содѣйствовавшія успѣхамъ Римскаго.

Римъ, во времена своего величїя, служилъ средоточїемъ всѣхъ движеній. — Тамъ открывались безпрестанно позорища переменъ, подобно воздушнымъ явленїямъ; тамъ соединялись всѣ великіе виды, великія спраски; тамъ завоеванїе свѣта сосредоточивало всѣ богатства народовъ; тамъ рѣдкіе годы проходили безъ чрезвычайныхъ происшествій. Духъ безпокойный, мятежный,

скучаль, кажешся, долговременною пи-
 шиною; спрась къ завоеваніямъ пиша-
 лась самыми завоеваніями; шуда спека-
 лись Цари и Посланники изъ Европы,
 Азіи и Африки; шамъ, иногда появля-
 лись величайшіе соперники, иногда одинъ
 человекъ располагаль жребіемъ свѣша;
 шамъ, наконецъ, какъ выражаелся одинъ
 писашель, самое рабство имѣло нѣчто
 величеспвенное: поелику оно опшуда
 на весь міръ проспиралось. Слѣдовапель-
 но при шаковомъ всеобщемъ волненіи въ
 спѣнахъ Рима, при шаковомъ бореніи
 умовъ и чувствій, краснорѣчію Орашо-
 ровъ сего времени опкрышо было поле
 обширнѣйшее, и оно еспешпвенно дол-
 женспвовало бышь самое воспорженное.
 Присовокупиле къ сему и шо, что чрезъ
 опличный даръ слова нерѣдко пролагали
 себѣ дорогу къ высшимъ достоинспвамъ;
 посему, какъ говоришь Роллень, юноше-
 спво, о кощоромъ хопя малое прилага-
 лось попеченіе, обучалось краснорѣчію
 прилѣжно и проводило многіе годы съ



учишелями Рипорики ; сами Императоры занимались словесносною и другихъ одобряли ею занимающихся. Знаменитые люди Государства за честь себѣ вмѣняли обращеніе оъ людьми учеными и имѣющими вкусъ ; ошличныя дарованія были особенно покровишельствуемы. Среди удовольствій всякаго рода, удовольствіе ума и слуха содѣлалось испинною спраснію Римлянъ ; опкрышы были многіе дома воспипанія ; наконецъ они пользовались свободно правомъ путешествовать для образованія вкуса : все сіе очень много содѣйствовало успѣху краснорѣчія ; кратко сказать : честолюбивые Римляне желали превзойти всѣ народы, какъ полишическимъ своимъ могуществомъ, такъ вообще просвѣщеніемъ и опмѣннымъ даромъ слова.

Торжештво Римскаго краснорѣчія, подобно Греческому, продолжалось не болѣе, какъ сто шестьдесятъ лѣтъ опъ взятія Карфагена, проложившаго путь къ завсеванію цѣлаго свѣша, до смерши

Императора Августа, или опть Теренція до Августа; что составляетъ сто пятьдесятъ съ небольшимъ лѣтъ. Въ сіе время множество писателей утвердили изящный вкусъ: Сципіонъ Африканскій, Лелій, Гракхи, Тиберій Кай, Крассъ, Антоній, Гортензій, Старшій Катонъ, Кесарь и Цицеронъ, превзошедшій всѣхъ пріобрѣщенными и природными способностями. Среди Государственныхъ занятій они шрудились надъ очищеніемъ своего языка и были величайшимъ украшеніемъ Римской кафедры. Послѣ несчастной кончины первенствующаго Випіи-Цицерона, краснорѣчіе примѣшнымъ образомъ начало низходить съ степеней своего величія. Кажется, что съ судьбою сего великаго челоуѣка, сопряжена была судьба Республики и краснорѣчія. Въ послѣдствіи времени, хоща оно и показывалось иногда (какъ то у Плинія и Тацитана), въ рѣзкихъ, сильныхъ и блистательныхъ чертахъ; но въ немъ не



было уже болѣе замѣтно первобытной свободы. Неограниченная власть обладателей Рима заставила иначе изъясняться Орашоровъ: надлежало или льстившъ ихъ суешному самолюбію, или съ крайнею разсечливостію обнаруживашъ чувства. Первое заставило выпши изъ предѣловъ благоразумной умѣренности, а другое слишкомъ спѣснило его въ своихъ границахъ. Упадокъ Римской Словесности былъ рѣшительнѣе ея успѣховъ. При послѣдующихъ за Августомъ Царственныхъ поколѣніяхъ, оно совсѣмъ почти измѣнилось, и вѣкъ Діоклисіана показываетъ только слабую шпѣнь древняго Римскаго краснорѣчія.

По замѣчаніямъ нѣкошорыхъ ученыхъ людей, почти однѣ и шѣже были причины возвышенія и упадка Греческаго и Римскаго краснорѣчія. Причины упадка послѣдняго сосшвляющъ упадокъ народнаго духа, порабощеніе, Софисшы, присшрасшіе въ школахъ къ какому-шо цвѣшному слогу, — всеобщее, по сло-

вамъ Квинтилиана, упопребленіе въ писаніи, вмѣсто величественной, но скромной одежды, испещреннаго различными цвѣтами плащя, прельщающаго одно зрѣніе; суешность и домагапельство блиспашь умоу; вмѣсто природы ложное искусство; роскошь, любимое занятіе счастливыхъ людей, кошора обыкновенно хоша сперва и поддерживаешь нѣкоторое время краснорѣчіе, но, рано или поздно, бываешь одною изъ причинъ его упадка: за роскошью непременно расплѣніе нравовъ, за расплѣніемъ нравовъ поврежденіе вкуса, за поврежденіемъ вкуса холодность чувствованія изящности, а опъ того подрывъ цѣлому зданію краснорѣчія. Презрѣніе благочинія погубившее Грецію; честолюбіе родителей опредѣляшъ дѣшей 'своихъ въ судилица съ незрѣлыми способностями; небреженіе и невыгодное мнѣніе о вишійствѣ, на кошорое Димосеенъ и Цицеронъ посвящали шруды своей жизни; измѣненіе порядка дѣлъ общеспвенныхъ;

новое расположеніе умовъ; слабоспъ во-
ображенія; неблагопріяпное спеченіе об-
спояпельспивъ; вшорженіе варваровъ; воз-
мущенія внуспри; секшы и пренесеніе
сполицы въ Констанпшинополь, нанесли
послѣдній ударъ всей Римской Словес-
носпи.

Тациспъ приводитпъ только чепыре
причины упадка Лашинской Словесноспи,
но причины самыя дѣйспвишельныя,
справедливыя и сильныя, по еспъ, празд-
носпъ юношеспва, небрежноспъ роди-
шелей, невѣжеспво наспавниковъ и заб-
веніе древнихъ обычаевъ, какovyе по-
роки сперва появились въ одномъ го-
родѣ, а потомъ наводнили всѣ области
Испаліи. Осмѣлимся еше къ сему при-
совокупипъ нѣчто сильнѣйшее, по еспъ:
неизбѣжноспъ измѣненія, всего суще-
спвующаго подѣ солнцемъ. Такъ упа-
докъ всегда слѣдуепъ и долженъ слѣдо-
вашъ за совершенспвомъ. Онъ еспъ не-
обходимое слѣдспвіе беспокойспвія и
еспесспвенной слабоспи ума человѣче-

скаго, который, не могши основаниться на добръ, заблуждаешся, опыскивая лучшаго. — Душа наша хочеть возвышашся и падаешъ, не взирая на чудесную ея прозорливосшь. Ромень, глубоко вникая въ существо сего предмета, съ чувствомъ нѣкошораго удивленія поже самое въ другихъ словахъ подтверждаетъ: „ я не знаю, говоришь онъ, какии по рокомъ всегда случалось, что какъ скоро доброй вкусъ достигъ до степени зрѣлости и совершенства, по непременно пошчасъ повреждался, и по наклоненіямъ непримѣшнымъ, но иногда довольно скорымъ, низходилъ съ самага верха на самой низъ. „ Таковой почно переверосшь, какъ неизбежное слѣдствие, испышала вообще Римская словесносшь.

Разсмотрѣвъ соснояніе величія и упадка краснорѣчія между Греками и Римлянами, означимъ, хоня крапко, его свойство и ощушительную разносшь.

Греція всегда была признаваема за первую и лучшую школу изящнаго вкуса,



почему и краснорѣчіе ея долженъ спвуемъ бытъ первое и лучшее. Римляне пакъ же имъ славились въ свое время, но оно у нихъ было заимствованное, и слѣдовательно по порядку занимаетъ вторую степень. Языкъ первый имѣлъ естественную простоту и выразительность, свободу и гибкость въ изреченіяхъ. Языкъ послѣднихъ (Римлянъ.) болѣе выражалъ ихъ природныя свойства: онъ носилъ на себѣ печать правильности, твердости, важности. При переходѣ отъ Грековъ къ Римлянамъ, пакъ говоритъ Томасъ, мы чувствуемъ, подобно путешественнику, котораго, миновавъ острова Архипелага и пріятной климаты древней Іоніи, вдругъ бы былъ перенесенъ на Альпы и Аппенины, откуда могъ бы видѣть обширный небосклонъ и природу, можеть бытъ, болѣе величественную и болѣе великую; но подъ небомъ не столько яснымъ и которое не произведеть въ его чувствахъ того легкаго и живаго впечатлѣнія, которое онъ ощу-

щаль въ благоразстворенной Греціи. Въ Римѣ вездѣ видишь слѣды важности и нѣкошорой суровости, а въ Греціи вездѣ вспрѣчаешся улыбающаяся природа. Греки имѣли воображеніе болѣе пламенное; Римляне болѣе пвердое; въ словахъ и рѣчахъ первыхъ болѣе спремленія, болѣе восторга, болѣе изобилія и счастливой плодовитости, болѣе движеній и спраспей; въ словахъ и рѣчахъ другихъ болѣе крашкосты и убранства, просвѣщенія, испуска и вкрадчивости; одни болѣе могутъ прогашь; другіе болѣе заманивашь и занимашь. — Димосеенъ исходилъ на поприще нагъ, подобно борцу, презирая излишнія украшенія, препяпствующія напряженію мышцъ. Цицеронъ во всемъ великодѣпніи, въ доспѣхахъ, во всеоружіи. Греческій Орапоръ, по словамъ Лагарпа, увлекаемый своею силою, всегда идетъ прямо на непріащеля, непрешанно его спѣсняя и поражая; Римскій дѣлаешь, шакъ сказашь, осаду по правиламъ, занимаешь всѣ выходы; и



употребляя рѣчь, подобно войску, окружаешь своего непріятеля со всѣхъ сторонъ, пока вовсе его не истребишь. Сіе сужденіе весьма удачно и въ короткихъ словахъ изображаетъ разность свойствъ краснорѣчія, двухъ величайшихъ мужей, двухъ народовъ древности; а изъ сего сличенія знаменитыхъ Вишій легко можно заключать вообще о свойствахъ, духѣ и разности Греческаго и Римскаго Вишійства.

По мѣрѣ поспешнаго уклоненія нашего отъ блистательнаго періода Латинской Словесности, встрѣчаемъ въ каждомъ вѣкѣ поспешной ея упадокъ, грубость языка, отчасу большую пустоту мыслей, ошущительно усиливающуюся привязанность къ дикой игрѣ словъ, чтобы много говорить и ни чего не сказать, привязанность къ однимъ ласкательствамъ и сиспеманическимъ обманамъ.

Наступаетъ вѣкъ Константина и

для краснорѣчія открывається новое поприще и новые предметы.

Посему справедливо раздѣляютъ Римляне краснорѣчіе на четыре главных эпохи: при Кесарѣ, оно одушевляемо было великими предпріятіями; при Императорахъ, основалось болѣе на необходимости нравиться и льстить; во времена Марка Аврелія, оно служило игрою ума для Орашоровъ (Софистовъ) и забавою для празднаго народа; въ четвершую же эпоху предметомъ его были поученія правиламъ вѣры и благонравія.

(Продолженіе въпредъ.)

ОБЪ УПАДКЪ ПЕРСИДСКОЙ МОНАРХІИ.

(Изъ Ганилл.)

Разсматривая со вниманіемъ различныя причины, дѣйствовавшія на возвышеніе и упадокъ Персидской Монархіи, легко можемъ замѣтить сколь великое вліяніе имѣли Государственныя доходы на сіи достопамятныя событія. — Если храбрость, предприимчивость и военныя способности Кира открыли ему путь къ побѣдамъ, то военная казна его умноженная добычами побѣжденныхъ, разграбленіемъ богатствъ Вавилона, расхищившаго страны Вощока, и несметными сокровищами Креза, способствовала ему во всѣхъ предпріятіяхъ, удословляя въ успѣхъ

онихъ, содѣлала его обладателемъ Азіи, доставила царствованію его любовь и уваженіе и была незыблемою подпорою его могущества и славы. Казны доставочно было на всѣ Государственныя потребности. Налагаемыя же имъ подати падали на покоренные имъ народы и собирались шокмо въ военное время, и при томъ были споль малозначущи, что ихъ почипали болѣе произвольною данью, нежели налогомъ. За таковыя крошкіе посшупки подданные называли его опщомъ и говорили, что онъ излилъ на нихъ всѣ блага, какія онъ него зависѣли.

Завоеванія Камбиза, сына и преемника его, еще болѣе распросранившого границы Монархіи покореніемъ малой Азіи, Сиріи, Египша, и оспановленнаго на пупи побѣдъ морями и непроходимыми степями Ливіи, вмѣсто того, что объ умножишь, испощили сокровища Кира; засшавили его опягчишь народъ, и шѣмъ самымъ лишили его приверженности и почпенія подданныхъ. Обвиняя въ без-



печности и жестокости, называли его пираномъ.

Дарій утвердившись на пронъ, и желая замѣнить распрапу, нанесенную казнѣ войнами Камбиза, рѣшилсѣ учредитьъ посюянныя налоги. Онъ раздѣлилъ свои владѣнія на двадцать округовъ и наложилъ на каждой изъ нихъ по качеству и просираншву различныя подати, въ разкладкѣ коихъ руководствовался собственною волею.

Такое самовластное правленіе навлекло ему ненависть народовъ. Они называли его мучицедемъ, говоря, что онъ дѣлалъ изъ всего деньги.

При разсматриваніи состоянія доходовъ каждаго округа, видно, что Персія, Колхида, Сѣверныя страны Кавказа и Аравія, Колвія не плащили посюянныхъ налоговъ; но только приносили въ назначенное время добровольныя дани болѣе или менѣ обыкновенныя.

Поэтому, какъ правленіе въ Персидской Монархіи не было одинаково и не

повсюду равно, вмѣщая въ пространство своемъ народы, иные опъ налоговъ освобожденные, а другіе оными опягощенные; то шаковое вредное раздѣленіе, имѣвшее вліяніе на политическое и гражданское онаго благосостояніе и было причиною ослабленія его могущества и величія.

Преемники Дарія, послѣдуя его примѣру, обременили народъ новыми налогами, изнуряли Имперію пышностію, роскошію и великолѣпіемъ двора и открыли путь къ нападенію чужеземцамъ. Угнѣщенный и разоренный народъ принялъ Александра, какъ освободителя, и Монархія Кира, величайшая по своему пространству, населенію и несмѣннымъ сокровищамъ, покорилась приццали тысячной арміи и безъ сопротивленія подверглась чуждымъ законамъ побѣдителя.

Ишакъ доколѣ Государственные доходы Персовъ были основаны на добычакъ и умѣренныхъ подашакъ, налагаемыхъ на покоренные народы,



дошолъ все споспѣшествовало возвышенію Кира, ушверженію его власти и чрезмѣрному величію его Монархii; но когда богатство Монарха не было уже болѣе въ состояніи удовлетворить ни его собственнымъ, ни даже Государственнымъ расходамъ; когда дани съ побѣжденныхъ народовъ не могли уже замѣнять распраченной казны, и когда должно было опягчашь народъ безмѣрными поданьями, издерживаемыми съ излишнею рачительностію и безъ всякой пользы; — тогда сія Имперія уже ощушительно пришла въ упадокъ.

Такое вліяніе государственныхъ доходовъ на судьбу Монархii не одной Персii было причасно: оно распространилось на владычество всѣхъ народовъ — завоевашелей.

Ив. Боровковъ.



НЕДОВОЛЬНЫЙ.

ПОВѢСТЬ.

Недовольный былъ родомъ Шотланецъ, обучался въ Эдимбургѣ и успѣлъ въ наукахъ столько, что на тридцать первомъ году своей жизни весьма мало зналъ. Хорошій признакъ ума! ибо знать мало, обучавшись прилѣжно наукамъ, значить хорошо знать самого себя. Наскучивъ жить въ опечесствѣ, гдѣ уже ничто ему не нравилось, отправился онъ путешествовать и прибылъ въ Лондонъ.

Онъ вскорѣ свелъ знакомства съ людьми различныхъ сослояній. Лордъ А. пригласилъ его въ Парламентъ, гдѣ въ то время происходили сильныя пренія о средствахъ опразить войска Бонапарта. Спорили долго и съ жаромъ; не щадили восклицаній и намѣковъ и не рѣшили

споровъ ни чѣмъ. По окончаніи засѣданія Лордъ, его знакомецъ, подошелъ къ нему.,, Понравился ли вамъ способъ нашъ соглашашь мнѣнія?,, спросилъ онъ его. Нисколько, отвѣчалъ Недовольный. Лордъ взглянулъ на него грозно и повернулся къ нему спиной.

Другой его знакомецъ, журналистъ и великій наглець, повелъ его въ Театръ. Представляли Макбета. Мущины плакали, женщины нюхали спиртъ, а Недовольный, — съ трудомъ удержался отъ смѣха, видя, что Актеръ ужасно кричалъ, билъ себя въ грудь и шопалъ ногами, ни мало не думая, нужно ли это было. Занавѣсъ опустилась; публика была въ ладоши, а онъ гошовъ былъ свисшашь. Идучи домой Журналистъ спросилъ его:,, какова прагедія?,, какъ и въ Шекспировы. А Актеры? — всея дурные.,, Журналистъ назвалъ его Провинціаломъ и обѣщаль разругашь въ своемъ журналѣ.

Молодой Р. любимецъ женщинъ и Мама, представилъ Недовольнаго Герцо-

гинѣ, у которой всякой вечеръ соби-
ралось общество первоклассныхъ щеголей
и красавицъ. Она пригласила его къ
ужину. Недовольный былъ прекрасный
мущина, вежливъ и ловокъ. Женщины
принуждали себя къ равнодушію; а му-
щины, щеголи и молодые разумеется,
завидовали ему. Онъ говорилъ женщи-
намъ --- вежливости, а мущинамъ -- эпи-
граммы. Какъ миль! думали первыя.
Какой педантъ! шептали послѣдніе. Ве-
село ли вамъ; любезный другъ! спро-
силъ его З. Очень — скучно, отвѣчалъ
Недовольный. Съ сего времени Р. пре-
красилъ съ нимъ знакомство.

Богатый купецъ N. привезъ его на
Биржу. Какъ Англія богата! говорилъ
купецъ, указывая на сокровища часпю
выгружаемыя, часпю же разложенныя по
мѣстамъ. Опъ чего же шакъ много ни-
щихъ? спросилъ Недовольный.

Не полюбивъ Лондона, онъ оставилъ
Англію и пріѣхалъ въ Парижъ подъ чу-
жимъ именемъ:



„Эпо ужь не Лондонъ! говорилъ про себя Недовольный, проѣзжая улицы сего обширнаго города.“ Великолѣпно! прекрасно! -- думалъ онъ, прохаживаяся по набережной Сены. Величественно, воскликнулъ онъ, приближась къ Луврской Колоннадѣ. Каково - шо внутри.,,? Онъ остановился въ одномъ изъ самыхъ славныхъ оперъ.,, Не пойдете ли въ Театръ? спросилъ его содержатель оперы. „--- За чѣмъ? --Смотрѣшь на игру величайшихъ Актеровъ во Франціи, слѣдовательно и въ цѣломъ свѣтѣ: Тальмы и дѣвицы Жорель. Сего дни дають Федру, первую Трагедію величайшаго Трагика. “Какое просвѣщеніе, подумалъ Недовольный, здѣсь и содержатели посюлялыхъ дворовъ судяшь о Липпературѣ.---

Онъ пришелъ въ Театръ и сѣлъ возлѣ челоука довольно важнаго.,, И вы если не ошибаюсь, Господинъ чужестранецъ, пришли удивляться искусству величайшаго изъ Геніевъ? --- Не удивляться, а посмотрѣшь, Государь мой -- если

вамъ угодно. — Какъ? вы не хошите удивляться Расину? Развѣ вы не читали моего журнала? — Съ кѣмъ я имѣю честь говорить? — Я Жофруа. — Не читаль вашего журнала; но буду его читать, Государь мой. — Жофруа поклонился. —

Когда представленіе кончилось, скромный сосѣдъ его спросилъ: что скажете о пьесѣ и Акшерахъ? — „Я слышалъ прекрасные стихи и видѣлъ искусныя шлодвиженія.“ — Ignorant! проворчалъ Жофруа.

Выходя изъ Театра, онъ получилъ полчекъ отъ челоуѣка весьма толстаго и, какъ казалось, весьма надменнаго. Подвинься сполбъ! — сказалъ толспый. Сполбы не двигающся, возразилъ Недовольный, заплапивъ ему шѣмъ же. Толспый грубянъ подалъ ему руку и попросилъ его къ ужину. —

Недовольный нашелъ у него великое собраніе. Щеголи шѣснились вокругъ дамы, молодой и прекрасной. Кпо эша



дама? спросилъ онъ у одного изъ гостей. — Первая красавица въ Парижѣ, Г-жа Реканье. Недовольный подошелъ къ первой красавицѣ въ Парижѣ, и увидѣлъ дѣйствительно прекрасную и милую женщину. Жаль, что она не скромнѣе одѣвается! думалъ Недовольный, въ первый разъ почувствовавъ огорченіе съ неудовольствіемъ.

Подали каршы. Недовольный опказался опъ игры., Вы не играете?“ спросила Г-жа Реканье, съ милой улыбкой. — „Не нахожу удовольствія играть съ мужчинами, Сударыня.“ — Красавица улыбнулась еще пріятнѣе.

За ужиномъ спросилъ его какой по Господинъ довольно сурово:, любители вы нашего Императора? — Онъ врагъ моего опечесства. — Не правда ли, что онъ первѣйшій Полководецъ? — Не правда, Государь мой! если позволите сказать: Сершорій, Тюрень, Евгеній и Фридрихъ были болѣе его. — Почему? — Они производили важныя дѣла

маловажными средствами.“ — На другой день по утру въ 7 мь часовъ взяли его и посадили въ шемницу.

По прошествіи года онъ освободился и поспѣшилъ убраться изъ Франціи, гдѣ правда награждалась шемницами. Не останавливаясь въ Германіи и въ Венгрии, онъ побывалъ въ Турціи, гдѣ за правду едва было не посадили его на колъ; попомъ объѣздилъ Индію, по сю и по ту сторону рѣки Ганга. Тамъ хотѣлъ онъ женишься на молодой, просоудушной и милой дѣвушкѣ, которая объявила ему съ величайшею откровенностію, что имѣла полное право не только на любовь, но и на уваженіе его, пошому что покрайней мѣрѣ пять человекъ могли засвидѣтельствовать способность ея къ нѣжности. Недовольный хопя и любилъ откровенность; но не очень любилъ шакого родства, и посему не медля, возвратился въ Шотландію, гдѣ написалъ книгу о суетѣ всего земнаго. —

Влад. Бриммеръ.

С Р А В Н Е Н І Е

РАСИНА, КРЕВИЛЬОНА И ВОЛТЕРА.

Расинъ былъ всѣмъ, чѣмъ онъ желалъ бытъ -- *ad omnia natus*. Кревильонъ желалъ бытъ только шѣмъ, чѣмъ онъ былъ — *sibi constat*. Волтеръ спарался вмѣспинъ въ себѣ всѣхъ писателей и не зналъ ни какихъ границъ — *quemvis hominem secum attulit ad nos*. Философъ, когда онъ пишетъ стихи, Стихотворецъ въ сочиненіяхъ Философскихъ, Богословъ въ писаніяхъ историческимъ и Политикъ, когда разсуждаетъ о религіи. Подражатель всѣму изящному во всякомъ родѣ, чуждъ рабской принужденности, какому бы образцу ни послѣдовалъ, неподражаемъ во всѣхъ своихъ твореніяхъ.

Расинъ опличается плавностію; Кре-
 бильонъ смѣлосію; Волперъ ко всѣму спо-
 собенъ, у него нѣтъ опредѣленнаго хода.
 Расинъ всегда плѣнитель, — шворе-
 нія его самыя обрабопанныя; Кребиль-
 онъ всегда ужасенъ, -- произведенія его
 самыя прагическія; Волперъ всегда бли-
 спашеленъ и всѣхъ оспроумнѣ.

Расинъ обладаетъ нѣжными, про-
 гапельными прелесшями Афродиты; Кре-
 бильонъ мужеспвенными и важными кра-
 сошами Паллады; Волперъ величеспвен-
 ными украшеніями Юноны. Ежели бы Па-
 рись, для награжденія сихъ писапелей,
 имѣлъ два золошья яблока; по лучшее даль-
 бы онъ Расину, а другое Кребильону, съ
 сожаленіемъ, что не имѣетъ преспьяго.

Однимъ словомъ Геній былъ удѣломъ
 Расина, дарованіе Кребильона, а изящ-
 ный умъ Волпера.

Спихи Расина пріятны, но иногда
 не имѣютъ живоспи. Спихи Кребильона
 порывиспы, важны, сильны, часпо сухи
 и нерѣдко грубы. Спихи Волпера бли-



спашельны, преисполнены огня и оспрошы; но иногда досадуешь, что они слишком смѣлы.

Расинъ пріяшнѣе, нѣжнѣе, сладоснѣе обоихъ своихъ соперниковъ; Кребильонъ сильнѣе, крапче, убѣдительнѣе Волпера; Волперъ же далеко превосходитъ и Расина и Кребильона Философскими мыслями, удивительною плодovitію кисти, неподражаемою свѣжестью ошпѣнокъ; спраспнымъ огнемъ чувспвованій и понкосцію выраженій.

Расинъ всегда будетъ обожаемъ своими соотечеспвенниками, прекраснымъ поломъ и вообще всѣми, которые пишашюся нѣжными спраспиями; Кребильонъ можетъ быть первѣйшимъ любимцемъ народа, слѣдующаго однимъ только законамъ Мельпомены. Волперъ есть писатель всѣхъ народовъ, умѣющихъ мыслишь: до тѣхъ поръ будущъ чипашъ его шворенія, пока не преспанушь разсуждашь.

Расинъ подобень величественной рѣкѣ, шихо оплодотворяющей страны, ею орошаемая; Кребильонъ есть обширной пролокъ, быспро увлекающій предметы; Волперъ подобень обширному морю, котораго и самая пишина есть предшественница бури.

Прочитавъ Расина, всякой невольно воскликнешь: превосходно! прочитавъ Волпера: прекрасно! прочитавъ Кребильона: какъ сильно!

Расинъ непринужденъ, проспъ, изящень; — онъ Ле Сюерь; Кребильонъ изобилень, величественъ, убѣдигелень; — онъ Жувенешъ; Волперъ свободень, легокъ, оспроумень, почши всеобщъ; — онъ Мишардъ. —

Съ Франц. Е. Ковалевскій.

ПИСЬМА ЛИНЫ КЪ МАТЕРИ.

(Окончаніе.)



Памятныя листки для Лины.

Вы совершенно привлекли къ себѣ мое сердце. Прелестный образъ вашъ озарилъ мракъ души моей. Въ васъ нашель я все, что только для меня священо и дорого. Для сего то желалъ бы я раздѣлить съ вами мою драгоценнѣйшую собственность — мои спраданія. — Часто разговаривали мы о прелестныхъ мѣстахъ вашего опечесства: незадолго предъ симъ они были и моимъ опечесствомъ. Такъ! нѣсколько лѣтъ жилъ я въ Нѣмецкомъ краю, какъ путешествіе чрезъ южныя провинціи привело меня въ С* . . . Это было въ началѣ вѣсны.

MOSCOVIA SIGISMUNDI LIBERI
 BARONIS IN HERBERSTEIN NEIPERG
 ET GVTNHAG · ANNO · M · D · XLIX



HANC TABVLAM ABSOL
 YIT AVG HIRSGOGEL
 VII: AVS: CVM GRA: ET
 PRIVI IMP



Молодая зелень робко выходила изъ со-
грѣвшейся земли; пріятное расположеніе
духа, чувствуя вольности и независимо-
сти, копорыя я никогда не употреблялъ
во зло, обладали тогда мною.

Въ одинъ вечеръ, вскорѣ по пріѣздѣ
моемъ въ С..., возвращаясь съ прогулки,
очутился я въ предмѣстіи, копорое по-
казалось мнѣ весьма пріятнымъ. Каждое
впечатлѣніе производило сильное дѣй-
ствіе надъ чувствами моими. Я былъ въ
такомъ состояніи, копорое располагало
душу къ романическому дѣйствию и ко-
порое заставило меня остановиться на
мосту, ведущемъ чрезъ рѣку къ городу.
Рѣка въ прелеснѣйшихъ излучинахъ
прошекала мимо разсѣянныхъ сельскихъ
домиковъ и садовъ; небольшія суда съ
развѣвающимися флагами и веселящимися
пловцами, приспавали къ берегу. —
Разнообразіе сей пріятнѣйшей сельской
картины сполько меня заняло, что я
не могъ рѣшиться оставить мѣстъ и
споялъ на немъ упоенный мечтаніями.



Между тѣмъ толпа людей мало помалу уменшалась и сумерки начинали спускаться на гладкую поверхность воды. Вдругъ услышалъ я опдаленные звуки пріятнѣйшаго пѣнія. — Вскорѣ увидѣлъ лодку, въ которой сидѣли нѣсколько дѣвиць и между ими одна женщина почпеннаго вида; ближе и ближе становились комнѣ звуки; голоса пѣвиць подобились пѣнію Сирень,— я пребывалъ въ очарованіи. Лодка приспала къ берегу и изъ нея вышли двѣнадцать дѣвиць въ бѣломъ одѣяніи, подобно Нимфамъ. Я предсавлялъ уже ихъ въ своемъ воображеніи, проходящими мимо меня; изчислялъ ихъ прелести и красоту, копорыя увижу вблизи, какъ почпенная женщина опдалилась нѣсколько къ одной споронѣ моста, опворила калитку и вошла въ близъ лежащій садъ. Прелестныя существа также скрывались опъ глазъ моихъ; одна только всѣхъ ихъ прелестнѣйшая, еще нѣсколько медлила, только она одна обрапила взоръ свой на мостъ, только ее плѣнишельный

взглядъ замѣшилъ меня и долго оставался неподвижнымъ. Уже она взялась за калипку сада, долженствующаго сокрыть ее отъ взора моего; но свѣшлые взоры, исполненные милой заспенчивости, тихо, робко и какъ бы съ нѣкошорою довѣрчивоспю еще ко мнѣ спремелись, такъ что я нечувствительно подошелъ къ ней на нѣсколько шаговъ ближе. Туть исчезъ божественный образъ сей, но только на короткое время. Калипка еще разъ опворилась, я приблизился къ сему Ангелу и невольнымъ образомъ упалъ на колѣна. — „Такъ можеть явисься сама обладашельница неба глазамъ изумленнаго художника!“, воскликнулъ я и коснулся дрожащими устами моими ея плашья. — Лилейныя щеки покрылись пламеннымъ румянцемъ; большіе, проникашельные глаза изливали пламень и проникали во внушренность мою. Она была въ смущеніи и боязни, подобно робкой лани, которая бѣгомъ своимъ не смѣеть нарушпшь шпщпны лѣса. Прелесшныя уста

ея раскрылись и желали произнести какъ бы нѣкую пайну; но звукъ голоса замеръ на нихъ. Сосрадапельная и плѣнипельная улыбка была все, что полько она могла выразишь. Тупъ раздались голоса двѣиць въ срединѣ сада, калипка поспѣшно зашворилась и блаженство мое исчезло. —

Кто сіе небесное существо, кому принадлежишь оно и какъ я могу опяшь его увидѣшь? — были первые вопросы смущеннаго моего сердца; вдругъ представилось воображенію моему слѣдующее предпріятіе.

Я пошелъ нѣсколько шаговъ впередъ и послушался у перваго прекраснаго домика, находящагося подлѣ моста. Опдаюшся ли здѣсь въ наймы комнашы? спросилъ я. — Опдаюшся, но сего дня поздно; вы можете припши завшра.

Едва могъ я дождашься ушра.

А, вы уже здѣсь! и шакъ рано, привѣщивалъ меня хозяинъ. — Да, опвѣчалъ я, и пребовалъ осмошрѣшь комнашы. Меня повели черезъ дворъ къ малень-

кому узкому спроенію, находящемуся въ споронѣ. Провожашые мои думали, что шѣсная комнашка не понравится шакому Господину, каковъ я, но лишь только отворили дверь, то предспавилось мнѣ, что они отворили дверь къ самому небу. Предчувствіе меня не обмануло—окошки были прямо въ садъ, къ кошорому спремилась всѣ чувства мои.

„Я примѣчаю, сказалъ мнѣ хозяинъ, что лежащій шамъ внизу садъ, вамъ весьма нравится, но къ сожалѣнію—только издали можно смопрѣшь на него; во внутрененность же ни кто проникнуть не смѣетъ.“

Но я и не желаю эшаго, былъ отвѣтъ мой и дружески пожалъ руку хозяина.

„Ну, какъ вамъ угодно, сказалъ хозяинъ, сдѣлавъ низкой поклонъ. Посмотрите, продолжалъ онъ, на эшошъ домъ опличной архитектуры, находящійся въ верхнемъ концѣ сада и обнесенный вокругъ винограднымъ полисадомъ. Внутренняя свяность его скрывается отъ



глазь любопытнаго; къ сему--шо домику принадлежишь эшошь прекрасный садъ. Имь владѣеть одна вдова, кошорая со-держитъ пансіонъ, состоящій изъ благо-родныхъ двѣиць здѣшной округи. Между ими есть прекраснѣйшія дѣпи. Смотри-ше вошь сходящъ по лѣспницамъ цѣлая шолпа ихъ.“ — Я взглянулъ и запрепечалъ, какъ прешупникъ, эшо она! обо-жамое мною существо! — Она возвыша-лась предъ прочими подругами своими, какъ гордая лелея; была одѣша въ шо самое плашье, въ кошоромъ увидѣлъ я ее вчерашній день, съ шою только раз-ницею, что на головѣ находилось покры-вало, подъ кошорымъ разсыпались ло-коны и представляли ея въ видѣ Вес-шалки. Тихо раскрылъ я окошко, бояся какъ бы не испугашъ ее? оппустилъ слово--охотнаго хозяина и приказалъ нужнѣйшія вещи мои перенести въ ком-нату. Тогда--шо представилось мнѣ, что шѣсное жилище сіе вмѣщало въ себѣ все блаженство моей жизни. Какъ услаж-

дала меня мирная тишина здѣсь царствующая, съ какимъ сладчайшимъ воспоргомъ внимала я пѣнію соловьевъ, пархающихъ между цвѣшущими кустарниками. Никогда не казалась весна для меня такъ прелестна, такъ восхищительна. Только издали смотрѣлъ я на любезнѣйшій образъ красавицы, но желалъ къ ней приблизиться, хошѣлъ безпрешанно носиться вокругъ ея, на подобіе шихаго благодѣшельнаго Генія. Мнѣ казалось тогда, что я долженъ былъ охранять дражайшую жизнь ея, которая тихо и спокойно прошекла какъ свѣпльй источникъ между благоухающими цвѣшами, которая въ семь уединенномъ, но прелестнѣйшемъ жилищѣ сокрыта была отъ малѣйшей опасности, удалена отъ пагубнаго свѣпскаго шума, никогда ненарушающаго ея спокойствія.

Это происходило ввечеру наканунѣ Троицына дня. Молодыя дѣвушки занимались оспальнойю половиною дня, собираніемъ цвѣшовъ и плели вѣнки. Но

вошь упражненіе ихъ кончилось, и они, казалось, гошovy были оставишь садъ. Наполнивъ прекрасныя карзинки сплетенными вѣнками, шупя между собою, они надѣвали другъ на друга. Слабой розовой свѣтъ погасающаго солнца дрожаль еще на всѣхъ цвѣсахъ и лисьяхъ, озаряя священный вечеръ наступающаго праздника.

Одна милая, сердца моего, опдѣльно опъ прочихъ подругъ своихъ сидѣла на дерновой скамейкѣ посреди сада. Казалось, что она еще не окончила своей работы. Послѣдніе лучи вечерняго свѣшила, блисшали вокругъ и представляли ея богинею. Она задумчиво перебирала цвѣшны и плела новые вѣнки. Голубые колокольчики выказывались изъ подъ бархатныхъ гвоздикъ. Перспы ея подобно бѣлѣйшимъ лиліямъ мѣшались съ прочими цвѣшами. Глаза ея, казалось, чего -- шо искали, вдругъ она всшаепъ; неоконченный вѣнокъ висѣль на рукѣ; но какъ сильно запрепешало сердце мое,

когда я увидѣлъ, что она приближается къ моему окошку, около кошораго вилась мрачная повелика. Она сорвала нѣсколько цвѣшовъ сего распѣнія, смѣшала темные листья его съ пламенно-розовыми гвоздиками, желая тѣмъ какъ бы прохладить яркій блескъ цвѣшовъ сихъ. — Наконецъ вѣнокъ былъ конченъ предъ моими глазами. Еще не доспавало нѣсколько листьевъ; она бросила любопытный взоръ на молодые оппрыски повелики и глаза ея встрѣпились съ моими.

Итакъ мы опять нашли другъ друга! мы хотѣли вѣчно быть неразлучны.

О Лина! для того ли находился я такъ близко обожаемаго мною существа, чтобы его лишиться на вѣки? —

Съ какими чувствами проснулся я на слѣдующее утро! Мнѣ казалось, что вся природа торжесшвовала вмѣстѣ со мною праздникъ любви. О незабвенный день! Солнце съ необыкновенною ясносшю освѣщало всѣ предметы. Пріятные

зефиры радостно лобызали листья дерева; сребровидная роса кропила ароматные цветы, коих запах наполнял весь воздух и сердце мое ушло в неизъяснимых восторгах.

Но увижу ли ее в это утро; буду ли наслаждаться опять небесною ея улыбкою; услышу ли очаровательный голос из прелеснѣйшихъ устъ ея, говорилъ я самъ съ собою. Въ саду было еще все тихо и пусто; въ домъ непримѣнно было ни малѣйшаго шороху; беспокойство мое увеличивалось болѣе и болѣе. Уже помный звукъ городского колокола касался слуха моего.

Она была всегда первая, а сего дня взоры мои обращались повсюду съ безпокойствомъ. — Въ саду все еще царствовала глубокая тишина. Прошло утро, прошелъ полдень, и все спяло у окна, какъ окаменѣлый. — Самые алые лучи угасающаго солнца, лобызая, какъ бы въ послѣдній разъ верхи зданій, не могли выманишь прелесныхъ воспанницъ

изъ ихъ жилища; еще прополъ день и я помился напрасно, наконецъ на прешій рѣшился узнатьъ все.

Я спустился въ садъ изъ окошка, отважился пройти до передней террасы, попомъ доспигъ лѣспницы дома; все тихо, окна завѣшаны. — Неизъяснимый ужасъ объялъ всѣ члены мой. Отворяю двери, и какое зрѣлище представляется глазамъ моимъ! Мрачный гробъ споялъ посреди комнаты, съ шрепешомъ опешупилъ я назадъ. Но какъ пораженъ былъ, когда увидѣлъ на немъ вѣнокъ сплещенный изъ гвоздикъ и повелики. Я хотѣлъ говорить, но языкъ замиралъ на устахъ моихъ. Наконецъ появляются носильщики и поднимающъ гробъ. Изъ боковыхъ дверей выходящъ дѣвицы въ глубокомъ траурѣ. Я собираю послѣднiя силы; глаза мои ищущъ между ими возлюбленную, но щещно!., Ипакъ ее уже нѣтъ болѣе на свѣтѣ! Едва я могъ произнести слова сiи и упалъ на землю.

Я опамяшовался и увидѣлъ себя



одного. — Въ цѣломъ домѣ царшвовала
спрашная пущоша. Ни кто не спѣшилъ
ко мнѣ на помощь. Съ разшерзанными
чувствами оставилъ ужасное сіе жилище
и побѣжалъ черезъ садъ. Я не могъ ни
жаловаться, ни плакать; но когда усмо-
трѣлъ нѣсколько завялыхъ цвѣшовъ, ос-
тавшихся отъ соплешенныхъ вѣнковъ, въ
шопъ счастливейшій для меня вечеръ,
то скорбь моя излилась въ горячихъ
слезахъ. Я бросился на землю, прощал-
ся со всѣми предметами, прощался со
всѣми радостями едва разцвѣтшей жизни
моей. Бѣги отсюда, бѣги несчастный,
все швердило мнѣ; для себя нѣтъ; уже
болѣе прелестей во всей природѣ, цвѣшны
не разцвѣшутъ для тебя, деревья не
прохладятъ пріятною своею тѣнію,
живошворныя лучи солнца не согрѣютъ
помершвѣлыя швои чувства. Бѣги въ
отдаленнѣйшія мѣста, сокройся въ мрач-
ную неизвѣстность. Возвращаясь въ квар-
ширу я только написалъ письмо къ мо-
ей матери, открылъ ей намѣреніе уда-

лихся въ Швейцарію. Туда влекло меня неизъяснимое чувство. О! непоспимое предопредѣленіе Высочайшаго существа! Здѣсь на берегу озера встрѣтился я съ вами, дражайшая Лина. Сходство ваше съ обожаемымъ предметомъ поразило меня; мнѣ казалось, что само небо сжалось надъ моими спрдааніями и ниспослало ко мнѣ васъ въ видѣ Ангела утѣшителя.

Итакъ теперь вы, конечно не удивитесь, что я душевно къ вамъ привязанъ; что я никогда не буду въ соспояніи васъ оставить; что я во всю жизнь мою хочу принадлежать вамъ, что съ радостію послѣдую за вами въ Германію, въ ваше отечество, чтобы найти въ немъ мое отечество. — Теперь опъ васъ зависишь принять увѣреніе въ искреннѣйшей моей къ вамъ преданности и любви неизмѣнной.



Лина къ Матери.

Лозана.

Вы не опивчаеете мнѣ, любезная ма-
нушка; конечно сердитесь на меня, и въ
посланныхъ вамъ листкахъ находите
причину бытъ недовольною нами. Ахъ!
не сердитесь, добрая манушка! Скоро
надѣюсь съ вами увидѣться и успокоиться
на нѣжной груди вашей. Тогда вы про-
спшите меня, тогда объяснитесь все, что
теперь кажется вамъ непонятнымъ. Такъ
говоритъ мнѣ шайное предчувствіе сер-
дца,

Болезнь Эдуарда къ сожалѣнію все
еще въ одинакомъ состояніи. Впрочемъ
я надѣюсь, что мы скоро возвратимся
домой и должны будемъ оставишь намѣ-
реніе, нынѣшнимъ лѣтомъ совершивъ
предпріятное путешествіе; хотя Эду-
ардъ очень сего желаетъ и спарается
болезнь свою предшавишь сколь воз-
можно въ лучшемъ видѣ. Что до меня,
то я чувствую себя здоровою и съ
большимъ нетерпѣніемъ ожидаю того

приятнаго времени, когда мы возвратимся въ любезнѣйшее наше опечеснво. — Эдуардъ мысленно восхищается блаженною минушою свиданія Гуспава съ Машильдою. Онъ раздѣляетъ со мной всѣ догадки и желанія мои. Но вы молчите, любезная машушка; вы не хопите ничего предугадывать. Ахъ! шупъ нѣшъ никакого сомнѣнiя, — Машильда есть шопъ драгоцѣнный образъ, кошорый наполняетъ собою душу несчастнаго Гуспава. Такъ! Она живешъ, ша, кошорую почитаетъ онъ умершею.

Не въ самой ли Троицынъ день прошлою весною прѣхала къ вамъ Машильда? Не вы ли уговорились съ содержательницей пансіона въ С..., чшобъ при малѣйшемъ появленіи опасной болѣзни между воспитанницами, непременно опдравишь Машильду къ вамъ? Не скоро ли шопомъ получили вы извѣстіе о смерти одной изъ воспитанницъ? Вы сами обо всемъ эшомъ къ намъ писали. Сверхъ шого, кшо не замѣшишь во взорахъ лю-



безнѣйшей сестры моей шайндѣй грусти, изображающей начало самой пламенной любви? Ишакъ могу ли болѣе сомнѣваться, что скоро приближися минуша, которая наградишь всѣ сшраданія Гуспава. Ахъ! Еслибъ я могла обнаружити всѣ чувства мои предъ симъ любезнымъ, но унылымъ юношею! Еслибъ могла сказаць ему въ то время, когда шомные и жалосць изображающіе глаза его ко мнѣ усшремляющся: „она живешъ, ша, которой принадлежатъ сіи взоры; она наградишь швою вѣрность. Я видѣла проливаемыя по шебѣ слезы, слышала вздохи, выльшавшіе изъ нѣжнаго ея сердца. — Но блаженное время сіе еще не насшупило, еще должно помедлити. Вы не можете себѣ представити, любезная мамушка, какъ шягосшно для меня шеперь сіе молчаніе. —

Бернъ.

Эдуардъ согласился, любезная ма-
шущка, мы возвратимся домой, будущемо
весною намѣрены опять сюда прїѣхать;
но уже не одни, насъ будетъ сопрово-
ждать все, что только драгоцѣнно и
близко нашему сердцу, даже милая Ан-
гелика моя пойдетъ съ нами, она вы-
росшетъ, слѣдовательно не наскучитъ
ощу своему.

Я писала къ Машильдѣ, чтобы она
выѣхала къ намъ навспрѣчу. Едва могу
дождаться минушы нашего свиданія. Ни-
кто не знаетъ о выдуманной мною не-
чаянности. Самому Эдуарду ничего о
томъ неизвѣстно. — Чѣмъ болѣе при-
ближаемся мы къ мѣстамъ нашего опе-
чешва, тѣмъ унылѣе и задумчивѣе
становится Гусавъ. Веселость и ра-
доссть, изображающіяся шакъ живо во-
всѣхъ чертахъ лица моего, огорчаютъ
мрачнаго юношу. Вчера онъ даже мнѣ за
это выговаривалъ.



* * * *

Вотъ уже два часа, какъ мы сюда прибыли. По распоряженію моему мы проѣхали гостиницу, находящуюся на пріямномъ мѣстоположеніи близъ моста, и остановились въ городскомъ штакширѣ: ибо видъ сего предмѣстія города, могъ возродить въ душѣ Гусшава мрачное воспоминаніе.

Вы можете вообразить себѣ, любезная мунушка, какъ шягосшно было для добраго Гусшава увидѣть опять по мѣсто, копорое онъ незадолго предъ симъ навсегда оставилъ; однакожь миновашъ его было невозможно; оно лѣжитъ на самой дорогѣ нашей. При помѣ, скрывая причину опъ обоихъ моихъ сопушниковъ, я намѣрена промедлить здѣсь болѣе обыкновеннаго. Отгадаете ли вы, мунушка? Сюда должна пріѣхать Машильда, сюда къ прежней своей воспитательницѣ. —

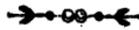
Сей часъ только отправила я посланнаго въ пансіонъ узнать о пріѣздѣ

Машильды. Все готово. На самомъ помѣ-
 мѣстѣ, гдѣ Гуславъ думалъ, что навсегда
 потерялъ свою возлюбленную, долженъ
 теперь найти ее!—Вы помните, что съ
 одной стороны сада есть ходъ, ведущій
 прямо въ городъ; я сомнѣваюсь, чтобы
 онъ былъ извѣстенъ Гуславу, — и такъ
 безъ всякаго подозрѣнiя онъ послѣдуетъ
 туда за мною.

Посланный возвратился. Машильда и
 Ангелика прѣехали. Рѣшительная мину-
 та наступаетъ. Милосердый Боже! ис-
 полни желанiя наши. О любезнѣйшая ма-
 шушка, съ чѣмъ въ свѣтѣ сравнишься по
 наслажденiю, когда мы можемъ сдѣлать
 счастливыми существа нами любимыя?

* * * *

Все кончено, любезная машушка!
 Пламеннѣйшiя ожиданiя мои исполнились.
 О, еслибъ вы были свидѣтельницею сего
 благополучiя! Я прыгаю отъ радости и
 восхищаюсь, какъ ребенокъ. Эдуардъ въ
 полной мѣрѣ раздѣляетъ восторгъ мой,
 онъ благодаритъ меня за сiи блаженныя



минушы, называешъ своею вѣрною доброю женою; но какъ могу я описатьъ вамъ общоюшелою все случившееся? Гдѣ возьму словъ изобразить что либо сему подобное?

Мы вышли изъ города и направили путь къ саду. Эдуардъ и Гусшавъ слѣдовали за мною безъ всякаго подозрѣнiя. Никто не узналъ дома. Содержательница пансіона вспрѣшила насъ очень ласково. Гусшавъ былъ все еще въ глубокой задумчивости. Она повела насъ къ шой часши дома, гдѣ находился садъ; мы вошли по лѣспнищѣ. Гусшавъ сдѣлался примѣчательнѣе. Нѣсколько воспитанницъ показались въ отдаленности; онѣ пробѣгали въ низу по алеямъ; въ это время несчастный спрадалецъ какъ бы пробудился отъ продолжительнаго и глубокаго сна; бросилъ жалостные взоры на окружающіе его предметы и произнесъ шрогательнымъ голосомъ:

„Боже! сюда, сюда ведете меня,“ — и не могъ говорить болѣе.

Мы стояли тогда передъ бесѣдкой и Машильда, держащая Ангелику, представилась глазамъ нашимъ! О любезная мапушка! Въ сію минушу она уподоблялась нѣкоему божеству! Я приняла въ объятія мои милую Ангелику; она осыпала меня нѣжнѣйшими поцѣлуями, и не могла видѣть восхищенія любовниковъ и Эдуарда! Лице мое склонилось на грудь моей дочери. Но когда всѣ бросились обнимать меня, всѣ воскликнули сестра, любезная сестра! брось на насъ хотя одинъ взоръ свой, — взгляни на наше счастье, на любовь нашу; тогда я обратила глаза мои и въ одно мгновеніе прочитала въ душахъ любовниковъ совершенное блаженство.

Итакъ готовьшесь, любезная мапушка, принявъ всѣхъ насъ! Мы ѣдемъ къ вамъ; опъ васъ только съ нешерпнѣніемъ ожидаемъ согласія на исполненіе нашего желанія.— Ни какихъ сомнѣній, — **никакого** условія, — дражайшая мапушка, они достойны другъ друга. — Еслижъ



вы захопите оуждашь песпышность, съ каковою я все это производила; но подумайте, разсудите основательнѣе, что побѣда, кошую желаетъ приобрѣсть надъ самимъ собою, должна бытъ произведена въ дѣйство въ полномъ энтузіазмѣ перваго предпріяшя.

Съ Нѣм. А. В. Кирѣевскій.





СТИХОТВОРЕНІЯ.

Н И Н А.

ПАСТУШЕСКАЯ ПОЭМА.



П Ъ С Н Ъ П.

Богиня дѣвушекъ любезна,
Подруга Грацій и Харись,
О ты красавица небесна,
Изобразишь чей кропкій видъ
Не можешь кисть намъ ни какая!
Скажи, поможаль на себя
Въ то время дѣвушка младая,
Когда всѣмъ сердцемъ люблю,
Задумавшись, она краснѣешь;
Когда спыдишься и не смѣешь
Признашься въ томъ себѣ самой,
Что юноша ей полюбился,

Ч. II. Кн. 2.



Спыдишся даже мысли шой,
 Чшо онъ красой ея плѣнился.
 Какой огонь въ ея глазахъ!
 Какія розы на щекахъ!
 Слова ея, какъ остры стрѣлы,
 Чшо направляють руки бѣлы
 Циперы мѣшкаго стрѣльца,
 Пронзають нѣжныя сердца:
 Когда же, какъ заря краснѣя,
 Люблю промолвишь и—вздохнешь.....
 Ахъ! сей стрѣлы, Амурь, острѣя
 И у себя въ колчанѣ нѣшь:
 Влюбленна дѣвушка такая
 Похожа вѣрно на тебя,
 Спыдливосшь милая, свяшая,
 Ты, кою представляю я
 Милѣй, прекраснѣй несравненно
 Красавицы безсмертной шой,
 Кошорой яблоко безцѣнно
 Поднесъ Пріамовъ сынъ молодой.
 Какъ Нина сладкой сонъ вкушала,
 Когда природа съ нею вся

Въ глубокой пишинѣ дремала,
 Всѣхъ звалъ къ покою шумъ ручья;
 Пернапы съ воздуха спускались,
 Иныя въ гнѣзды ко пшеницамъ,
 Другія въ вѣшьяхъ укрывались,
 Или въ ущельяхъ по горамъ;
 Дневной работою утомленный,
 Трудолюбивый муравей
 На кучѣ опдыхалъ своей,
 Не спалъ одинъ Дельфизъ влюбленный.
 Давно онъ проводишь во снѣ
 Часы ночные разучился,
 Давно искашь въ одномъ себѣ
 Покоя средства онъ лишился;
 Давно опвыкъ пасухъ молодой
 Безъ вздоховъ помышляешь о Нинѣ,
 Давно забылъ владѣшь собой,
 Вспрѣчаясь съ нею на долинѣ;
 Давно Дельфизъ задумчивъ спалъ,
 О Нинѣ думаешь чпобъ всечасно,
 Любишь овечекъ пересцалъ,
 Чпобы любишь лишь Нину страстно.



Но какъ опкрышь ей спрасть свою?
 Дельфизъ влюбленъ — Дельфизъ не смѣешь,
 И думаешь: я тебя люблю,
 Взирая на нее, робѣешь.
 Не спалъ, не спалъ паспухъ молодой;
 У шалаша своей драгой
 Въ очахъ съ дрожащею слезою,
 Съ склоненной къ груди головою,
 Вздыхая просидѣлъ всю ночь.
 Ужъ солнце высоко сіяешь,
 Опъ хижины нейдетъ онъ прочь: —
 „Пускай же все она узнаешь,
 Вздохнувъ шажелѣ говоритъ,
 „Мнѣ что-то бышь смѣлѣй велишь.“
 Сказалъ, и голосомъ унылымъ
 Запѣлъ шакъ подъ окошкомъ милымъ:

Тошно слезы скрышно лишь,
 Тошно сердцу шайно бишься,
 Тошно, пошно шакъ влюбишься.
 И любви не смѣшь опкрышь.

→—○○—←

Та, кто мнѣ дороже свѣта,
 Та же смерти мнѣ страшней,
 Не боюсь шакъ жала змѣй,
 Какъ боюсь ея отвѣта.

*

Тщепно разумъ мнѣ пвердишь:
 Переспанъ любишь несчастной,
 Безъ надежды чувствво страшно
 Въ пепель сердце обратишь.

*

Такъ-шо по морю съ волнами
 Буря легкой мчипъ челнокъ;
 Въ немъ рыбакъ клянешь свой рокъ,
 Не владѣя ужъ веслами.

Пасшущи сладкихъ, крѣпкихъ думъ
 Тогда бы не прервали вѣрно
 Ни рѣвъ морей, ни вѣтровъ шумъ,
 Ни грома прескъ изъ шучи серной;
 За горыбъ солнце освѣщашъ
 Другихъ пасшущекъ удалилось,
 Назадъ бы солнце возвратилось



И удалилося опяшь.

Онабъ еще не покидала

Любезныхъ думъ шѣхъ ни на часъ,

Когдабъ Дельфиза не слыхала

Унылой, нѣжной, спрашпной гласъ;

Онъ шакже сладокъ ей казался,

Какъ шопть, кошорой раздавался

По роцѣ миршовой во снѣ,

Какъ звалъ ее Амуръ къ себѣ.

Дельфизъ шакъ шихо пѣлъ, что Нинѣ,

Какъ въ ошдаленнѣйшей долинѣ,

Амуровъ слышашъ мнилось гласъ. —

Онѣ! Онѣ! взываетъ, — и шопчасъ

Съ посшели всшавъ, бѣжитъ къ окошку,

И изъ за спѣнки понемножку

Выглядываетъ на поля.

Эрошь въ Цишеру прилѣшя,

Венерѣ въ даръ поднесъ каршину,

На коей самъ онъ срисовалъ

Сшоящу у окошка Нину:

Ее искусно написалъ —

Не въ пышномъ спальномъ онъ нарядѣ,

Красавицы въ кошоромъ спяшь,
Иль шолько нѣжашся во градѣ;
Но скромной Нины весь нарядъ
Сорочка лишъ была просная,
Невинностьъ коей покрывая
Священны шаинспва свои,
Для нѣжной шолько ихъ любви
Въ ней какъ въ кивощѣ сохраняла,
И даже опъ очей ея
Спыдлиностьъ ихъ всегда скрывала; —
Но на прекрасныя поля,
Какъ первый снѣгъ ни выпадаетъ,
Одну поверхность зашилаешь,
На коей означаетъ онъ
Гдѣ холмики, и гдѣ равнины;
Такъ шочно образъ юной Нины,
Искусной кистью Купидонъ
Въ сорочкѣ написалъ съ напуры,
И видъ изящной сей Амуры
Въ храмъ Афродисинъ опнесли,
А шамъ — какъ божество Циперы,
Они, шихонько опъ Венеры,
Пасшушку жертвами почли. —



Но на чудесную картину
Сверхъ мѣры заглядѣлся я,
Оспавя у окошка Нину
Въ недоумѣнїи ея.

Какъ солнце ясное весною
Сквозь тонко облако блещишь,
Такъ равная ему красою
Сквозь чистое спехло глядишь
Съ улыбкой Нина дорогая;
Нешерпѣливостью пылая,
Дрожащей, робкою рукой,
Она окошко ошворяешь
И взоръ украдкою бросаешь,
Взоръ нѣжной и умильной свой,
На дальнїя поля, на горы,
Не видишь ни кого — и взоры
Съ печали успрямляешь внизъ. — —
Внизъ Нина взоры успрямляешь,
И въ поужь мгновенїе Дельфизъ
Свои съ слезами вверхъ бросаешь.
Лишь вспрѣшился со взглядомъ взглядъ,

Ахъ! Ахъ! по рошѣ раздалися,
 И въ страшнѣйшій ахъ одинъ слилися.
 Паспушка опъ окна назадъ
 Съ спыдомъ къ постели убѣгаетъ,
 Невольно, тяжело вздыхаетъ,
 И при вздыханьи вспомнивъ сонъ,
 Съ любезнымъ сердцемъ распаешся;
 Грустнѣешь, тоскуешь и мянешся,
 Лишь радуешся Купидонъ,
 Руками плещешь, поржесивуешь,
 Побѣдою гордишься сей
 И Нину съ радости своей,
 Въ Зефира превращаясь, цѣлуешь. —
 А Нины, Нины въ первый разъ
 Всѣ мысли, чувствуя всѣ смупились,
 По алымъ щечкамъ покапились
 Двѣ чистыя слезы изъ глазъ;
 И шо и дѣло поднималась
 Лилейна грудь ея тогда.
 Смущенна Нина догадалась,
 Что ей любить пришла чреда,
 Заныло сердце, закипѣла



Пылающая въ жилахъ кровь,
И все что пребуешь любовь;
Размысливъ Нина..... покраснѣла.

Въ любви казалась ей одна

Сердцеъ младыхъ ширанка люта. — —

Ахъ! первая любви минуша

Трудна любовницамъ, прудна!

„Бѣда мнѣ, Нина говорила,

„Мнѣ кажешся, что я люблю,

„Что вся я какъ въ огнѣ горю;

„Бѣда мнѣ! Нина повпорила.

„Я помню мамушкину рѣчь:

„Она швердила мнѣ всечасно,

„Что сердце надобно беречь,

„Что дурно, спыдно и — опасно

„Не браша дѣвушкѣ любишь.

„На чтожь не велѣно судьбою

„Моимъ Дефильзу брапомъ быть?

„Я бывъ пеперь его сеспрою

„Къ себѣбъ его подозвала,

„И какъ бы нѣжно обняла,

„И какъ бы крѣпко, крѣпко къ груди

„Своей его прижала я! — —

„Но мнѣ любить его не лзя,

„Любовь спыдомъ счипающъ люди,

„Порокомъ всѣхъ пороковъ злѣй.

„О! еслибъ полько и людей,

„Я да Дельфизъ на свѣтѣ было,

„Какъ скоробъ сердце полюбило,

„Топчасъ ему сказалабъ я:

„Дельфизъ, мой другъ! люблю тебя.“ — —

Вы, кои пышными словами

Хопите чувства замѣнить,

Гордясь высокими умами,

Искусству все поработить

И говоришь какъ Цицероны,

О чемъ же? о любви простой!

О вы, градскіе Селадоны!

Скажише искренней душой,

Толь значашъ ваши: обожаю,

Горю, пылаю, тлѣю, таю,

Предметъ драгой боготворю,

Что Нинио одно люблю?

Одно люблю ея простое,

Люблю сердечное, шакое,
 Какое говоришь душѣ,
 Какое всѣхъ времянь сначала
 Со вздохомъ первая сказала
 Любовница на сей землѣ. —
 О небо! если сотворило
 Ты мнѣ подругу въ жизни сей,
 Даломъ шакое сердце ей,
 Какимъ ты Нину одарило? —
 Коль нѣтъ — о небо! повели
 Въ свободѣ умерѣшь поспылой,
 Иль Нинино дай сердце милой
 И спрась взаимну воспали.
 Тогда ты въ насъ огнемъ сей спрасни
 Слей душу, чувсва, мысли, нравъ,
 Слей насъ въ одинъ любви составъ,
 Слей наше счастье, слей напасни. —
 Еще о томъ себя молю:
 Дай мнѣ услышашъ какъ драгая
 Одна, какъ Нина, разсуждая,
 Промолвишь въ первый разъ люблю. — —
 Но свѣшомъ лишь людей забытыхъ

Подруги спрасшью шакъ горяшь,
И шакъ заочно говоряшь
Лишь въ хижинахъ соломою крыпыхъ. — —
Дельфизь! . . . счашливый человекъ!
Хошябъ сидѣль я на прешолѣ,
Зрѣль свѣшь моею покорнымъ волѣ,
И какъ спруи обильныхъ рѣкъ
Текушь богашства полны къ морю,
Со всѣхъ предѣловъ бы земли
Ко мнѣ сокровища шекли,
Я и тогдабъ сказаь: — не спрю,
Дельфизь, владѣлецъ мирный сшадь,
Меня счашливѣе спокрашь;
Пускай онъ царшвомъ не владѣеть,
Оно не надобно ему:
Онъ все въ обилии имѣеть,
Чшо нужно сердцу одному. —

Конецъ II. пѣсни.

—————

ОТСУТСТВІЕ
СЪВЕРНОЙ БОГИНИ. *)

~~~~~

Опъ чего Нева уныла  
Томно плещеть въ мрачный брегъ?  
И мгновенно премѣнила  
Прежній свой игривый бѣгъ? —  
Опъ чего пловецъ печальный  
Подъ мелькающимъ весломъ  
Не спруишь пошокъ кристальный  
И ни пѣснью, ни рожкомъ  
Тихо даль не оглашаешь;  
Но желѣзной цѣпью свой  
Чолнъ ко берегу прикрѣпляешь,  
И къ огню спѣшишь домой? —

---

\*) Сочиненіе сіе чищено было въ публичномъ собраніи Общесства 23 Сентября испекшаго года, въ самый день отъѣзда ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Всемилосливѣйшей Государыни ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢВНЫ въ Москву.

Рыболовъ оцъпенѣлый,  
Кинувъ промысль и шруды,  
Вопть влечешъ оледенѣлы  
Сѣшь и мрежи изъ воды.  
И стрѣлокъ уже напрасно,  
Прихаяся подъ кустомъ,  
Ждешь добычи ежечасно:  
Пусто сдѣлалось кругомъ,  
Только въпра завыванье,  
Водъ бѣющихъ въ брегъ крушой,  
И густыхъ лѣсовъ шпенанье,  
Слышишь сумрачной порой.  
Не блестяшь подъ ладъ серпами  
Милovidныя жнецы,  
И не машушь въ рядъ косами  
Бѣлокурыя косцы.  
Не мелькаешъ въ опдаленнхъ  
Чушь примѣшныи огонекъ:  
Гдѣ въ часы опдохновенья  
Поселянки, спавъ въ кружокъ,  
Подъ свирѣль поюшь согласно;  
Гдѣ сама любовь межъ нихъ.



Улыбаешься всечасно,  
 Какъ на милыхъ чадъ своихъ;  
 Гдѣ, подпершися руками,  
 Въ русской пляскѣ красоты  
 Преклоняющъ чуть снопами  
 Ароматные цвѣты.

Опъ чегожъ Невы на лонѣ,  
 Видѣнъ скорби мракъ густой?  
 Иль на ясномъ небосклонѣ  
 Солнца лучъ померкъ злашой?  
 Опъ чего? . . . Но вдругъ, мгновенно  
 Раздался на спогнахъ гласъ:  
 „Мѣспъ Богиня сихъ безцѣнна  
 Удаляется опъ насъ;  
 Увлекаетъ за собою  
 Все блаженство нашихъ дней  
 И прекрасною весною  
 Не пѣнимся мы безъ ней.  
 Разцвѣшутъ луга шелковы  
 Лишь Москвы на берегахъ,  
 Воды снимутъ шамъ оковы,  
 Запоютъ пѣвцы въ кустахъ . . . . .“



Такъ на поль въ шебя природа  
Спрасшь божеспвенну влила,  
Бышь упѣхою народа,  
И на свѣшь произвела  
Царства Сѣвера красою  
Въ образецъ Богинь земныхъ?  
Ты всѣхъ краше ихъ душою,  
Ты какъ солнце между нихъ.

Иль усердье сокровенно  
И любовь швоихъ дѣпей—  
Ты по скромности смиренной  
И по крошоспи своей  
Должной жершвой не считаешь?  
И шворя добро, какъ Богъ,  
Ты опъ насъ не ожидаешь  
Благодарности въ залогъ?

Но просши сердцеъ упреки:  
Ихъ усердье извлекло;  
Мы, Богиня, человекки:  
Сродно намъ добро и зло.  
Сродно намъ и заблуждашься,

Ч. II. Кн. 2.



Мы забыли о другихъ,  
 Чшобъ однимъ намъ наслаждашся  
 Красошой доброшъ пвоихъ.

Древня Руская Сполица  
 Пустъ увидишъ образъ пвой!  
 Пустъ счасшлия денница  
 Вóзсіяешъ надъ Москвой!  
 Понесисъ въ шопъ градъ священный  
 Ты Зефировъ на крылахъ,  
 Гдъ вѣнецъ благословенный,  
 Всѣхъ Россіанъ при мольбахъ,  
 Въ первый разъ ты возложила  
 Милосердыа на чело;  
 Гдъ премудрость распустила  
 Надъ тобой свое крыло.

Тамъ воздвигни храмъ любви  
 Въ сердцѣ вѣрныхъ чадъ Москвы:  
 Братья намъ они по крови, —  
 Братія сынамъ Невы.  
 Жизни пушь усыпь цвѣтами,  
 Тамъ возжги ошрады лучъ;

Да постигнушимъ бѣдами  
 Послѣ брани грозныхъ тучъ,  
 Имъ възграешъ солнце красно;  
 Водворится радость вновь,  
 И Благаго узряшь ясно  
 Къ нимъ божественну любовь.

Ты въ ихъ души свѣшь небесной  
 Изъ своей излей души;  
 Благодатию чудесной  
 Слезы скорбныхъ осуши.  
 Въ низки хижины убоги  
 Ты надежду посели;  
 Не вноси ее въ чершогы,  
 Гдѣ счастливцы на земли.  
 Тамъ не нуженъ лучъ оправды,  
 Гдѣ лучъ золота блещишь,  
 Гдѣ не знають чувствъ награды,  
 Неизвѣстенъ бѣдспвій видъ.  
 Водрузи хоругвь шерпѣнья,  
 Гдѣ опчаянѣ живешъ,  
 Пусть низпавшій въ заблужденѣ  
 Подъ покровъ ея придетъ!



Научи ны суетворъ  
 Въръ испинной свяшой;  
 Усхуди ны лицемворъ  
 Добродѣпелю — собой!

Но среди благихъ дѣяній  
 Вспомни шакже и о насъ;  
 И средь гимновъ, восклицаній,  
 Не забудь возвраша часъ.  
 Возрапись — сиропъ ошрада;  
 Возрапись — надежда вдовъ;  
 Возрапись — наукъ награда  
 Возрапись — въ бѣдахъ покровъ!  
 Возрапись — и всей природѣ  
 Возрапишся видъ иной;  
 Оживушь сердца въ народѣ  
 И воскреснешъ нашъ покой.

*А. Н. ....нѣ.*



---

## НА КОНЧИНУ ОЗЕРОВА.

---

Объята мракомъ вѣчной ночи,  
На землю грозна смершь лепишь;  
Погибелью сверкають очи  
И оспріе въ рукахъ блистаетъ.  
Взнесень ударъ! кого сражаешь?  
Кшо подъ косою швоею падаешь?  
Оспановись! — Ты не внимаешь!  
Гдѣ Озеровъ?... Его ужъ нѣшь!

Такъ! онъ ужъ болѣ не возстанетъ  
Изъ нѣдра хладныхъ земли,  
На лиръ золошой не грянешь!  
Она безмолвна и въ пыли  
Лежишь надъ мрачною могилою;  
Лишь вѣперокъ въ спрунахъ ея  
Рождаетъ помный звукъ, унылой:  
„Пѣвецъ! ужъ болѣ нѣшь себя!,,



Давноль пы пламень вдохновенья  
 Съ сей громкой лиры проливалъ,  
 И мѣрь, исполненъ удивленья  
 Священный гласъ ея внималъ?  
 Давноль пы воскрешалъ героевъ,  
 Почившихъ въ глубинѣ вѣковъ,  
 Являлъ картину славныхъ боевъ,  
 Разпоргши времени покровъ? —

Давноль своей всесильной власши  
 Ты покорялъ сердца людей,  
 Когда живописуя спраши  
 Волшебной кистію своей,  
 Многоразличны ихъ опливы  
 Умѣлъ искусно опшѣняшь,  
 И пламенной души порывы  
 Душамъ холоднымъ сообщаешь.

Досстигло спранъ Спигійскихъ, темныхъ  
 Бряцанье лиры швоея, —  
 И се, изъ пропащей подземныхъ  
 Изходишь страшная змія:  
 Ползешь, вѣпся и вливаешь  
 Въ грудь пѣснопѣвца черныя ядъ,

Въ ней огонь небесный погашаетъ  
И веселишь побѣдой адъ.

Вошще , жестоко уязвленный  
Пѣвецъ кончины ждешь своей ;  
Къ землѣ цѣпями пригвожденный  
Дни горестны влачишь на ней.  
Но гласъ молящій достигаешь  
Въ обитель горнюю пѣвцовъ ;  
Его Державинъ призываетъ  
И принимаетъ въ свой покровъ.

Сонмъ древнихъ Бардовъ въ восхищеньи  
Его спремился увѣнчать ,  
На славныя его шворенья  
Кладешь безсмертія печашь.  
А мы , горячими слезами  
Почшимъ пѣвца священный прахъ —  
И пѣнь великаго надъ нами  
Въ эфирныхъ явишся спранахъ.

*Савинскій.*



---

## Р Ы Б А К Ъ.

---

Вода волнуется — шумишь,  
Рыбакъ на морѣ, межъ валами,  
Въ ладѣ колеблемой въспраи  
Задумчивъ надъ сѣшми сидишь.  
Сидишь безмолвенъ — оглядаешь  
Проспранны воды, неба сводъ,  
И море нѣдра опверзаешь  
И зришь — Сирену онъ средъ водъ.

    Поешь Сирена: „Рыболовъ!  
За чѣмъ народъ пы мой прельщаешь,  
За чѣмъ изъ серебряныхъ валовъ  
На смершь коварно похищаешь?  
Смотри — какъ рыбки въ глубинѣ,  
Играя рѣзвяшся въ прохладѣ,  
Пьють влагу сладкую въ оспрадѣ  
На изумрудномъ моря днѣ.

→ ∞ ←

Смошри—и солнце предъ закапомъ,  
 И мѣсяць свѣшлый въ небесахъ,  
 На лонѣ нѣжашся богашомъ,  
 Морскихъ пучинъ во глубинахъ.  
 И сводъ небесъ въ водахъ глядишся, —  
 Любуясь собой на днѣ,  
 Смошри — и швой шамъ образъ зришся,  
 Сойди и шы — сойди ко мнѣ!,,

Вода шумѣла — волновалась, —  
 Онъ шрепешъ въ сердць ощущалъ,  
 Ладья кружилась — колебалась,  
 Рыбакъ волшебный гласъ внималъ;  
 Внималъ — и въ море погрузился,  
 По жиламъ спынешъ жизнь и кровь,  
 Изчезъ — и на хребтахъ валовъ,  
 Покой безмолвный водворился.

*Порфирій Лобойковъ.*



---

## МОТЫЛЕКЪ.

---

Въ весенній вечерокъ пріятный,  
Какъ сизый сумракъ міръ одѣлъ,  
На розѣ пышной, ароматной  
Успалый Мотылекъ присѣлъ;  
Въ опрадахъ, въ морѣ наслажденья,  
Счастливецъ нектаръ пьешь забвенья....  
Но вдругъ сосѣдственнѣй чертогъ  
Огней рядами освѣтился,  
Безумецъ блескомъ ослѣпился  
И одолѣвъ себя не могъ.

Лепишь, сіяньемъ увлеченный,  
Кружишь, порхаешь близъ свѣчи:  
Куда? — безумецъ заблужденный!  
Остановись!.... Сія лучи.....  
Но онъ ужъ въ нихъ, ужъ онъ пылаешь,  
Дрожишь, горишь — и умираешь!

Напрасно съ упренней зарёй,  
 На розѣ пробудаясь душистой,  
 Подруга раннею порой,  
 Ища дружка въ шравѣ росистой;  
 Порхаетъ въ грусти по цвѣткамъ  
 И день проводишь весь въ шревогѣ.  
 Его ужъ нѣшь! . . . погибъ въ чершогѣ  
 Въ урокъ и спрахъ всѣмъ Мошылкамъ.

Такъ жаждой почешей влекомы,  
 Оспавя шѣнь родныхъ лѣсовъ  
 И мирны опческіе дома,  
 Гдѣ ждуть насъ дружба и любовь,  
 Прельщенны ложными лучами,  
 Бѣжимъ, слѣпые, за мечпами,  
 Бѣжимъ у славы взяшь вѣнецъ;  
 О какъ мы съ Мошылкомъ пушь сходны!  
 Мы шакже къ заблужденьямъ сродны:  
 Опъ нихъ ему и намъ конецъ.

*Федоръ Глинка.*





## П Л А Ч Ь

### НАДЪ ПРАХОМЪ ЛАУРЫ.



Надъ чьею урною, въ безмолвіи пустынномъ  
Печальный кипарисъ задумчиво склонень?...  
Чей холмъ въ пѣни его, при сумракѣ доли-  
номъ,

Въ священной пишинѣ споить уединень?...

Увы! Лауры нѣшь! Вы пополы священны,  
Зефиры сумрака, пы свѣпмый водомешъ  
И скалы мшишныя, луною осребренны!  
Твердише горестно: увы! Лауры нѣшь!...

Поникъ олшаръ любви! печальные Амуры  
Льютъ слезы въ пишинѣ на холмѣ гробовомъ!  
Нѣшь жизни болѣ ихъ! нѣшь радости—Лауры,  
Угасла ихъ краса! уныніе — кругомъ.



Напрасно съ пихою вечернею зарёю  
Лаура, я ищу тебя въ шѣни долинь!...  
Приходишь поздній мракъ съ поскоющей  
луною,  
Но другъ швой — всё грустишь! но другъ  
швой всё одинъ.

Ахъ! скоро надъ его печальною могилой  
Зазеленѣешь холмъ — съ фіалкою простой!  
Лаура! улыбнись на памятникъ унылой!  
Онъ вѣчно будетъ цвѣсть — какъ дань любви  
святой.

*М. . . . . й.*



---

## ФИЛОСОФЪ И МЕДВѢДЬ.

( *Басня.* )



Какой-то Дровосѣвъ , другъ истинный при-  
роды ,

Въ лѣсу Медвѣдя изловиль ;

Да на цѣпь посадиль ,

Кормиль ,

Поиль ;

Но что за жизнь , коль нѣтъ свободы ?

Безъ ней ужъ лучше и не живъ !

Хоть и доволенъ былъ своей Мишущка долей ;

Но все не шакъ , какъ бы на волю ,

Всего бѣдняжечка дрожишь :

То цѣпь на шею зазвучишь ,

То лапки пропянушь не можно ;

То не зѣваешь во весь рошокъ ,





Смѣкнулъ тушь Философъ, что худо дѣло—

И ну къ Мишупкѣ смѣло

Съ своей моралью подступашь

И правила ему свободы полковашь.

Но онъ не очень имъ внимая,

Лишь пасъ огромну растворяя,

Съ своей къ Философу моралью подступилъ

И мудреца скорѣ убѣдилъ,

Чѣмъ всѣ ученые доводы,

Какъ лапою его за горло ухвалилъ.

\*

Такимъ звѣрямъ давашь не должно бы свободы.

*Ал. Дуропъ.*



---

## С М Ъ С Ь.

---

О Важнѣйшихъ изданіяхъ Герберштейновыхъ записокъ о Россіи съ критическимъ обзорніемъ ихъ содержанія.

Извлеченіе изъ книги: *Siegmund Freiherr v. Herberstein mit besonderer Rücksicht auf seine Reisen in Russland, geschildert von F. Adlung. St. Petersburg. Bey N. Gretsche. 1818. 8°. (\* )*

---

Сигисмундъ Баронъ Герберштейнъ писатель XVI вѣка, знаменнѣйшій вельможа Австрійскаго Двора, подвизавшійся сорокъ лѣтъ на поприщѣ дипломатическомъ при Нѣмецкихъ Императорахъ Максимилианѣ I, Карлѣ V и Фердинандѣ I заслуживаетъ особен-

---

(\*) Объ изданіи сей книги сообщено публикѣ въ Журналѣ: *Сынъ Отечества*, издав. на сей годъ No XIV. стр. 65-68, въ спашь современная Библиографія.

Ч. II. Кн. 2.

15



ное уваженіе Россіи. Онъ совершилъ въ правленіе Великаго Князя Василя IV Іоанновича, отца Царя Іоанна Васильевича Грознаго, въ качествѣ Посланника два пушешествія въ Россію и первый открылъ Европѣ внутреннее соспояніе сей тогда еще безызвѣстной страны (\*).

Родясь въ Крайнѣ среди племенъ Славенскихъ, научась съ дѣтства Виндскому нарѣчію, получивъ превосходное воспитаніе, обогативъ умъ наблюденіями и опытами, приобретенными въ пушешествіяхъ по всѣмъ почти Государствамъ Европы, и будучи одаренъ отъ природы доброю душою и пріяносными сердцемъ, онъ во время пребыванія своего въ Россіи воспользовался всѣми сими средствами, для познанія внутренняго ея устройства и собранія древнихъ и современныхъ о ней извѣстій. Что славный Швейцарскій Историкъ говоритъ о Полибіи, все по можно бы повсворить и о Герберштейнѣ (\*\*). Какъ чужеземецъ онъ болѣе всего принужденъ

---

(\*) Сравни Шлецера изданіе Неспора Ч. I. 1809. Введеніе §. 33.

(\*\*) Предыдущая книжка сего Журнала мѣсяць Апрель стр. 28.

быль вникашь въ составъ правленія и духъ народа; опъ чего сочиненія его въ семь опношеніи гораздо поучительнѣе самихъ опечественныхъ писателей. Драгоцѣнныя его извѣстія преданныя потомству и сохраненныя въ продолженіи почти прехъ вѣковъ въ различныхъ изданіяхъ, пребудушь для всѣхъ любителей Россійскихъ древностей, важнѣйшимъ швореніемъ до шѣхъ поръ, пока Словенность наша не произведешъ Опечественной Археологіи, кошорая бы будучи способна замѣнишь и объяснишь Герберштейна подробно изображала прежніе нравы, обычаи и домашнюю жизнь Рускихъ.

Обычаи имъ описанные, изъ коихъ многіе и по нынѣ еще не изгладилсь, изобразилъ онъ съ такою вѣрностію, что Великая Монархиня, въ ознаменованіе своего уваженія къ шуду его, благоволила приняшь непосредственное попеченіе о изданіи онаго. Кончина Ея, воспрепятствовавшая довершишь сіе предпріятіе, покрыла на нѣкоторое время памяшь Герберштейна забвеніемъ.

Извѣстный ученому свѣту Писатель Г-нъ *Аделунѣв*, возчувствовавъ несправедливое внодушіе къ имени сего достопамятнаго путешественника пожелалъ соорудить ему,

какъ онъ говоритъ, скромный памятникъ, сочиненіемъ полнаго его жизнеописанія, къ составленію коего знаменитый Покровицель всѣхъ просвѣщенныхъ и великихъ намѣреній Его Сіятельство Г. Государственный Канцлеръ Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, доставивъ ему обильныя средства, пожертвовалъ доспащочную суммою для изданія онаго на Нѣмецкомъ языкѣ. Сіе жизнеописаніе заключаешъ не покмо всѣ любопытныя подробности домашней и государственной жизни Герберштейна, но и крипическое обзорніе его сочиненій (\*). Первыя обогащены важными историческими объясненіями, а послѣднее библиографическими и филологическими примѣчаніями. Въ приложеніяхъ къ оному помѣщено шринадцать спапей, кои можно почешъ новыми прибрѣшеніями Россійской Дипломатики и Истории.

---

(\*) Начальство желая споспѣшествовать предпріятію сему, доставило Г-ну Аделунгу изъ Государственнаго М. Архива собраніе рукописей, содержащихъ извѣстія о пребываніи Герберштейна въ Россіи. Сему важному источнику обязано сочиненіе его вѣщимъ совершенствомъ, досповѣрностію и полношою.

Мы заимствуемъ изъ сей превосходной книги описаніе лучшихъ изданій того сочиненія, которое послужило Герберштейну несокрушимымъ памяшникомъ.

Къ познанію Исторіи, Географіи, Спасишпики, Государственнаго благоустройства, Вѣры, законовъ и нравовъ жителей Россіи, способствовали Герберштейну двукратное его пребываніе въ оной (\*), благоволеніе къ нему Великаго Князя Василія Іоанновича, и обращеніе съ Россійскими вельможами и чиновниками. Многія важныя свѣденія сообщали ему при Россійскіе полмача, сопровождавшіе его въ пупи, съ коими онъ потомъ свель въ Москвѣ близкое знакомство. Первый изъ нихъ по имени *Егоръ Истоминоу* путешествовалъ по Лапландіи, Швеціи, Финландіи, Лифляндіи и Ливвѣ; впорый *Василій Власовъ* обозрѣлъ берега Волги и Двины, слѣдуя по печенію сихъ рѣкъ и былъ въ Норвегіи, Даніи и Лифляндіи; прешій подъ именемъ

---

(\*) Первое пребываніе его въ Россіи было въ 1517 году и продолжалось 9 мѣсяцевъ; второе въ 1526 году и продолжалось 11 мѣсяцевъ.



*Димитрія*, отъ коего и Павелъ Ювій (\*) заимствоваль свои извѣстія, зналъ весьма хорошо Сѣверныя предѣлы Россіи. Изъ числа Вельможъ наиболѣе способствовали предпріятію его Князь *Семенъ Θεодоровичъ Курбскій*, изъ роду Ярославскихъ Князей, предводительствовавшій отправленнымъ въ Сибирь войскомъ, и видѣвшій сіи дополъ неизвѣстныя спраны и *Юрій малый*, Грекъ, бывшій Казначеемъ Великаго Князя и любимцемъ. Впорымъ для иносстранцевъ, погда еще неприкосновеннымъ испочникомъ, служили ему рукописныя Россійскія лѣпописи и записки

---

(\*) Современникъ Герберштейна, славный Историкъ своего вѣка, родомъ Италіанецъ. Онъ написалъ много сочиненій, изъ коихъ важнѣйшія: *Vitae Imperatorum Turc;* *Commentarii de reb. Turc.* за которое Карль V пожаловалъ его Кавалеромъ и Графомъ и *de legatione Basiliæ, Pr. Moscoviæ ad Clementem VII* (о Посольствѣ Великаго Князя Василя къ Климентшу VII напечатанное въ *Regum Moscovit. Auctores varii unum in corpus nunc primum congesti. Francof. MDC. fol.* Онъ родъ въ 1488, а умеръ въ 1552 году. Извѣстія его о Россіи приводятся, въ Исторіи Карамзина.

Рускихъ путешественниковъ. И пѣмъ и другимъ, при помощи природныхъ Россіянъ, разумѣвшихъ Опечеспвенную Испорію и знаніи Славенскаго нарѣчія, онъ удобно могъ пользоваться. Одушевляемый въ семь прудѣ живѣйшимъ учаспіемъ Авспрійскаго двора, собспвенною склонноспію и ожиданіемъ Европы, онъ до пѣхъ поръ углублялся въ сіи изслѣдованія, пока не испощены были всѣ его средства и усилія.

Записки его, писанныя имъ на Лапинскомъ языкѣ, сдѣлались при первомъ появленіи классическимъ сочиненіемъ, служившимъ болѣе спа лѣпъ единспвеннымъ испочникомъ, для познанія Россіи. Важнѣйшее изданіе оныхъ исправленное и пополненное самимъ Авпоромъ имѣеть слѣдующее заглавіе:

*Rerum Moscoviticarum Commentarii Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain, Neyperg et Guettenhag: Russiae et quae nunc ejus metropolis est, Moscoviae brevissima descriptio. Chorographia denique totius imperii Moscici et vicinorum quorundam mentio. De religione quoque varia inserta sunt, et quae nostra cum religione non conveniunt. Quis denique modus excipiendi et tractandi Oratores, disseritur. Itineraria quoque duo in Moscoviam, sunt ad-*



juncta Ad haec, non solum novae aliquot Tabulae, sed multa etiam alia nunc demum ab ipso auctore adjecta sunt: quae, si cui cum prima editione conferre libeat, facile apprehendet. Cum Caes. et Regiae Majest. gratia et privilegio ad decennium. Basileae. Per Joannem Oporinum s. a. (1556) fol.

ш. е.

Сигисмунда Барона Герберштейна записки о дѣлахъ Московскихъ содержащія: краткое описаніе Россіи и сполчнаго города Москвы, Хорографію всего Московскаго Государства, съ нѣкошорыми замѣчаніями о сопредѣльныхъ спранахъ; о вѣрѣ, въ чемъ она съ нашею (\*) сходствуешъ и въ чемъ не сходствуешъ; о приѣмѣ и содержаніи посланниковъ, съ присовокупленіемъ двухъ пупешесвій въ Москву. Къ сему изданію приложены не шолько новыя рисунки, но многое пополнено самимъ Авпоромъ, чшо удобно видѣль можно, сравнивъ съ первымъ изданіемъ. Напечашано въ листъ I. Оporиномъ въ Базель 1556 года. (205 стр. и 16 стр. оглавленія.)

---

(\*) Римско-Капюлицескою.

Сіе изданіе есть шрепіе; къ оному при-  
 совокуплены двѣ каршы Россіи, планъ города  
 Москвы и нѣскольکو рисунковъ, изъ коихъ 1й  
 изображаешъ Великаго Князя возсѣдящимъ,  
 2й шрехъ вооруженныхъ конныхъ воиновъ,  
 3й различные образы вѣды на саняхъ и одно-  
 го вооруженнаго воина на конѣ, съ на-  
 тянушымъ лукомъ, ведущаго осѣдланную  
 лошадь, 4й Россійскія оружія, сѣдла, сапоги и  
 проч.

Первое изданіе Герберштейновыхъ запи-  
 сокъ вышло въ Вѣнѣ въ 1549 году. Оно весь-  
 ма рѣдко и многимъ ученымъ во все не извѣ-  
 стно. Посвященіельный экземпляръ его нахо-  
 дится въ Вѣнской придворной Библиотекѣ.  
 При семъ изданіи находятся два рисунка,  
 изображающихъ Россійскія одежды. Вшорое  
 изданіе напечатано съ поправками въ Базель  
 въ 1551 году.

Въ послѣдствіи времени, вышло на Ла-  
 шинскомъ языкѣ до осьми другихъ изданій.  
 Изъ сихъ особенное вниманіе заслуживаешъ  
 Базельское напечатанное въ 1571 году въ  
 лиспѣ. Въ немъ кромѣ записокъ Герберштей-  
 на помѣщены: сочиненіе о Греческой вѣрѣ и  
 извѣстія о войнахъ Россіянъ съ сосѣдствен-  
 ными народами, какъ шо: Поляками, Липов-

цами, Шведами, Лифляндцами и другими. (Scriptum recens de Graecorum fide, quos in omnibus Moscorum natio sequitur: et Commentarius de Bellis Moscorum aduersus finitimos, Polonos, Lituanos, Suedos, Liuonios et alios gestis, ad annum usque LXXI, scriptus ab Joanne Leuvenclajo.)

Сии записки переведены были еще при жизни Авпора на Ипаліанскій языкъ, а въ 1786 году на Богемскій.

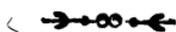
Первый Нѣмецкій переводъ сдѣланъ самимъ Сочинителемъ, при спароспи на 71 году жизни его и напечатанъ въ Вѣнѣ Михайломъ Циммерманомъ въ 1557 году. Онъ сходствуетъ съ Лапинскимъ подлинникомъ 1556 года и написанъ древнимъ Авспрійскимъ нарѣчіемъ, копорое понимаешь трудно. Къ оному приложена Карпа Россіи, наполненная означеніями городовъ, лѣсовъ и живописныхъ. Украшенія вмѣсто рамки на оной сдѣланныя, представляющъ вверху дорожные экипажи, въ коихъ Герберштейнъ ѣздилъ; по споронамъ изображены Россійскія оружія, внизу Великій Князь спящій и гербъ издапеля между буйволомъ и горбашымъ быкомъ. Сія карпа вырѣзана на деревѣ съ большимъ раченіемъ нежели въ Базельскихъ изда-

ніяхъ на Лаш. языкѣ.—Къ сему изданію кромѣ помянутыхъ при изданіи 1556 года рисунковъ приобщены: поршреть Герберштейна, шесть рисунковъ, (изъ коихъ при раскрашенъ), изображающихъ его въ праздничныхъ нарядахъ, жалованныхъ ему Великимъ Княземъ; одинъ рисунокъ представляеть его пупешествія и Государей, коихъ онъ видѣлъ, два рисунка изображають произшествія жизни его, имъ описанныя, а при послѣдніе—различные образы зимней ѣзды, оружія, сѣдла и шрехъ Рускихъ конныхъ воиновъ въ полномъ вооруженіи (\*).

Поршреть Герберштейна весьма хорошо вырѣзанъ на деревѣ въ 1457 году. Подъ нимъ внизу по Нѣмецки написано *Сигисмундъ*

---

(\*) Экземпляръ сего изданія сохранный во всей цѣлости находится въ Библиотекѣ Г. Государственнаго Канцлера Графа Н. П. Румянцова и содержишь кромѣ записокъ о Россіи, многія другія сочиненія Герберштейна. Судя по особливому шцанію, съ каковымъ оный пригошвленъ заключають, что онъ принадлежалъ самому сочинителю и назначень для храненія въ его фамиліи.



*Баронъ Герберштейна, Нейберга и Гутенеага;* а по Лашынѣ: мнѣ было тогда отъ роду шестьдесятъ первый годъ, когда сей образъ сходствоваѣ со мною. Рисунокъ съ сего поршрета приложенъ въ началѣ IV книжки. Сор. Просв.

Второй Нѣмецкій переводъ учиненъ Докторомъ Паншелеономъ и напечатанъ въ Базель въ 1563 году. Языкъ въ немъ чище и понятнѣе, нежели въ прежнемъ переводѣ. Сей переводъ напечатанъ шамъ же въ 1567 году и вторымъ изданіемъ безъ всякой перемѣны. Онъ замѣчашеленъ шѣмъ, что Императрица Екатерина II повелѣла перепечатать оный въ Санктпешербургѣ въ 1795. Въ томъ же 1567 году напечатанъ сей переводъ въ Прагѣ; потомъ въ 1576, 1579, 1589 во Франкфуртѣ на Майнѣ.

Герберштейнъ говоритъ, что до его времени кромѣ сочиненій *Кардинала Николая Кузана*. (умер. въ 1469), *Юанна Фабри* и *Антонія Вида* родомъ изъ Липвы, никакихъ извѣстій о Россіи не было. Прочіе писатели, какъ по: *Олавъ Готскій*, *Архіепископъ Упсальскій* (\*), *Матвей Мѣховскій*, *Каноникъ*

---

(\*). Въ исторіи Сѣверныхъ народовъ (*Historia de genibus septentrionalibus*):

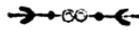
Краковскій бывший самъ въ Россіи (умер. 1532) (\*), *Албертъ Кампензскій*, Италіанецъ (1480) и *Севастіанъ Минстеръ* упоминающъ о Россіи только по случаю. Путешествія же *Мессера Юсафа Барбаро алла Тана* въ Крымъ (въ 1436-1452) и *М. Аверосія Контарини* Венеціанскаго посланника при Персидскомъ дворѣ въ 1483 — 1487 явились уже въ свѣтъ послѣ.

Нѣмецкій переводчикъ Герберштейновыхъ записокъ, изданныхъ въ 1565 году, показываетъ сколько чистосердечія и справедливости въ своей похвалѣ сему сочиненію, что мы почитаемъ приличнымъ помѣстить оную здѣсь точными его словами.

„Сочинитель сихъ записокъ, говоритъ „онъ, не простой человекъ, рассказывающій „изъ угожденія кому либо сіи повѣсти; но „мужъ просвѣщенный, украшенный заслугами, который отъ лица Римскаго Императора отправляемъ былъ нѣсколько разъ По „сломъ и былъ въ Москвѣ у Великаго Князя. „Находясь въ семъ Государствѣ онъ спарал „ся все узнать и все обозрѣть, а шеперь не

---

(\*) Въ описаніи Сармаціи (*Descriptio Sarmatarum. Cracoviae 1521*).



„смотря на глубокую старость, занимаетъ  
 „почетнѣйшія званія при дворѣ Австрій-  
 „скомъ. Съ какимъ раченіемъ изслѣдовалъ онъ  
 „имя Рускихъ и ихъ произхождение? Къ  
 „изобразилъ намъ съ такою точностію ихъ  
 „вѣру, обычаи и военный порядокъ? Не совер-  
 „шенно ли Географически описываетъ онъ  
 „всю Рускую землю и сопредѣльные спра-  
 „ны и народы? Съ какою вѣрностію означа-  
 „етъ онъ дороги изъ Германіи въ Польшу,  
 „Литву, Москву, даже до Тапаръ и приле-  
 „жащихъ къ нимъ земель. При всемъ томъ  
 „онъ съ такою скромностію поправляетъ  
 „ошибки прежнихъ писателей, описывав-  
 „шихъ тѣже страны. Все у него расположе-  
 „но и представлено такъ, что кажется Чи-  
 „тателю, будто онъ ѣздитъ съ нимъ самъ,  
 „видитъ все при Княжескомъ Дворѣ и опять  
 „возвращается съ нимъ въ Германію, а это  
 „весьма пріятно и занимательно.,,

Предложивъ кратко о изданіяхъ Герберш-  
 пейновыхъ записокъ о Россіи, сообщимъ те-  
 перь обзорнѣе ихъ содержанія, изливающего  
 свѣтъ на слѣдующіе предметы: Испорію,  
 древности, описаніе земли и ея произведеній,  
 вѣру, образъ правленія, военную силу, пор-  
 товою, домашнюю жизнь и увеселенія.

1. *Исторія.* Герберштейнъ проходитъ древнюю и новую Испорію Россійскаго Государства. Для первой служили ему источникомъ Рускія лѣтописи, изъ коихъ въ первой разѣ показались въ сочиненіи его выписки; для второй изустныя извѣстія образованныхъ чиновниковъ. О началѣ Россійскаго Государства повѣствуетъ онъ, какъ кажется, новымъ до того времени образомъ; о разпространеніи Славенскаго языка рассказываетъ всѣмъ нынѣ извѣстное; Варяговъ признаетъ Скандинавскаго происхожденія, однакожь выводитъ Рускихъ изъ за Дуная, говоря, что Василию Іоанновичу непротивно было, когда родъ его производили отъ Римлянъ (\*). Геройство Святослава изображено прекрасно и сильнымъ языкомъ. Въ новой Испоріи повѣствованія его дѣлаются тѣмъ плодотвор-

---

(\*) И такъ Шлецеръ (Несторъ Ч, I. стр. 280) напрасно обличаетъ Мишрополипа Макарія, сославившаго *Степенныя книги*, что онъ изъ лѣтписи къ Царю Іоанну Васильевичу вывелъ родъ его отъ побочной линіи Императора Августа. Онъ только положился на общее мнѣніе, которое уже прежде его было при дворѣ уважаемо.



пѣе, чѣмъ болѣе умножается источникъ и чѣмъ ближе она ко времени Герберштейна. Особенно же обилуетъ опличительными чертами царствованіе Іоанна III Васильевича (1462 по 1505) и не менѣе достопамятнаго сына его (1505 по 1534), о коихъ не только собрано имъ множество привлекательныхъ анекдотовъ, заимствованныхъ изъ домашней жизни; но описаны подробно сраженіе при Оршѣ, которое было весьма кровопролитно; покореніе Рязани (\*), Новгорода, Пскова, Казани, Смоленска и другихъ городовъ. Кромѣ Исторіи о Россіи повѣствуетъ онъ о послѣднихъ происшествіяхъ Казанскихъ; Нагай-

---

(\*) Рязанскій Князь Василій воспитывался въ Москвѣ. Іоаннъ могъ бы овладѣть его землею; но не хотѣлъ того и послалъ шестнадцатилѣтняго Василя господствовать въ Рязани, выдавъ за него меньшую сестру свою Анну въ 1464 году. Въ 1486 Рязанское Княжество сдѣлалось наследственнымъ между сыновьями Анны, съ коюрою онъ былъ во всегдашнемъ согласіи до самой кончины.—Карамз. Т. VI. стр. 7, 172, 260. И такъ во время Іоанна Васильевича Рязань покоряема не была.

скихъ, Завольскихъ и Аспраханскихъ Татаръ. Изъ сосѣдственныхъ странъ упоминается о Польшѣ, (которой границы простираются отъ Черкаска до Лифляндіи), Швеціи, Даніи и Венгріи.

2. *Древностей* касается онъ только мимоходомъ. Впрочемъ онъ занимается не одною Славенскою Мифологіею, но описываетъ древніе обычаи, наряды Великихъ Князей и придворныхъ, также посвященіе Князей.—На берегахъ Оби находить онъ *Золотую Бабусь* младенцемъ на рукѣ, обвѣшанную музыкальными инструментами, издающими прубный звукъ, приписывая сіе дѣйствию вѣтра (\*).

3. *Познаніе земли и ея произведеній* распространено единственно сочиненіемъ Герберштейна, описавшаго оную во всемъ ея пространствѣ. Доходившія прежде иногда къ ярочей части Европы о томъ свѣденія были недоспащочны и невѣрны. Карта его изображающая Россію есть древнѣйшая. Она издана въ 1549 году. Одна древность сія дѣлаетъ ее уже для насъ рѣдкостью, а потому она и приложена къ сей книжкѣ.

---

(\*) Она описана въ Исторіи Карамзина въ V. Т. на стр. 112.

Герберштейнъ упоминаеть о предѣлахъ и климатѣ, о господствующиыхъ болѣзняхъ онымъ причиняемыхъ, плодородіи земли и ея произведеніяхъ, какъ то: хлѣбъ, лѣсъ, плодахъ, мѣдъ и пр. сообщаетъ описаніе различныхъ областей, начиная съ Восточныхъ и проходя Южныя, Западныя и Сѣверныя; при семъ руководствуясь онъ частію собственными замѣчаніями, учиненными имъ на пуши изъ Смоленска въ Москву разными дорогами, частію изустными извѣстіями, болѣе же всего записками помянутыхъ Россійскихъ переводчиковъ, сосланныхъ во время ихъ путешествій. Онъ полагаетъ Москву въ Азій, считаетъ въ ней 41,500 домовъ и рассказываетъ о ея положеніи, зданіяхъ, церквахъ и другихъ достопамятностяхъ много занимательнаго. При описаніи городовъ Новгорода, Твери, Владиміра, Нижняго Новгорода, Рязани, Смоленска, Пскова, Перми, Астрахани и другихъ помѣщаетъ онъ древнѣйшія о нихъ извѣстія. Между прочимъ говоритъ онъ о *Холпьемъ городѣ* и *Ахастѣ*, кои нынѣ вовсе неизвѣстны. Въ первомъ собиралась значнѣйшая и многочисленнѣйшая во всемъ Государствѣ ярмонка. Положеніе его назначаетъ онъ при впаденіи рѣки Мологи въ Волгу въ двухъ

миляхъ отъ Углича (\*). Городъ *Ахасъ* полагаешъ онъ при устьѣ Дона выше Азова, гдѣ нынѣ находишся старый Черкасскъ. (\*\*) На древнихъ и новыхъ картахъ Россіи не видно никакихъ слѣдовъ его; даже на картѣ Герберштейна онъ не означенъ. Мѣстечко *Налий* бывшее древле слободою или предмѣстіемъ Москвы, имъ описываемое, неизвѣстно теперь даже и по имени. (\*\*\*)

Особенное вниманіе обращаетъ Герберштейнъ на рѣки, коихъ истокъ и впаденіе онъ тщательнѣе означаетъ, стараясь объяснить при томъ имена рѣкъ встрѣчающихся у Древнихъ. Онъ первый опровергъ несправедливое мнѣніе, копорому до того времени всѣ слѣдовали, а именно будщо Волга и Днѣпръ произ-

(\*) Сіе общошательство подало поводъ Г. Аделунгу заняться изслѣдованіемъ сего предмета, копорое составляетъ въ помянутой книгѣ его особливую главу. Она помѣщена въ *Сынѣ Отечества* издав. на сей годъ. No XIV. стр. 50-64.

(\*\*) Въ семъ городѣ шакже производилась богашая торговля. Говорили: „имѣй только огонь и соль; все прочее найдешъ въ Ахасѣ.“ Карамзина Исторія Т. VII. стр. 226.

(\*\*\*) У Карамзина называется оно *Наликалы*. Т. VII. стр. 206.

плакають изъ одного испочника и показалъ; что она впадаетъ не въ Поншъ, а въ Каспійское море. Полагаясь на свидѣтельство Пшоломея, думали также, что Донъ происходитъ въ Рифейскихъ горахъ; но Герберштейнъ доказываетъ, что сіи горы вовсе въ Россіи не находятся и что Донъ происходитъ въ Тульской области изъ большого озера именуемаго Ивановымъ, и пропечши 80 Нѣмецкихъ миль впадаетъ въ Азовское море. Далѣе переходя оны къ Березинѣ, уновая открывъ въ ней древній Борисеенъ; говоритъ объ Окѣ, Двинѣ, Печорѣ, Нѣменѣ, копорый по мнѣнію его у Пшоломея подъ именемъ Крона разумынъ должно и о другихъ; напоследокъ объ озерехъ Ладогѣ и Ильменѣ, опредѣляя положеніе всѣхъ сихъ водъ съ довольною точностію.

Онъ также какъ и въ Испоріи занимается сопредѣльными странами и сообщаетъ драгоценныя для вѣка своего свѣденія о Литвѣ, заимствованныя частію отъ Албрехша Гаспольда, Воеводы Виленскаго и Намѣстника Великаго Княжества Липовскаго; говоритъ о Татарехъ, а особливо *Нагайскихъ, Калмыкахъ, Козакахъ, Самоѣдахъ, Черемисахъ, Лопаряхъ* и пр. Но чѣмъ ошдаленнѣе описываемыя имъ

земли, тѣмъ болѣе встрѣчаешь погрѣшно-стей. Не смотря на то *Лербергъ* весьма сожалѣетъ, что Академики, путешествовавшіе въ прошедшемъ столѣтіи по Сибири, оставили извѣстія Герберштейна безъ вниманія. Къ обогащенію Естественной Исторіи могли способствовать въ то время описаніе лося, Лапландскаго оленя, моржа, буйвола и горбашаго быка, бывшаго тогда рѣдкостію. Различіе породы двухъ послѣднихъ живошныхъ, предложенное имъ съ большою увѣренностію, не долго однакожь было уважаемо.

4. *Вѣра*. Для изслѣдованія оной Герберштейнъ по повелѣнію Фердинанда I употребилъ всевозможное вниманіе. Извѣстія его касаются частію догматовъ Вѣры, частію Церковныхъ обрядовъ, а частію Духовенства и его состоянія. Къ первымъ относятся сказанное имъ о Вѣрѣ вообще, о крещеніи, исповѣди, причащеніи, постѣхъ, почитаніи Святыхъ угодниковъ, праздникахъ и молитвахъ. Къ сему можно причислить Папскую буллу Александра VI. (1501 года), кою объявляея, что Члены Греческой Церкви переходя въ Католическую религію не должны вторично креститься и—посланіе Іоанна Митрополи-



та къ Папѣ, въ которомъ онъ правилами седми Вселенскихъ Соборовъ доказываетъ, что Греческая Церковь соблюдаетъ уставы Христіанства съ большею точностію, нежели Римско-Католическая; но не смотря на то Католики почитаемые Россіянами за Христіанъ не признають ихъ Христіанами. Обряды Церковные наблюдалъ онъ во время одного Церковнаго торжества, при коемъ онъ лично съ позволенія Великаго Князя находился, что должно почестъ особеннымъ благоволеніемъ, и во время священнодѣйствія при бракосочетаніи. Описывая Духовенство, говоритъ о санахъ духовныхъ, одеждѣ, объ Епархіяхъ, о Митрополисахъ; при семъ рассказываетъ анекдотъ о приключеніи съ Митрополипомъ Варфоломеемъ за вольнодумство; о Архіепископахъ, Епископахъ, Архимандритахъ, Игуменахъ, о сословіи Монастырей, о духовныхъ правилахъ Митрополиша Іоанна, о вопросахъ нѣкоего Кирилла до Церковнаго ученія относящихся съ ошѣшми Новгородскаго Епископа Нифонша.

5. *Государственное благоустройство и образъ Правленія.* Въ запискахъ Герберштейна содержится множество замѣчаній касательно Государей, Царедворцевъ, также об-

щественнаго правосудія и пр. Онъ сообщаетъ краткое понятіе объ образѣ правленія и неограниченной власти Великаго Князя, помещаетъ полный титулъ его (\*); подробно описываетъ торжественные обряды бывшіе при вѣнчаніи на Царство Князя Димитрія Іоанновича, внука Іоанна Васильевича 4 Февраля 1497, заимствовавъ сіи свѣденія изъ одной рукописи, копорую досталъ онъ съ великимъ трудомъ; о жалованьи безпомѣстныхъ Чиновниковъ, изъ коихъ нѣкоторые получали въ годъ по шести златницъ (ауреос), выдаваемыхъ разомъ за при

---

(\*) О титулѣ Великихъ Князей въ Исторіи Карамзина Т. VI. стр. 332, и Т. VII. стр. 181.—Г. Аделунгъ относительно сего предмета составилъ особливую статью содержащуюся въ XIII дополненіи къ жизни Герберштейна, начавъ съ Великаго Князя Василія Іоанновича. Мы нешерпѣливо ожидаемъ появленія II Часни Собранія Государственныхъ Грамотъ и договоровъ, издаваемого попеніемъ Графа Н. П. Румянцова, дабы руководимые симъ свѣспильникомъ могли опредѣлить политическій опношенія Россіи къ другимъ Державамъ въ отдаленнѣйшія времена.

года, а другимъ назначено было по двенадцати  
злашницъ и сіи обязывались во всякое время  
быть въ гошповности съ лошадью на всякое  
дѣло. Вельможамъ, упопреляемымъ въ по-  
сольствахъ и другихъ важныхъ званіяхъ на-  
значаемы были помѣстья и воеводства, съ  
коихъ они плащили въ казну извѣстную по-  
дашь. Сею милостию пользовались они 18  
мѣсяцевъ, а ещѣли кто удостоивался осо-  
бенно благоволенія: то дѣлалась отсрочка  
еще на нѣсколько мѣсяцевъ. По прошествіи  
сего времени каждый изъ нихъ служилъ Ве-  
ликому Князю безъ всякой награды. О прие-  
мѣ иноспранныхъ пословъ и образѣ вести  
переговоры и заключать договоры повѣ-  
стнуешя проспранно.

Для исторіи Россійскаго законодашель-  
ства особенно достопамятны опрывки изъ  
законовъ Великаго Князя Іоанна Васильевича,  
кои тѣмъ болѣе безцѣнны для любителя отече-  
ственныхъ рѣдкостей, что объ нихъ не на-  
ходился нигдѣ удовлетворительнаго извѣ-  
стія (\*). Осужденные на смертную казнь

---

(\*) Въ 1498 году Іоаннъ издалъ собственное  
уложеіе, на коемъ основанъ извѣстный  
Судебникъ Царя Іоанна Васильевича. Важ-

по окончаніи пытки были вѣшаемы; исполненіе смертныхъ приговоровъ обыкновенно происходило зимою, поелику лѣшомъ Дворъ и вышіе чины обыкновенно были на войнѣ.

По мѣспамъ находяшся замѣчанія о сосполнѣніи крещьянъ, коимъ предоспавленъ былъ одинъ шолько день въ недѣлю для обрабошыванія ихъ поля; шакже о рабахъ приобрѣшаемыхъ покункою или на войнѣ.

6. *Военная сила.* Всѣ Боярскіе дѣши были въ гошповности предспаши на службу; каждые два или при года дѣлалась имъ перепись, дабы Великій Князь въ случаѣ нужды могъ шочно положишья на число ихъ.

---

нѣйшія спашьи Уложенія переведены Гербершпейномъ на Лашинской языкъ и находяшся въ описаніи Максимиліанова Посольства къ Великому Князю Василию. — Карамзинъ. Т. VI. стр. 335.—Недавно найдена въ Волоколамскомъ Монашпырѣ Московской Губерніи рукопись, содержащая Судебникъ Великаго Князя Іоанна Васильевича, кошорый вмѣстѣ съ Судебникомъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго иждивеніемъ Г. Государшвеннаго Канцлера Графа Н. П. Румянцова печашаелся въ Москвѣ.



Жалованье получали не всё и по непостоянно. Война продолжалась непрерывно и даже во время мира нужно было оставлять на границѣ по Днѣпру и Окѣ прошиву набѣговъ Крымскихъ Ташаръ до 20,000 человекъ охранительнаго войска. Предъ началомъ войны сзывали Бирючи въ назначенное мѣсто всѣхъ Бояръ, Дворянъ и Боярскихъ дѣшей, кои должны были собраться у своихъ военачальниковъ. Симвъ образомъ соспавлялась въ короткое время конница до 100,000 человекъ. До времени Василя Іоанновича огнестрѣльное оружіе было неизвѣстно (\*); шакже не было отдѣльной пѣхоты. И шю и другое

---

(\*) Изъ одной лѣтописи видно, что оно показало въ Россіи еще въ 1389 году; тогда изъ Нѣмецкой земли привезли къ намъ *арматы и стрѣльбу огненную*. При описаніи нашествія Ташаръ во время Василя Васильевича Темнаго въ 1451 году въ Исторіи шакже упоминается, что тогда пушки выспавлены были на спѣнахъ Московскихъ.—Карамзинъ Т. V. сп. 119 и 331. Павелъ Дебоисъ въ 1488 слилъ въ Москвѣ огромную Царь пушку.—Онъ же Т. VI. спр. 75. Слѣдовательно показаніе Герберштейна несправедливо.

ввелъ Великій Князь во время войны съ Царемъ Казанскимъ, упопреляя для образованія своей Аршиллеріи Нѣмецкихъ и Италіанскихъ лишейщиковъ. Во время Герберштейна пѣхотный корпусъ составлялъ 1500. человекъ и состоялъ изъ Липовцевъ и другихъ иностранныхъ. Русской служилъ въ конницѣ; лошади были малорослы, неподкованы, легко взнузданы и поворачивались не шпорами, а канчукомъ (\*). Солдаты приучались ко всѣмъ тягостямъ и переносилъ съ удивительною покорностію жесточайшее обращеніе. Каждому положено было имѣть мѣшокъ пологна, ошъ 8 до 10 фуншовъ вещицы, лукъ, соль и перецъ съ нужною посудою, что все возили на вьючной лошади. Оружіями были лукъ, стрѣлы, копья, сабли, кинжалы, сѣкира и бердыши; для огражденія шѣла надѣвали лапы, кольчуги и оспроконечный шлемъ. Войско обыкновенно шло прямою дорогою, отвращая безъ труда встрѣчающіяся препяшства; спать располагался на открытомъ мѣстѣ и ничемъ прикрытъ не былъ. Войско нападало быстро; однѣ только укрѣпленія его оспанавливали, коихъ осада всегда споила много времени и людей.

(\*) Плешью, *Канчукъ* слово Ташарское.

Къ сему можно причислить еще поединки, опкрываемые обыкновенно на копьяхъ, послѣ чего позволялось употреблять всѣ роды оружія, выключая лука и ружья. Василій Іоанновичъ поспановилъ, дабы ниодинъ Руской не выходилъ на поединокъ съ иностранцемъ.

7. *Торговля.* Свобода торговли во время пребыванія Герберштейна въ Россіи была весьма ограничена. Въ Москву на пр. позволялось привозить однимъ Липовскимъ и Польскимъ купцамъ, въ Новгородъ однимъ Шведскимъ, Лифляндскимъ и Нѣмецкимъ а въ Холоній городъ, кромѣ первыхъ Турецкимъ и Ташарскимъ. Оцъ сего угнѣпенія еспешвенно происходило, что во всякому иностранному послу, отправлявшемуся въ Россію, приставало множество купцовъ поѣже Державы, дабы подъ защипою его проѣхавъ въ Россію и провезши безъ пошлинъ въ Сподлицу шовары. Со всѣхъ шоваровъ какъ привозныхъ, такъ и опвозныхъ пошлина взимаема была по оцѣнкѣ съ рубля по семи денегъ. За воскъ назначено было кромѣ обыкновенной пошлины брашь по 4 деньги съ пуда. Привозные шовары соспоавшіе наиболѣе въ спипкахъ серебра, сукнахъ, шелкѣ, различныхъ

машеріяхъ, жемчугъ и драгоценныхъ камень-  
яхъ были сперва показываемы для оцѣнки  
пашоженнымъ приспавамъ, а потомъ предла-  
гаемы по назначенной ими цѣнѣ Великому  
Князю, до рѣшенія коего никто покупать  
оныхъ не осмѣливался. Опвозные товары  
состояли преимущественно въ мѣхахъ, вос-  
къ, хлѣбъ и моржовыхъ клыкахъ.

Цѣна хлѣба опредѣлена такъ: одна мѣра  
соотвѣтствующая Австрійскому Шефелю  
(modius) стоила въ Москвѣ 4, 5 и 6 денегъ, а  
во время бывшей дороговизны она возвыси-  
лась до 14 денегъ. Если примемъ въ сооб-  
раженіе, что поденщику платили тогда ошъ  
1½ до 2 денегъ: то кажется тогдашняя по-  
денная плата не соразмѣрна нынѣшней цѣнѣ  
хлѣба, и послѣднюю гораздо превосходитъ.

Доброша и цѣна мѣховъ, какъ то: собо-  
лей, куницъ, лисицъ, бобровъ, рысей также  
означена. За одинъ соболь платили ошъ 20  
до 30 червонцевъ. Всѣ лавки и въ то уже  
время помѣщались въ большомъ каменномъ  
спроеніи или госпинномъ дворѣ, гдѣ шелко-  
выя машеріи и пряныя зелья продавались де-  
шевлѣ нежели въ Германіи: поелику Рускіе  
купцы, при вымѣнѣ ихъ на мѣха, ставили  
послѣдніе высокою цѣною. Знацинѣйшими мѣ-

спами для складки поваровъ почитались Новгородъ и Холопій городъ, въ коемъ была богатѣйшая во всемъ Государствѣ ярмонка, и гдѣ важнѣйшій сходъ поваровъ производился почти одною мѣною, а не на деньги.

Монешное искусство во время Герберштейна было вообще въ Россіи весьма несовершенно. Древнѣйшія монеты, говорить оныя похожи были на небольшіе продолговатыя серебряныя кусочки, цѣною въ 1 рубль, но шаковыхъ въ его время уже не было (\*).

---

(\*) Таковъ рубль подаренъ Академіи наукъ однимъ Любиселемъ и Собирашелемъ Ошесшвенныхъ рѣдкосшей. Онъ есть кусокъ серебра длиною вершка въ полшора, полщиною въ персть, имѣющій на себѣ клейма съ надписью и изображеніемъ нѣкопрыхъ знаковъ. Серебро въ немъ самое чистое безъ всякой примѣси и содержитъ безъ мала  $\frac{24}{100}$  золотишка. Слово рубль произошло отъ того, что прутья серебра въсомъ въ 1 фунтъ, (что соспавляло древнюю гривну), рубили на чешыре равныхъ куска. У рубля одинъ конецъ дѣлался ширѣ и толще другаго, по чему раздѣля оный на двѣ части надлежало его *расположить* ш. е. разсѣчь вдоль на двѣ половины,

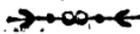
Золотыя вовсе не показывались. Единствен-  
ная серебряная монета бившая въ Россіи на-  
зывалась деньгою (\*). Онѣ были Московскія,  
Новгородскія, Тверскія и Псковскія съ раз-  
ными изображеніями. На послѣднихъ изобра-  
жалась бычачья голова въ коронѣ (\*\*). Неболѣе  
еще сшо лѣтъ какъ начали чеканишь монету  
(\*\*\*), которую прежде имѣлъ право бишь всякой

а опсего произошло слово *полтина*. Прим-  
къ Правдѣ Русской издан. Любичелями  
Ошеч. Испор. въ М. 1799 подѣ словомъ  
*ерисна*.

(\*) Въ Бухаріи и Капчакѣ имѣли собствен-  
ную серебряную и мѣдную монету: пер-  
вая называлась *тангою*, вторая *пулою*.  
Россіяне симъ именемъ назвали и свою  
ш. е. серебрянную *денгами*, а мѣдную *пула-  
ми*. Послѣднія уже ходилили и при опцѣ  
Донскаго; а древнѣйшія изъ серебрянныхъ  
до нынѣ намъ извѣстныхъ бишы въ кня-  
женіе Димитрія вѣсомъ  $\frac{1}{4}$  золот. съ изо-  
браженіемъ всадника. Карам. Т. V. стр.  
117.

(\*\*) Карамзинъ говоришь поже: на Псковскихъ  
*быкъ объ стѣнцѣ*. Т. V. стр. 202.

(\*\*\*) Испорія предспавляетъ намъ однакожь  
слѣды, что монеты начали чеканишь въ  
Россіи еще въ XI столѣтіи, во время Ве-  
ликаго Князя Ярослава. Карамзинъ въ 56



серебряникъ (денежникъ), наблюдая шолько вѣсь мешала. Обманы случались рѣдко и не подвергались спрогому, взысканію. Копейки еще были неизвѣспны. Шестъ денегъ соспавляли алпынь, двадцашъ гривну, а спо равнялись Венгерскому червонцу; двѣспи денегъ соспавляли рубль. Въ Московской серебрянной деньгѣ считалось 60 пуль (\*). Вмѣспо десяшковъ со-

примѣчаніа ко Впорому Тому Испоріа своей описываетъ серебрянную монешу видѣнную имъ въ кабинетѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина, на коей съ одной спороны предспавленъ Св. Георгій съ вѣнцемъ на главѣ, а на другой споронѣ написано вокругъ: *Ярославе сребро*. Въ срединѣ надписи знакъ подобный презубцу; на бокахъ при буквы М. А. И. Карамзинъ думаетъ, что сіа буквы Греческіа, а не Русскія и означаюшъ: *Μεγαλὸν Ἀρχόντος νόμισμα* ш. е. Великаго Князя монеша. Визанпійцы дѣйствительно именовали нашихъ Князей Архонпами (*Memoriae populorum ad Danub. part. II 976*) Можешъ бышъ, присовокупляешъ онъ, Ярославъ хопѣль первый имѣшъ серебрянныа деньги въ Россіа, и велѣль художнику Визанпійскому сдѣлашъ въ Кіевѣ нѣсколькo монешъ для опыша.

(\*) Сіе имя сохранилось въ названіи полушки.—  
Изъ фунша серебра дѣлали прежде *платѣ*

иень считъ мели по сороку, девяносто и тысячи; при чемъ Герберштейнъ замѣчаетъ что слово *сорокъ* и *тысяча* совсѣмъ не Рускаго произхожденія (\*).

Обыкновенные проценши плащались тогда со ста по двадцати; однѣ только церкви довольствовались десятью проценшами съ отдаваемыхъ въ заемъ денегъ.

Дороги были большею частію въ хорошемъ состояніи, кромѣ областей поспрадавшихъ въ послѣднюю войну. Почты были исправны; но назначены только для проѣзжающихъ по повелѣнію Великаго Князя, или по казенной надобности. Лошадей брать можно было сколько угодно; поелику вездѣ было ихъ больше, нежели нужно. За спанцію отъ 20

*рублей и двѣ гривны*, но когда спали изъ корыстолюбія обрѣзывать и переливать деньги шакъ, что изъ фунца серебра выходило уже десяць рублей: но Елена указала (въ 1538) перелить ихъ и чеканишь изъ фунца *шестъ рублей* безъ всякаго примѣса. Карамз. Т. VIII. стр. 42.

(\*) Первое сходствуетъ съ Греческимъ *τεσσαράκοντα*, означающимъ шоже *сорокъ*, а послѣднее съ прослонароднымъ Латинскимъ *des-cent*, ш. е. *decies centum* тысяча и Германскимъ *Zausend*.

Ч. II. Кн. 2.

17

до 25 верстъ плашили за лошадь по 6 денегъ. Герберштейнъ съ величайшимъ удивленіемъ рассказываетъ, что одинъ изъ его людей приѣхалъ изъ Новгорода въ Москву разсвояніемъ по погдашней дорогѣ на 120 Нѣмецкихъ миль на малыхъ незавидныхъ лошадяхъ въ 72 часа.

8. *Домашняя жизнь* Россіянъ послѣ наблюденій сдѣланныхъ Герберштейномъ въ другихъ его путешествіяхъ безъ сомнѣнія представляла ему много разительнаго. Наиболѣе удивлялся онъ гостепріимству, сей и до нынѣ въ Рускомъ народѣ неослабно сохранившейся добродѣтели, о коей въ сочиненіи его написана цѣлая глава, хотя сія добродѣтель и въ прочей части Европы уважалась. Онъ описываетъ подробно угощенія, разположеніе и украшеніе комнастъ; одежду, копорая какъ у дворянъ такъ и у проспаго народа сходствовала съ Венгерскою и опъ нынѣшней совершенно была различна; говоритъ о неприкосновенности бороды, о кушаньяхъ, баняхъ, опцовской власпи, о строгомъ содержаніи женщинъ и предразсудкахъ, прошиву нихъ существовавшихъ.

Дабы показашъ какъ одѣвались погда знатнѣйшіе Бояре и Царедворцы опишемъ по

словамъ Герберштейна одежду; пожалованную ему Великимъ Княземъ. Она состояла въ собольей шубѣ; шапкѣ и сапогахъ. Соболья шуба съ широкими рукавами и большимъ собольимъ воронникомъ; покрывала золотую парчею, украшенною голубыми цвѣтами зашегивалась сверху до середины драгоценными пуговицами; круглая бѣлая шапка опущена соболемъ и обшита краснымъ сукномъ; красные сапоги вышиты золотомъ и унизаны на носкахъ и запяткахъ драгоценными камнями и жемчугомъ. Въ такомъ нарядѣ предсказывался Герберштейнъ Великому Князю предъ отъѣздомъ своимъ изъ Москвы и оставилъ изображение онаго, вырѣзанное на деревѣ въ 1526 году. Рисунокъ сего наряда здѣсь помещаемый, надѣемся доставить удовольствіе любителямъ опечесивенныхъ древностей. Надпись означаетъ: *С. Баронъ Герберштейнъ въ Московскомъ жалованномъ нарядѣ.*

9. *Забавы и народныя увеселенія.* Забавы Двора и вельможъ составляли тогда охота и пиршества. Онъ описываетъ обстоятельно Княжескій споль и охоту, къ коимъ онъ былъ приглашаемъ. Въ народныхъ увеселеніяхъ много нашелъ онъ новаго и необычайнаго; онъ вѣрно изображаетъ игры, пляски, пѣсни, ка-



чели, музыкальные инструменты и ш. п. не упуская случая къ описанію кулачныхъ боевъ и всеобщей склонности къ вину.

Г. Аделунгъ заключаая сіе обозрѣніе говоритъ: изобразивъ Герберштейна онъ желалъ возбудить соревнованіе любителей опечесвленной Исторіи къ археологическому объясненію его записокъ и криптическому изслѣдованію его повѣствованій (\*). Но при всемъ

(\*) Криптическое очищеніе писочниковъ, приобрѣтеніе *Исторіи Россійскаго Государства*, появленіе безцѣнныхъ рукописей, издаваемыхъ внутри и внѣ Россіи иждивеніемъ Г. Государственнаго Канцлера Графа Н. П. Румянцева, въ числѣ коихъ упомянутъ должно выходящія въ Парижѣ лѣтписани двухъ Византійскихъ Историковъ, служившихъ руководителями Неспору, (которыхъ быліе предъзнаваль Шлецеръ въ своемъ Неспорѣ Ч. I. стр. 15) и собраніе актовъ на Лат. Итал. и Польск. языкъ, относящихся къ Р. Истории XI—XVII вѣка— не шокмо даешъ нынѣ возможность пользоваться древнѣйшими извѣстіями о нашемъ опечесствѣ; но и привеспи въ исполненіе всѣ желанія покойнаго Шлецера. —Собраніе актовъ принадлежишь Г-ну Д. Сп. Совѣш. А. И.

убѣжденіи нашемъ въ важности сихъ занятій мы до сихъ поръ не можемъ ожидать послѣдствій сихъ просвѣщенныхъ внушеній, пока благодѣтельная рука не распространитъ среди насъ извѣстій, въ древнѣйшихъ путешествіяхъ по Россіи содержащихся.

Осрается наконецъ упомянуть о невѣроятностяхъ, встрѣчающихся въ сочиненіи Герберштейна, произшедшихъ отъ народнаго мнѣнія и заблужденій вѣка, вліянію коихъ подвержены были самые классическіе писатели, какъ скоро любопытство ихъ проспиралось далѣе извѣстныхъ предѣловъ.

Невѣроятностей у Герберштейна впрочемъ весьма не много. Къ онымъ принадлежитъ мнѣніе, что Ташары доставъ хорошую добычу спящъ три и чешыре дня не пробуж-

Тургеневу. Оно составляетъ цѣлую книгу въ лиспъ и имѣетъ слѣдующее заглавіе: *Extraits de la Bibliothèque du Vatican, contenant les manuscrits qui regardent l'histoire de Russie depuis l'an 1075 jusqu'à l'an 1672, tirés en 1790 pour le Roi de Pologne par Mr. l'Abbé Albertandi, aujourd'hui Evêque de Posen et de Varsovie, écrits de sa propre main. Varsovie 1793.*

дадсь и тогда проходящіе Русскіе, или Литовцы ихъ умерщвляютъ. — Въ Самогиціи во всякомъ семействѣ бывають карлы. — На рѣкѣ Тахминѣ естъ рыбы, употребляемыя въ пищу, похожіе на челоуѣка, коимъ не достаесть шолько голоса. — На рѣкѣ Оби находящъ черныхъ людей, другихъ съ собачьею головою покрытыхъ шерстью, или съ челоуѣческимъ лицемъ на груди. — Левкоморы ежегодно умирають въ день Св. Георгія 26 Ноября и оживають 24 Апрѣля. Но прежде того складываютъ они въ одно мѣсто свои шовары, кои сосѣди ихъ Груспинцы и Серпоновуцы, нашедши, оставляютъ въ замѣнъ собспвенныя произведенія по вольной цѣнѣ. Сей спранный поргъ по пробужденіи Левкоморовъ обыкновенно доводилъ ихъ съ покупателями до кровопролитныхъ дракъ. Сюда же причислитъ должно описаніе распительной овцы, звѣрей перемѣняющихъ цвѣтъ своей шерсти, какъ скоро они привезены въ *Вотскѣ* (\*); ужасныя видѣнія въ лѣсахъ Самогипскихъ и проч.

Карамзинъ начерпавъ четвертую главу VII. Тома Исторіи своей, основываясь почти на однихъ извѣстіяхъ Герберштейна, даесть за-

---

(\*) Вотская пашина въ Новгородской обласши  
 Геогр. Словарь Р. Г. Ч. I. стр. 1991.

мѣшпшь, что подобныя невѣроятности разглашаемы были самими Московскими жителями и оканчивается сей помѣ сими словами:

„Вообще Герберштейново описаніе Россіи „есть важное швореніе для нашей Исторіи „XVI вѣка, хотя и содержишь въ себѣ нѣ „которыя ошибки.”

*Иванъ Лобойковъ.*





---

## ИЗВѢЩЕНІЯ.

### I.

Общество на основаніи § 119 первой части Устава своего, имѣло въ 20 день сего Маія Публичное Собраніе. Въ семь засѣданіи чипаны были:

*Въ прозѣ:*

Поляки въ 1812 году. Соч. **Ө. Ө. Папковича.**

Игорь. V Славянскій вечерь. соч. **В. Т. Н . . . . го.**

Два опвѣща. Народный расказъ. соч. **В. С. Алферьева.**

*Въ стихахъ:*

Гимнь Величію и Всемогуществу Божію.  
Соч. **Ө. Н. Глинки.**

На случай рожденія ЕГО ИМПЕРАТОР-  
СКАГО ВЫСОЧЕСТВА Великаго



КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕ-  
ВИЧА. Соч. Графа Д. И. Хвостова.

Буря. Идилія. Подраж. Геснеру В. К.  
Бриммера.

Блескъ очей. Соч. Э. Н. Глинки.

Рыбакъ. Съ Нѣмец. П. Н. Лобойкова.

Равнодушіе. (Изъ Метастазія.) Пер. А.  
А. Н. . . . а.

Басня, Философъ и Медвѣдь. Соч. Ал.  
К. Дуроца.



НВ. Спихотвореніе Рыбакъ и басня  
Философъ и Медвѣдь помѣщены въ  
сей книжкѣ.

## II.

На основаніи второй части Устава,  
Общество приступило уже къ исполне-  
нію цѣли своей. — Изъ пожертвованной  
на благошвореніе суммы и изъ собствен-  
ной кассы своей, оно сдѣлало слѣдующія  
дѣла собія:

Выдано Г. Коллежскому Ассесору  
В. Т. Н. . . . . му за представленное  
имъ сочиненіе: - - - - - 300 р.

Находящемуся въ несчастномъ поло-  
женіи чиновнику, объ имени котораго  
Общество долгомъ поставило умолчать,  
дабы не оскорбить его честолюбія, пре-  
проводило - - - - - 200 р.

Внесено въ здѣшнее Покровское  
училище на сей 1818 годъ, за двухъ сы-  
новей здѣшняго Мѣщанина Павлова - 10 р.

Родители сихъ дѣтей по бѣдности  
своей, не имѣя возможности внести оз-  
наченной суммы, принуждены были взять  
ихъ изъ училища.

Вошь новый случай Почтеннѣйшимъ  
Сообщественникамъ къ благошворенію!—

### III:

Общество долгомъ поставляетъ за  
пожертвованныя для Библіотеки онаго,



книги и медали изъявиль истинную благодарносшь свою слѣдующимъ лицамъ:

Его Сіяшельсшву Графу П. К. Разумовскому. Г-г. Ульянову и Севергину. Ф. И. Корбелецкому. В. Г. Анастасевичу. П. И. Медеру, П. А. Межакову, В. И. Панаеву. Б. М. Федорову. И. Н. Вольгемуту. Т. С. Крылову. С. И. Колядину. В. Г. Масловичу и А. П. Грачеву.

#### IV.

Общество просить Чипашелей своихъ обратишь вниманіе на бѣдное семейство, о кошоромъ получило оно слѣдующее извѣщеніе:

Пріяшно слушаешь, что въ Опечесствѣ нашемъ посшепенно заботаешя о ближнихъ. Кто изъ вѣрныхъ друзей челоувѣчсшва не восхишишя новыми Государспвенными и часшными учрежденіями, кошорыхъ пошпановленія дышущъ милосердіемъ, челоувѣколюбіемъ и всѣми

Христiанскими добродѣтелями? Кшо не порадуешся, видя быспрое спремленiе къ облегченiю учаспи несчастныхъ и къ примиренiю ихъ съ судьбою?

Имѣвъ случай чипать Высочайше ушвержденный Успавъ вашего Общеспва и видя изъ онаго, чшо Сословіе сіе подѣ скромнымъ названiемъ, сокрывая благодѣтельную цѣль пособiя неимущимъ ученымъ, вдовамъ ихъ, воспитанiя оспавшихся послѣ ихъ сиротъ, посѣщенiя спраждущихъ въ болѣзни и наконецъ погребенiя умершихъ въ бѣдности, жершвуешъ всѣми выгодами ошъ изданiя шрудовъ своихъ для сей цѣли. Я порадовался душевно, чшо лучъ добродѣтели и истиннаго свѣта сіяешъ съ большею силою въ любезнѣйшемъ опечеспвѣ нашемъ, изникая, шакъ сказашь, изъ развалинь весей и градовъ, разрушенныхъ не исповою рукою враговъ всего високаго всего добродѣтельнаго.



Пользуясь симъ случаемъ, я обращаюсь къ вамъ, Милоспивые Государи, съ покорнѣйшею прозьбою.

Въ Петербургѣ живеть одинъ добрый отецъ, многочисленнаго семейства. Онъ есть Коллежскій Совѣтникъ И. А. С. . . . . й, служившій усердно и честно болѣе 30 лѣтъ во многихъ Государственныхъ воспитательныхъ завѣденіяхъ училищемъ. Бѣдность состоянія его увеличивалась вмѣстѣ съ умноженіемъ семейства, и на послѣдокъ, потерявъ зрѣніе онъ впалъ въ совершенное убожество. — Одинъ добродѣтельный медикъ взялся снять катаракты съ глазъ его, но несчастный С. . . . . й не можетъ на сіе рѣшиться, спрашась ужаснѣйшаго положенія, въ которое операція сія не минуетъ ввергнуть все его семейство. — Ежели' благодѣтельное пособіе ваще и соопечественниковъ обезпечить содержаніе его на нѣсколько мѣсяцовъ, въ ко-

порые долженъ не выходить изъ своего жилища, но онъ предприметь операцію.

Усердно прошу васъ, Милосивые Государи, помѣстить письмо сіе въ издаваемомъ вами журналѣ. Добродѣтельные Чипашели, безъ сомнѣнія помогутъ злополучному старцу, живущему Васильевскаго Острова во 2 краршалѣ въ домѣ подъ No.

*При сей книжки приложено изображеніе Герберштейна въ одѣяніи, подаренномъ ему Царемъ Василіемъ Іоанновителѣмъ, и карта Россіи изображенная потеркомъ XVI столѣтія.*

1910

Washington

Department of the Interior

UNITED STATES

DEPARTMENT OF THE INTERIOR

BUREAU OF LAND MANAGEMENT

WASHINGTON, D. C.





Грѣръ М. П. Шуваловъ



# П Р О З А.



## ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗСУЖДЕНІЕ, О ПОСТЕПЕННОМЪ ХОДѢ ВООБЩЕ СЛОВО- ВЕСНОСТИ И ВИТІЙСТВА, ВЪ СОБ- СТВЕННОМЪ СМЫСЛѢ ВЗЯТАГО.

(Окончаніе.)

---

До времянь Константина Великаго Христіанство боролось съ Кесарями и водружало крестъ свой на развалинахъ идолопоклонства. Сей Государь, рѣшивъ жребій перваго и низложивъ послѣднее, рѣшилъ судьбу вселенныя и произвелъ чрезвычайный переворотъ въ мысляхъ, нравахъ, пошановленіяхъ; явился новый порядокъ вещей, новая столица, новая полишика, новая религія. Воспокъ про-  
суждается ошь долговременной дремошы;

Ч. II. Кн. 3.

18

возкресають просвѣщеніе, вкусъ, свобода, право орашоровъ говоривъ въ судилищахъ и на площадяхъ собравшемуся народу переходивъ къ служителямъ свяшаго олшаря, и благочестивыя ихъ разсужденія заспувають мѣсто полишическихъ. Являюшся на воспокѣ знаменишыя Церкви орашоры и проповѣдники: Василій Великій, Григорій Назіанзинъ, Іоаннъ Злапоустъ; на Западѣ Амвросій, Авгуспинъ и другіе, кошорые проповѣдывали примиреніе неба съ землею, Ходашая Бога и челоуковъ, швердое упованіе на заслуги Искупишеля, будущую жизнь, спрашный судъ, правосудіе Божіе и проч. Сіи орашоры, говорившіе во имя Бога, по необходимости долженспвовали имѣть израженія величеспвенныя. Благотоговѣйныя мысли и упражненіе въ Св. книгахъ, сообщали имъ оборопы смѣлые, доказательспва сильныя, убѣжденія непреоборимыя.

При послѣднихъ преемникахъ Констанцинова пресподла Римская Имперія,

а вмѣстѣ съ нею ученость и краснорѣчіе клонились къ совершенному упадку. Въ Византіи въ сіе время по большой части спорили, писали объ ересьяхъ и поражали другъ друга анаеемами.

По нашествіи варваровъ Римская Имперія низринулась въ пропасть и едва вовсе не исчезла. — Солнце древняго Рима закапилось; и долгое время не освѣщало его развалины. — Невѣжество, вмѣстѣ съ грубостію и рабствомъ, своими вѣрными сопушниками, подобно быспрому водѣ пошоку, въ скоромъ времени вшорично наводнили міръ.

Въ шестомъ вѣкѣ производящъ однѣ распри и домогательства народовъ о присвоеніи себѣ права владычествовашъ надъ вселенною. Бездна переворошовъ поглощаетъ царства. Повсемственные споры и лжеудрованія порождаютъ вражды; вражды производящъ безпорядки. Чѣмъ болѣе изшощались въ пронырствахъ и словахъ, шѣмъ менѣ добродѣтель и Словесность имѣли силы и дѣйствія.



Государи и цѣлые народы были упоены набожнымъ изспуленіемъ. — Различныя споры о вѣрѣ шолько раздирали сердце Церкви. Всѣ памятники величія и славы исчезли. Перебѣшивающія поколѣнія земнородныхъ; наводняющія обласпи; спрашныя Готы водружаютъ свои знамена на развалинахъ пресполовъ. Повсюду распространилось невѣжесво, умы омрачавшее.

Въ седмомъ вѣкѣ господствуютъ тѣ же слабости, но же невѣжесво среди дворовъ и народовъ, какъ вдругъ возсѣаетъ нѣкто уроженецъ города Мекки, Ажепророкъ Магометь, человекъ хитрый и воинственнѣйшій, наконецъ вмѣстѣ Царь и Первосвященникъ. Его подвиги, его дарованія привели къ нему въ послушаніе всѣ Аравійскія племена. Въ слѣдъ за успѣхами его оружія повсюду быспроспемились умоизспуленіе и изувѣріе. Подобныя ему преемники, были бичи просвѣщенія и всего изящнаго. Извѣстнѣйшій опвѣпъ, сдѣланный Омаромъ Амру,

завоевателю Александрии, доказываешь очень ясно, до какой степени проспиралось невѣжество.

Въ осьмомъ вѣкѣ всѣ почти Европейцы безъ ученія и наукъ, безъ политики и правилъ. При концѣ онаго Карль Великій, ирой и чудо своего вѣка, началъ было вводить науки и поправлять разспроенныя предшественниками дѣла; но по кончинѣ его опять все погрузилось въ бездну безпорядковъ. Мы видимъ только какъ дѣйствуютъ, повелѣваютъ; но не убѣждаютъ.

Въ девятомъ вѣкѣ появляются нѣкоторыя слѣды Философiи; но не встрѣчается ни одного памятника Словесности и добраго вкуса: расколы, пороки, сходаспическія бредни, бѣдствія, опустошенія, междоусобныя войны все подавили изящное.

Въ десятомъ, одиннадцатомъ и двенадцатомъ вѣкахъ въ Христіанской Европѣ, исключая Славено-Россiянъ, происходили только раздоры, борьба духо-

венства со свѣтскою властію, Святыя походы на Воспокъ и проч. Умы не имѣли другихъ поревнованій; прекраснѣйшіе образцы оставались въ небреженіи, все принимало на себя видъ гошическій, все приходило въ онѣмніе. Кажется, что въ сіе время изящныя науки совершенно угасали, подобно заходящему солнцу.

Наконецъ мрачная ночь, покрывавшая Европу мало по малу исчезала; — и заря просвѣщенія снова появилась на небосклонѣ Италіи.

Въ продолженіи столь долгаго времени (болѣе 1000 лѣтъ) Европа погружена была въ совершенное варварство. Языки составляли спранныю смѣсь многихъ испорченныхъ нарѣчій безъ пріятности, безъ вкуса. Всѣ занятія ограничивались однѣми только механическими издѣліями.

Подъ конецъ принадлежаго и въ продолженіи чешырнадашаго вѣковъ наспушило возрожденіе наукъ и художествъ.

Италія была пою счастливою спраною, гдѣ шѣ и другія начали оказывать успѣхи довольно ощушительные. Тамъ первые созрѣли плоды стихотворной Словесности. Впрочемъ у насъ нѣтъ ни одного образцоваго памятника вишійсваго времени. Сей недоспапокъ, какъ думать надобно, произошелъ отъ того, что въ эпоху возрожденія наукъ одна нравственна любовь сосставляла главный предметъ сочиненій, — душу одной Поэзіи.

Въ пашнадцатомъ вѣкѣ снова огонь возгорѣлся; возсіялъ свѣтъ наукъ. Сначала умы съ жадностію успремилсь къ чтенію древнихъ писателей, пренесенныхъ изъ Конспаншинополя. Исторія и мертвые языки сосставляли единственнй предметъ ученія. Пошомъ воображеніе, увлекаемое красопами древнихъ стихотворцевъ и вишій, воспріяло свое дѣйствіе; и человѣческій разумъ, проснувшись отъ глубокаго своего усыпленія, продолжавшагося нѣсколько вѣковъ,

явилъ въ послѣдствіи чудесныя и исполнинскіе успѣхи.

Доспойные по всѣмъ отношеніямъ образцы совершеннаго вишійства новѣйшихъ временъ появились прежде всего во Франціи, потомъ въ Германіи и Англии.

Вѣкъ Людовика XIV останется знаменитымъ во Французской Исторіи, равно какъ вѣкъ Медичисовъ въ Италіи, вѣкъ Карла V въ Гишпаніи, Фридерика II въ Германіи, Карла I въ Англии.

Въ Россіи краснорѣчіе; а особливо духовное, появилось въ Царствованіе **ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ПЕРВАГО**. Многіе опыты краснорѣчія нашихъ духовныхъ вишій и другихъ ученыхъ мужей того и послѣдующаго за нѣмъ времени, не уступаютъ въ силѣ и красотахъ древнимъ орапорскимъ произведеніямъ.

Въ осьмнадцатомъ и девятнадцатомъ вѣкахъ кафедра Греко-Россійской Церкви особенно украшалась и украшается

знаменистыми проповѣдниками. Каѳедра Россійской Академіи, Университетовъ и другихъ Академій, также ежегодно обогащается образцовыми, краснорѣчивыми произведеніями. Скоро наступитъ время, что народы Сѣвера, попомки издревле пресловурыхъ Славянъ, воспоржесшвовавъ надъ Южными славою своего оружія и побѣдъ, не укоснятъ раздѣлитъ съ ними славу Просвѣщенія и Краснорѣчія. Замѣчено, что науки переселяются, подобно переселеніямъ народовъ, изъ области въ область, изъ одной стороны въ другую.

Д. — В.



## I.

*О сравнительной высотѣ Осташкова  
и Астрахани или объ отвѣсной вы-  
сотѣ Волги.*

---

Досель мы не имѣемъ еще достовѣрныхъ и удовлетворительныхъ свѣденій о предметахъ, подлежащихъ здѣсь нашему изслѣдованію. Все, что извѣстно намъ о высотѣ Астрахани и Каспійскаго моря, равно какъ и объ отвѣсной высотѣ Волги, основано на однѣхъ только догадкахъ.

Нѣкоторые полагають паденіе Волги на каждую версту отъ 6 до 8 дюймовъ, и считая отъ Осташкова до Астрахани 4000 верстъ, утверждаютъ, что Астрахань лежитъ болѣе 2000 футовъ ниже Осташкова\*). Другіе принимаютъ, что

---

\*) Есть даже землеописатели, которые полагають, что Волга имѣетъ слишкомъ версту отвѣсной высоты надъ поверхностію Каспійскаго моря. См. на пр. Новѣйшую Географію Россійской Имперіи. Москва 1810 года, Ч. I, стр. 29.

высота Волховскаго лѣса надъ поверхностью морскою составляетъ до 3000 футовъ. Иные же думаютъ, что Алаунскіе (Валдайскіе) горы, гдѣ находятся источники Волги, равняются высокою горамъ Карпатскимъ, и съ оными составляютъ непрерывную цѣпь. — Относительно поверхности воды Каспійскаго озера, одни утверждаютъ, что она ниже, а другіе полагаютъ ее выше поверхности Средиземнаго моря.

Справедливость или неосновательность сихъ предложеній извлечь должно изъ наблюдений, дѣланныхъ надъ барометромъ въ Осташковѣ, Аспрахани и нѣкопорыкѣ другихъ мѣстахъ.

Корреспондентъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ Г. Лохпинъ сообщилъ оной наблюденія свои, съ величайшею точностію нѣсколько лѣтъ сряду въ Аспрахани производимыя. Въ слѣдующей таблицѣ показаны въ особенности среднія числа, выведенныя изъ наблюдений, дѣланныхъ прежде въ день съ 1805

по 1811 годъ непрерывно, и означено бывшее въ печеніи сего времени бреднее стояніе, барометра и термометра.

Не излишнимъ счишаю замѣпить здѣсь какія физическія орудія употреблены были при сихъ наблюденіяхъ. На барометръ Г. Лохшина означена Англійская мѣра, при чемъ дюймъ раздѣленъ на десятыя и сошыя доли; точность же онаго изслѣдована и одобрена Г. Академикомъ Вишневымъ по сличеніямъ съ его собственнымъ, успроеннымъ по моему предложенію \*). Термометръ же былъ Реомюровъ,

---

\*) Предложеніе сіе сдѣлано въ сочиненіи: Das Reise-Barometer des Dr. L. Vanöner. St. Petersburg. 1808. 26 Seiten in 8. mit einer Kupfertafel. Переводъ помѣщенъ въ Цвѣшникѣ, издаванномъ въ С. Пешербургѣ Гг. Дзмайловымъ и Никольскимъ, 1810 года, часть VII, стр. 60 - 91.

| Годы.                                                                                                   | Число наблюдений дѣланныхъ въ печеніи года. | Среднее стояніе барометра | Среднее стояніе термометр. |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------|---------------------------------------------|---------------------------|----------------------------|
| 1805                                                                                                    | 1095                                        | 30." 151942               | +8."491083                 |
| 1806                                                                                                    | 1095                                        | — 179508                  | + 8.566725                 |
| 1807                                                                                                    | 1095                                        | — 214492                  | + 8.303108                 |
| 1808                                                                                                    | 1098                                        | — 247742                  | + 7.784708                 |
| 1809                                                                                                    | 1095                                        | — 291983                  | + 6.590300                 |
| 1810                                                                                                    | 1095                                        | — 265358                  | + 6.759275                 |
| 1811                                                                                                    | 1095                                        | — 313075                  | + 6.825183                 |
| Слѣдовательно по 7668 наблюденіямъ, дѣланнымъ въ Аспрахани въ печеніи сихъ 7 лѣтъ, среднее стояніе есць |                                             | 30." 237729               | + 7."588626                |

Сии 30."237729 Англійской мѣры, приведены будучи въ мѣру Французскую составляютъ 28."4."466.

Основываясь на семь, можно опредѣлить высоту положенія Аспрахани относительно горизонша (поверхности) какого либо моря, надъ коимъ въ печеніи многихъ лѣтъ дѣланы были наблюденія

посредствомъ барометра. Неоднократные же опыты, въ разныхъ мѣстахъ произведенные, показали, что самая поверхность моря бываетъ и должна быть различна; а именно: отъ 28.<sup>''</sup> до 28.<sup>''</sup> 5.<sup>'''</sup> Франц. мѣры.

Есѣли по примѣру Г. Линдена \*) (коимъ я руководствовался во всѣхъ изчисленіяхъ сего рода) примемъ мы начальную точку 28.<sup>''</sup> 2.<sup>'''</sup> 2 барометра при  $+10^{\circ}$  Реомюра: то откроется, что мѣсто, на коемъ въ Аспрахани дѣланы были наблюденія, лежитъ на 155.13 Франц. фушовъ ниже морской поверхности.

Сему открытію соотвѣтствуютъ наблюденія Г. Академика Иноходцова\*\*), который нашелъ, что Камышинъ на 27 сажень, ш. е. на 189 Англ. или на 177.34

---

\*) См. Tables barométriques par Bernard de Lindenau. Gotha 1809.

\*\*) См. Технологическаго журнала Т. 1, Ч. 1, стр. 107.

Франц. фушовъ ниже С. Петербурга, находящагося на 65.24 Франц. фушовъ надъ морскою поверхносною; а по сему Камышинъ на 112.1 Франц. фушовъ ниже морской поверхности.

Для точнаго опредѣленія высоты водяной поверхности въ какомъ либо мѣстѣ, прибавить должно къ найденной высотѣ еще разность между высотой самаго того мѣста, на коемъ дѣлаемы были наблюденія и ближайшею поверхносною воды, что у Камышина составляло до 10 сажень; относительно же Астрахани разность сія не показана.

Изъ сихъ наблюденій явствуетъ, что величайшее въ свѣтѣ по нынѣ извѣстное намъ озеро, именуемое Каспійскимъ моремъ, лежитъ ниже всѣхъ прочихъ морей; почему мнѣнія нѣкоторыхъ писателей о подземномъ сообщеніи онаго съ Персидскимъ заливомъ, Чернымъ или какимъ либо другимъ моремъ не могутъ быть основательны.

Для большаго еще убѣжденія въ сей истинѣ я докажу здѣсь двойкимъ образомъ по наблюденіямъ надъ барометромъ, что Каспійское море по поверхности своей ниже Чернаго.

Въ Технологическомъ Журналѣ \*) Г. Иноходцовымъ изчислено, что Николаевъ лежитъ на  $3\frac{1}{2}$  сажени м. е. на 28.462 Франц. фузовъ ниже С. Петербурга. Если по сему

С. Петербургъ на 65.244 выше м. п.,  
а Николаевъ на - 28.462 ниже С. П.  
то Николаевъ ле-  
житъ на - - - - 36.782 выше м. п.

А какъ Аспраханъ  
находится на - - 155.128 ниже м. п.

То по сему Аспра-  
ханъ на - - - - 191.910 Фр. фуш.  
ниже Николаева.

---

\*) Томъ 1, Часть 1, стр. 106.

Въ пушешествіи Г. Доктора Газа \*) помѣщены наблюденія, дѣланныя въ Новочеркасскѣ Г. Аптекаремъ Михельсономъ, коего Г. Газъ снабдилъ хорошими физическими орудіями, въ сочиненіи семь подробно описанными.

Желая воспользоваться сими наблюденіями, нашель я, что въ Іюль и Августъ есть нѣкоторыя погрѣшности произшедшія, безъ сомнѣнія, отъ неоспорожности типографщика или писаря; а можетъ бытъ и самага наблюдацеля; ибо здѣсь въ снопяніи барометра показаны вдругъ разности на цѣлый дюймъ, а именно въ печеніи Іюля шаковыхъ не менѣ десяти, между шѣмъ, какъ явленія сіи на самомъ дѣлѣ встрѣчаются весьма рѣдко. Посему могъ я упрѣбихъ однѣ только таблицы чепырехъ послѣднихъ мѣсяцевъ, будучи однако принужденъ вновь опыскивать изъ самыхъ наблюдений настоящія среднія чи-

---

\*) См. *Ma visite aux Eaux d'Alexandre en 1809 et 1810*, par Mr. le Dr. Haas, Moscou 1811, стр. 115—120.



сла, что Г. Газъ въ сочиненіи своемъ не всегда соблюдалъ съ почтностію. Найденныя мною такимъ образомъ среднія числа каждаго мѣсяца соединилъ я въ слѣдующей таблицѣ съ почтнѣйшими наблюденіями, произведенными въ то же время какъ въ Новочеркасскѣ, такъ и въ Астрахани.

| Время.                                                            | Въ Ново-Черкасскѣ.    |                | Въ Астрахани.                             |                |
|-------------------------------------------------------------------|-----------------------|----------------|-------------------------------------------|----------------|
|                                                                   | По Француз барометру. | По шеркомешру. | По Англійск. барометру.                   | По шеркомешру. |
| 1810 ГОДА.                                                        |                       |                |                                           |                |
| Въ Сенсѣ.                                                         | 28. 11. 3. 03000      | + 3. 546667    | 30. 11. 2672                              | + 7. 9244      |
| Въ Октяб.                                                         | 2. 24193              | + 2. 641935    | 30. 2720                                  | + 3. 7387      |
| Въ Нояб.                                                          | 3. 60111              | - 0. 785556    | 30. 4437                                  | - 0. 8477      |
| Въ Декаб.                                                         | 2. 97512              | - 2. 56989     | 30. 3920                                  | - 2. 1075      |
| И такъ среднее споконіе въ теченіи смѣхъ 4хъ мѣсяцевъ составляетъ | 28. 11. 2. 96164      | + 1. 958289    | 30. 11. 343725<br>или<br>28. 11. 5. 65922 | + 2. 126975    |

По симъ наблюденіямъ Новочеркасскъ выше Аспрахани на 32.1 пшазовъ или на 192. 8 Франц. футовъ.

Г: Газъ говоритъ, что изъясненныя выше наблюденія, произведенныя въ Новочеркасскъ, можно почесть дѣланными при самомъ Черномъ морѣ, поелику опвѣсная высота Дона при успѣѣ его на 60 верствъ споль малозначуща, что не заслуживаетъ никакого уваженія. Положимъ, однако, что шаковая здѣсь дѣйствительно не болѣе паденія Волги при успѣѣ оной; (п. е. на каждую версту равняется 1. 5 дюйма) то сіе на показанномъ разстояніи составишь около 8 футовъ, каковая высота, будучи исключена изъ 193 (полагая, что мѣста, гдѣ находились физическія орудія, были въ одинаковомъ возвышеніи надъ поверхностію ближайшей воды) показываетъ, что Азовское море на 185 футовъ выше поверхности воды въ Аспрахани.

Хошя въ обоихъ сихъ случаяхъ; при коихъ слѣдствія, выведенныя изъ дѣлан-

ныхъ наблюдений уже сами по себѣ столь мало одно опъ другаго разнспвуютъ—и должно бы для большей еще точности обратиться также вниманіе на то, сколь высоко стояли самыя употребленныя наблюдателями орудія надъ поверхностію ближайшей воды; однако и сіе уже доспапочно доказываетъ, что Черное море гораздо выше моря Каспійскаго \*).

Весьма было бы любопытно сличить выведенныя здѣсь слѣдствія съ тѣмъ, что найдено посредствомъ нивелированія. Поверхность водъ Дона должна быть гораздо выше поверхности Волги; но разность сію надлежало бы опредѣлить точнѣйшимъ образомъ. Въ сочиненіи Г. Академика Шпорха \*\*) сказано только, что поверхность рѣки Илови, текущей въ Донъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ предпола-

\*) См. прибавленіе къ сей спашѣ.

\*\*) Storchs Historisch - Statistisches Gemälde des Russischen Reichs. Leipzig: 1803, 7 Theil, S. 177.

гаемо было рыпше канала для соединенія Дона съ Волгою, на 50 фушовъ выше поверхности рѣки Волги.

## II.

*О высотѣ Осташкова надъ поверхностью морскою и надъ Астраханью.*

Въ Осташковѣ памошній Протоіерей Василій Суворовъ по предложенію моему занялся метеорологическими наблюденіями. На сей конецъ снабдилъ я его обыкновеннымъ барометромъ, кошою во всемъ совершенно сходспіовалъ съ упошребляемымъ мною въ дорогахъ; равнымъ образомъ далъ я ему и шермометръ. Изъ всѣхъ наблюденій, дѣланыхъ имъ непрерывно въ Августъ, Сентябрь и Октябрь мѣсяцахъ 1807 года, среднее число по баромеру составляло  $27.13.1118299$ , а по шермометру Реомюра  $6.9854$ .

Въ печеніи сихъ же шрехъ мѣсяцевъ, какъ въ Астрахани, шакъ и въ другихъ мѣсахъ, гдѣ равнымъ образомъ розданы были мною барометры и



термометры, производимы были наблюдёнія, съ коими сличилъ я дѣланные въ Оспашковѣ. Все сіе видѣшь можно изъ слѣдующей таблицы

| Мѣста,<br>гдѣ производи-<br>мы были на-<br>блюдѣнія. | По<br>бароме-<br>стру. | По<br>термо-<br>метру. | Ошнеси-<br>тельная<br>высота. | Положе-<br>ніе мѣста<br>въ отно-<br>шеніи къ<br>морской<br>поверх-<br>ности. | Высота<br>фсшаш-<br>кова надъ<br>морскою<br>поверх-<br>ностію. |
|------------------------------------------------------|------------------------|------------------------|-------------------------------|------------------------------------------------------------------------------|----------------------------------------------------------------|
| Оспашковѣ . . .                                      | 27."3." 8299           | + 6.° 9354             |                               |                                                                              |                                                                |
| Р. Нагородѣ                                          | 27.9. 8161             | + 7.° 0206             | 451. 64                       | + 427. 45                                                                    | 878. 99                                                        |
| Торжокѣ . . . . .                                    | 27.5. 5488             | + 6.5588               | 128. 46                       | + 718. 70                                                                    | 847. 16                                                        |
| Аспраханѣ . . . . .                                  | 28.4. 2014             | + 11.8373              | 916. 04                       | — 155. 13                                                                    | 760. 91                                                        |
| Баргулдѣ . . . . .                                   | 27.9. 6415             | + 6.7420               | 427. 43                       | + 296. 86                                                                    | 724. 29                                                        |

По сему Оспашковъ выше морской по-  
 верхности на - 803. 84 Фран. фу.

А какъ Аспрахань на 155. 13 ниже оной:

---

по относительная вы-  
 сота между Оспашко-  
 вымъ и Аспраханью  
 составляетъ - - 957. 97 Фр. фуш.

Полагая, что Волга съ кривизнами  
 своими отъ Оспашкова до Аспрахани  
 пропекаетъ безъ малаго 4500 вершъ, и  
 что самыя шъ мѣста, на коихъ дѣланы  
 были наблюденія, вездѣ въ равной нахо-  
 дились возвышенности надъ ближайшею  
 поверхностію воды: по отвѣсная высо-  
 та Волги на каждую вершпу среднимъ  
 числомъ едва будетъ болѣе 2½ дюй-  
 мовъ \*). Паденіе какой либо рѣки или

---

\*) Полагая 4500 вершъ, пришлось бы собствен-  
 но на каждую по 2.5346 дюйма. Полагая же



Извѣстная высота оной, конечно не во всякомъ мѣсцѣ одинакова; но бываетъ болѣе при вершинѣ, равно и тамъ, гдѣ берега ея спускаются, напрошивъ и уменьшаются при устьѣ. Последнее доказываютъ и самыя наблюденія: ибо когда Астрахань лежитъ на 156, а Камышинъ только на 112 Франц. фузовъ ниже морской поверхности: то разность въ высоту положенія обонхъ сихъ мѣсцъ составляетъ всего 43 Фран. фуза; а посему на каждую изъ 568 верствъ, среднимъ числомъ не придется и по одному даже дюйму.

Извѣстно, что Волга въ Тверской Губерніи у самой вершины своей большее количество водъ получаетъ изъ Се-

---

только 4000 верствъ, известная высота на каждую версту составляла бы 2.87391 дюймъ.

лигерскаго озера, у коего лежишь Оспашковъ. Таковыхъ озеръ — опчаспи имѣющихъ сообщеніе съ другими водами, опчаспи же онаго и неимѣющихъ, — здѣсь находидся не малое число; онѣ лежатъ въ холмистой странѣ, а не въ цѣпи горъ; ищешно искомой здѣсь писателями, кои таковымъ предположеніемъ думаютъ объяснить то, что изъ сихъ мѣстъ изливаюшся по всѣмъ направленіямъ шолко изобилующія водами рѣки.

Разсмапривая въ почности Валдайскія горы (mons Alaunus), нынѣ нѣкоторыми писателями Волжскою возвышенностію (Wolga-Höhe) именуемая, Геогноспъ найдешъ, что онѣ собственно соспавляютъ шолко нечувспвишешно возвышающуюся пологоспъ, многочисленными ручьями пересѣкаемую. Изслѣдывая мѣста сіи, я не находилъ никакихъ слѣдовъ первобышнихъ горъ; но видѣлъ однѣ шолко горы флешовыя (слешвыя) и наносныя. Изъ сего заключилъ я, что

вся страна сія покрыта мѣлкимъ морскимъ пескомъ, а по мѣстамъ въ великомъ множествѣ гранишовыми валунами, кремнями и многими небольшими каменьями разнаго рода, каковыя и шеперь еще встрѣчаются у береговъ Балшійскаго моря. Все сіе служишь доказательствомъ, что въ глубокой древности, когда страна сія покрыта была еще водою находились здѣсь ошмѣли. Мнѣніе сіе уничтожаетъ мечшанія одного путешественника о развалившихся здѣсь гранишныхъ горахъ. Однако мѣста сіи, безъ сомнѣнія, достопримѣчательны для Геогноста, пошому, что въ сѣверной Европѣ вѣроятно сосшавляютъ наибольшую возвышенность, на коей встрѣчаются окаменѣлости морскихъ живопныхъ. Главнѣйшая высота, по наблюденіямъ, дѣланнымъ мною здѣсь при проѣздѣ моемъ 2 Августа 1807 года, находится между Ошашковымъ и Валдаемъ и сосшавляетъ холмъ между деревнями

Полошовою и Моспами, опъ сей послѣдней въ шрехъ версахъ ошстоящій.

|                      | По барометру          | По термометру Реомюра. |
|----------------------|-----------------------|------------------------|
| На холмъ семь было   | 27."1."524            | + 14.°5                |
| Въ поже время было { | Въ Астрахани 28.5.618 | + 11.3                 |
|                      | — Оспашковъ 27.5.000  | + 13.5                 |

*Изъ сего слѣдуетъ:*

- 1.) Что холмъ сей лежишь на 1211.97 Фран.фуповъ выше Астрахани; или на - 1056.84 выше морской поверхн.
- 2.) Что оный лежишь на - 267.83 выше Оспашкова; или на - 1070.67 выше морск. поверхн.

Въ заключеніе же, взявъ среднее число изъ обѣихъ сихъ разностей, окажется, что высота холма сего, а вмѣстѣ и значительнѣйшая возвышенность Валдайскихъ горъ, составляетъ 1064 Франц. фуша надъ морскою поверхностію.

*Л. Панснеръ.*

---

## П Р И Б А В Л Е Н І Е .

*Въ дололненіе предъидущей статьи прибавить можно еще слѣдующее:*

П. С. Палласъ \*), говоря о прежнихъ берегахъ Каспійскаго моря и объ уменьшеніи воды въ ономъ, упоминаешъ именно объ *извѣстномъ низкомъ стояніи Каспійскаго моря противъ другихъ морей, доказанномъ измѣреніемъ течения Дона и Волги въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣки сіи одна къ другой приближаются.* По его словамъ Волга здѣсь течетъ по крайней мѣрѣ 10 саженьми ниже Дона.

### Новѣйшія и досповѣрныя извѣстія

---

\*) Въ путешествіи своемъ по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства, въ 1772 и 73 годахъ, которое переведено Зуевымъ и напечатано въ С. Петербургѣ 1788 году. Ч. III, половина 2 я, на стр. 178 и 179. Нѣмецкій подлинникъ: P. S. Pallas Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. T. III, S. 374—75. Мѣсто сіе подъ заглавіемъ: „Alte Ufer der Kaspischen See,“ напечатано также особо въ St. Petersburgischer Journal. 1776, August, S. 42.

о семь предметъ сообщили намъ Гг. Энгельгардъ и Паррошь \*).

Они измѣряли высоту мѣстъ лежащихъ между Чернымъ моремъ и Каспійскимъ, и полагають, что послѣднее по крайней мѣрѣ на 50. 8 тоазовъ ниже перваго.

Всѣ сии доводы кажутся достапочны къ опроверженію мнѣнія Рейнегса \*\*), который полагаеть, что Каспійское море лежитъ выше Чернаго, основываясь на быспрошѣ рѣкъ втекающихъ въ сии моря. Рѣки, говоринъ онъ, текущія на восшокъ, совсѣмъ неспремешельны, медленны и иногда даже не доспигають Каспійскаго моря; прочія же рѣки съ быспрошою спремятся на западъ къ Чер-

---

(\*) Reise in die Krym und den Kaukasus von Moritz von Engelhardt und Friedrich Parrot, Dr. Med., Berlin, 1815, T. II, 1 Abhandl. S. 58.

(\*\*) Dr. Jacob Reineggs Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha und St. Petersburg, 1796, T. I, S. 11.

ному морю. — Явленіе сіе, еспьли справедливо, нынѣ пребуешъ другаго изъясненія.

Въ заключеніе приведу я слова Кефалидеса \*): *Nos quidem, meliora edociti, scimus..... in istis regionibus, ubi Tanais proxime ad Volgam accedit, istum flurium hoc Septuaginta modulisesse inferiorem constat.* и пр.

К.

---

\*). De historia Maris Caspii D. A. G. Kephhalides. Gottingae, 1814, p. 145, 373. z. e.





## О С Т Р А С Т Н О М Ъ.

*Изъ Шиллера.*

---

Представленіе спраси не естъ цѣль искусства; но какъ средство оно чрезвычайно важно. Конечная цѣль искусства естъ представленіе сверхъ-чувственнаго, и прагматическое искусство въ особености достигаетъ сего, обнаруживая нравственную нашу независимость отъ законовъ Природы въ то время, когда мы предаемъ спраси. Сопрошвление силъ чувствъ открываетъ въ насъ свободное начало; но сопрошвление цѣнится по мѣрѣ нападенія. Если разумъ чело-вѣка долженъ быть силою, неподлежа-щею Природѣ, то Природа должна намъ прежде явить силу свою во всей обширности. Спраданіе чувственного существа должно быть глубокое и сильное, —

по есть: спрастностію; — что бы разумное существо могло доказать независимость свою и представиться дѣйствующею.

Нельзя никакъ узнать, точно ли швердоспв духа есть дѣйствіе моральной его силы; еслии не удостовѣриться прежде, что она не происходитъ отъ безчувственности. Не мудро управлать такими чувствами; которыя едва только касающя поверхности души; но чтобъ сохранить свободу духа посреди бури, всю чувственную Природу возмущающей, для сего пребудеть такая сила содропивленія, которая превышаетъ всякую природную. И такъ представленіе моральной свободы достигается только съ помощію живаго представленія мира; дающей Природы, и трагическій герой долженъ явить себя чувствующимъ существомъ, прежде нежели мы рѣшимся удивляться ему, какъ существу разумному и приписывать необыкновенную душевную силу.

И такъ прежде всего должно намъ требовать прагического спихосворца—спраспнаго, и ему позволяется доводитьъ представленіе спраспи до того, до чего она можетъ быть доведена, безъ вреда конечной его цѣли, то есть: безъ подавленія нравственной свободы. Онъ долженъ героя своего вполне подвергнуть спраданію, попому, что въ прошивномъ случаѣ всегда бы оставалось сомнѣніе, точно ли спрошивленіе его оному есть дѣйствіе духа его, то есть: нѣчто положительное, или напрошивъ, не естли оно нѣчто оприцательное и недоспашокъ?

Сіе-то находимъ мы во Французской прагедіи, въ которой рѣдко, или никогда не являея намъ спрадающая Природа, а только холодный позпъ-декламаторъ или еще актеръ на ходуляхъ. Декламация заглушаетъ совершенно Природу и богосворимая Французами приспойность (Déseuse) лишаетъ прагиковъ ихъ всякой возможности представлять истинное человѣчество. Приспойность

вредишь вездѣ, даже и шамъ, гдѣ ей должно бытъ выраженіемъ Природы; а искусство пребуешь его съ величайшею спрогоспію. Едва можемъ мы повѣрить, что герой Французской трагедіи спрадаецъ: ибо онъ о сосноліи духа своего судилъ такъ спокойно, какъ самый хладнокровный человекъ, и безпрестанное вниманіе на впечатлѣніе, производимое имъ въ другихъ, не позволяеть ему никогда предославить Природѣ полную свободу.—Цари, Княжны и Герои Корнеля и Вольера не забываютъ сана своего и въ величайшемъ спраданіи—и скорѣе распаются съ человекесвомъ, нежели съ доспоинствомъ своимъ. Они подобны Царямъ и Императорамъ въ старинныхъ книжкахъ съ каршинками,—которыя и засыпаютъ на ложѣ съ короною.

Сколь различно поступали въ эпосѣ Греки и шѣ изъ новѣйшихъ, которыя писали въ ихъ духѣ! Никогда Грекъ не спыдился Природы; онъ ошдаецъ чув-

спвенности должную справедливость, и  
 за всеъ шѣмъ, увѣренъ, что никогда ею  
 не увлеченъ. Его глубокой и правиль-  
 ный умъ заснабляетъ различанъ слу-  
 чайное, копорымъ дурной вкусъ болѣ  
 всего занимается съ необходимымъ; все  
 же то, чего нельзя назвать челове-  
 чествомъ, есть случайное въ человекѣ. Гре-  
 ческій художникъ, долженъ вующій на-  
 званъ Лаоксона, Ниобу, и Филокшени,  
 не знаетъ ничего о Княжнѣ, Царѣ и  
 Царскотъ санѣ; онъ держится только  
 человекъ. По сему мудрый ваятель и ош-  
 вергаетъ одежду, предсавляя намъ ге-  
 роевъ нагими, хопя ему и очень из-  
 вѣстно, что они такъ не ходили. Одежда  
 для него есть нѣчто случайное, копо-  
 рому необходимое не должно подчиняться  
 и законы прищойности или попреб-  
 ности, не суть законы искусства. Вая-  
 тель долженъ и хотеть предошавить  
 намъ человекъ; одежда его скрываетъ,  
 и такъ онъ ошвергаетъ ее по справед-  
 ливости.

Какъ Греческій ваятель отвергаетъ бесполезное наружное облаченіе, чтобы оставишь болѣе мѣста человѣчеству: такимъ же образомъ Греческій стихопворецъ освобождаетъ человѣка споль же бесполезнаго и мѣлающаго, принужденія условныхъ приличій, которыя шолько мудруютъ съ человѣкомъ и скрываютъ отъ него Природу. Въ Гомеровомъ швореніи и въ Греческихъ прагикахъ говоритъ спрадающая Природа сердцу нашему искренно, сильно, внятно; всѣ спраши въ свободѣ и правила приличнаго не связываютъ чувствъ. Герои также способны къ спраданіямъ человѣчества, какъ и другіе. Они пошому-шо и Герои, что чувствуютъ спраданіе во всей его силѣ; но имъ не побѣждаются. Любя жизнь, подобно намъ всѣмъ, они однако, не такъ къ ней привязаны, чтобы не пожертвовашъ ею, какъ скоро пребуешь шого чести или человѣчества. Филокшеть преисполняетъ жалобами своими Греческую сцену и самъ бѣсную-



щійся Иракль не скрываетъ перзаній своихъ. Назначенная въ жертву Ифигенія, признается съ шрогашельнымъ чистосердечіемъ, что ей горешно разспашься съ солнцемъ (\*). Не въ прищупленіи чувствва, не въ равнодушіи къ спраданію ищешь Грекъ славы своей; онъ ищешь ее въ швердоспи, переноситъ спраданіе при всей способности чувстввовашь его. Самые боги Грековъ принуждены плащинь Природѣ дань, какъ скоро спихощворцу нужно сблизитъ ихъ съ челоффчесщвомъ. Раненый Марсъ вопіешь прощивъ десяти тысячъ челоффкъ, а копіемъ уязвленная Венера плачешь, возходя на Олимпъ проклинаешь всѣ бипшвы.

Сія нѣжная чувстввишельность всегда спраданію опкрышая; сія Природа, испол-

---

(\*) Изъ всѣхъ новѣйшихъ никто не умѣлъ столько присвоитъ себѣ образа мыслей Грековъ, какъ Гёше. Его Ифигенія ещъ и въ эщомъ шоржешщво величайшаго искусствва—и доказываешь, до какой спешени геній, не смощпръ на безконечное различіе временъ и нравовъ, способенъ возобновитъ прошешшее.

*Примѣч. Перевод.*

ненная жизни, огня и испины; Природа, прогающая насъ въ Греческихъ твореніяхъ съ такою удивительною силою—суть образцы подражанія для всѣхъ писателей, законъ, предписанный искусству Греческимъ гениемъ. Первое право на челоѵка объявляетъ Природа, которая никакъ не должна быть опвергнута: ибо челоѵкъ—опспоронивъ прочія принадлежности—есть существо чувствующее. Второе на него право объявляетъ разумъ: ибо онъ есть разумночувствительное существо, моральное лице, котораго долгъ—не позволять Природѣ повелѣвать собою. И тогда уже, когда Природа, во первыхъ, а разумъ во вторыхъ, снискали права свои, позволено приспоспости объявить на челоѵка прежде право и наложивъ на него обязанность въ выраженіи чувствованій и мыслей своихъ, соображась съ обществомъ, чтобы явиться—существомъ образованнымъ.

*В. Брилмеръ.*





IV,

А Л И М Е КЪ,

и л и

Б Л А Г О П О Л У Ч И Е,

(Повѣсть изъ сочиненій Г. Соаса.)



Нѣтъ человѣка, который бы не желалъ себѣ счастія и не употреблялъ всѣхъ усилій къ снисканію онаго; и почти нѣтъ человѣка, который бы не жаловался, что не можешь достигнуть до счастія, коего съ такимъ трудомъ и заботами цѣлый вѣкъ ищешь. Какая же причина, что между шолікимъ числомъ людей, безпрестанно спремящихся по слѣдамъ счастія, никто, или почти никто его не находить? — Можно ли не подумать, что большая часть ихъ, вѣряясь ложнымъ призракамъ, ищеть блаженства тамъ, гдѣ всего труднѣе най-

ни его? — По крайней мѣрѣ я такъ думаю, и слѣдующая повѣсть послужить на сей случай вмѣсто зеркала, въ которое всякому нехудо посмотришься. Она вымышлена; но часто важнѣйшія истины скрывающіяся подъ личиною вымысловъ.

Аравійскій паспухъ, именемъ Али-мекъ, гоня въ одинъ день спадю свое, весьма неохотно переходилъ съ паспъбища на паспъбище. Приблизясь къ одной горѣ, онъ замѣнилъ внутри ея пещеру, заросшую травой и кушарниками, и полюбопытствовалъ войти въ нее. При самомъ входѣ пещера была ужасна и мрачна; но внутри казалось, освѣщена была солнечнымъ лучемъ, сверху проникавшимъ. Тамъ нашелъ онъ въ углу кошелекъ, кольцо и спарую полусогнутую бумагу. Съ жадностію прощипнулъ къ кошельку руку; но увидя, что онъ пусть вскричалъ: „Пропaday ты со-всѣмъ! я только напрасно порадовался. Иное дѣло, естълибъ ты былъ положе

золота; а шеперь какал опть шебл польза? ... Прочь! догнивай на шаромъ своемъ мѣспѣ!" — Сказавши, съ презрѣніемъ бросилъ кошелекъ на землю.

По звуку, произведенному кошелькомъ при паденіи на камень, Алимеку слышалось будто бы зазвенѣло золото. Съ удивленіемъ онъ поднимаетъ снова кошелекъ, и находить его полнымъ. — „О небо! что это? ... Клянусь бородою Великаго Пророка! здѣсь не безъ волшебства; но какъ бы то ни было, я спану жишъ эшимъ золошомъ, какъ душѣ угодно.“ — Потомъ, схватя персень и бумагу, онъ спрѣлою пустился изъ пещеры, и при выходѣ говорилъ: „Прощайте, лѣса! шеперь есть у меня деньги; а съ ними вѣрно по васъ не соскучусь. Ну! еспѣлибъ я шеперь былъ въ Меккѣ!“ — Едва успѣлъ онъ произнести, какъ въ ту же минушу очутился въ Меккѣ. Еще болѣе изумленный, дрожащею рукою развернулъ онъ бумагу и прочиталъ слѣдующее: „Кошелекъ будешь

„всегда полонъ, коль скоро ты поже-  
лаешь; а посредствомъ кольца въ ми-  
нупу перенесешься куда тебѣ заблаго-  
разсудишься.“

Когда Алимекъ узналъ свойства най-  
денныхъ имъ вещей, то почувствовалъ  
сильное любопытство видѣть чужія зем-  
ли и захотѣлъ немедленно исполнить.  
По удобности переносишься съ мѣста  
на мѣсто въ короткое время, онъ обле-  
шалъ большую часть свѣта. Сначала ему  
весьма пріятно было наблюдать разно-  
образіе странъ и климатовъ, произве-  
денія Природы и искусства, различіе во  
нравахъ и обычаяхъ народовъ; но чрезъ  
нѣсколько времени сіе удовольствіе на-  
чало исчезать. Чѣмъ болѣе онъ стран-  
ствовалъ, тѣмъ болѣе видѣлъ, что раз-  
нообразіе, сперва его столько веселив-  
шее, безпрестанно уменьшалось; искус-  
ство и сама Природа представляла по-  
чти все одни, или сходные между со-  
бою предметы; что нравы и обычаи  
людей, производя отъ одинаковыхъ спра-



шей, различаются только въ нѣкошорыхъ мѣлочахъ. Съ охлажденіемъ приманки, раждаемой новостію предметовъ, совершенно охладѣло и любопытство; наскуча путешесвіями Алимекъ думалъ объ отдыхѣ.

Мѣспомъ своего пребыванія выбралъ онъ Констаншинополь; ему казалось, что въ семь городѣ можетъ лучше наслаждаться нѣми удовольствіями, какія въ сосояніи доснавишь ему богатство; а великое спеченіе въ ономъ иноплеменныхъ народовъ послужить ему къ возобновленію въ памяти своей всего того, что онъ замѣшилъ въ разныхъ мѣстахъ во время спранспивованій. Тамъ предакъ онъ всѣмъ забавамъ разсѣянности, удовольствію всѣхъ своихъ прихошей и плавалъ, такъ сказаць, въ морѣ различныхъ наслажденій. Но въ короткое время и сямъ наскучилъ. Опъ частаго употребленія, самыя роскошныя изобрѣшенія вкуса и нѣги казались непріятными. Чѣмъ больше онъ спарал-

ся мѣняль ихъ, шѣль боѣе чувствоваль пресыщеніе; умъ его ни чѣмъ, не заняпый, обременень былъ не сперпимою окукою. Присовокупившееся къ шому распройопво въ здоровьѣ, — обыкновенное слѣдствіе невоздержности, — ушвердило его въ шой мысли, чпо благополучіе не сосшоишь, къ изнѣженной и роскошной жизни, и побудило изыскивать оное въ шрудахъ, полезныхъ обществу.

Несомѣнное богатство скоро доснавило ему друзей и покровишелей; а приобрѣтенныя имъ въ путешесствіяхъ познанія сподѣшесшвовали къ шому, чпо онъ признанъ былъ весьма способнымъ человекомъ къ дѣламъ важнѣйшимъ. Быстро переходилъ онъ со шепени на шепень, и на наконецъ возведенъ въ достоинство Великаго Визиря. Здѣсь онъ оповсюду былъ, шакъ сказать, завалень дѣлами: шѣ повѣленія Государя, шѣ донесенія подчиненныхъ не давали ему ни на минушу свободы и успокоенія. Прихошци роскошнаго Монарха, безпокойныя

шребованія женщинъ Серальскихъ, заговоры и коварства завидующихъ ему сверстниковъ, безпреспанно его тревожили и утрашали. Тогда онъ узналъ собственнымъ опытомъ, что достоинства и почести ничего не доставляютъ, кромѣ блистательнаго рабства. Наскучивъ и симъ, уже думалъ онъ удалиться, какъ вдругъ пришло въ Констаншинополѣ извѣстіе, что Персія намѣрена объявить войну Турціи. На него возложено было иппи съ великимъ войскомъ и обуздашь гордость непріятели; славолюбіе одушевило его, и онъ полетѣлъ на встрѣчу врагамъ.

Первыя два сраженія были для него счастливы, и непріятель, сбитый съ поля, принужденъ немедленно къ отступленію изъ Туркестана, когорый передъ нѣмъ занялъ. Побѣдителю осыпанъ похвалами и почестями; имя Алимеково съ рукоплесканіями повторялось во всѣхъ предѣлахъ Имперіи; и Султанъ готовъ былъ принять его въ Сполицѣ съ торжественными обрядами. Но дви-

живый излишнею запальчивостию, Али-мекъ зашелъ весьма далеко въ непріятельскую землю, по неоспорожности попалъ на непредвидѣнную засаду, и едва избѣгнулъ плѣна съ великою потерей своего войска. Тогда положеніе его вдругъ перемѣнилось: похвалы превратились въ проклятія, и вмѣсто приугошовленнаго шоржеспва, ему назначена была смерть на шелковой веревкѣ.

Къ счастью, кольцо освободило его отъ опасности. Онъ скрылся и прошекалъ разныя страны Индіи, нося въ душѣ скуку и безпокойства; наконецъ ошановился въ Голкондѣ.

Въ то время царствовала цамъ Государыня, слышавшая во всей Азіи дивомъ красоты. Съ перваго взгляда Алимекъ ею плѣнился, и спарался войти ко двору. Великолѣпіе, съ копорымъ онъ явился предъ Государыней, знаніе свѣпскихъ приличій, благородные и привлекательные поступки, пріятные, живые и разнообразныя разговоры, и пріобрѣпленные



имъ свѣденія о многихъ спранахъ свѣща, обратили на него вниманіе Селимы, шакъ называлась юная Царица, и бесѣда съ Алимекомъ сдѣлалась для нее почти необходимостію. Ему предложили оспнахъ въ Голкондѣ, и сіе предложеніе принялъ онъ съ великимъ удовольствіемъ. Его безпрестанно приглашали на празднества, на охоту, на разныя увеселенія, гдѣ онъ имѣлъ случай выказывать свое богатство и опличный вкусъ въ одеждѣ, въ блестящихъ бездѣлкахъ, въ многочисленной и пышно разряженной полкѣ невольниковъ. Селима часъ опъ часу удостаивала его болѣе своей довѣренности, казалась въ него влюбленною, и наконецъ поселила въ немъ надежду льстихъ ея рукою. Упоенный радостію Аликъ считалъ уже себя на вышней степени того благополучія, котораго искалъ шоль долгое время; но зависъ придворныхъ, съ негодованіемъ видѣвшихъ, что должны будущъ покорснствовать чужеземцу, умѣла смесъ на

него такую злобную клевету, и прида-  
ла ей такія краски истины и дословѣр-  
ности въ глазахъ Царицы, что сія, не  
опкладывая времени, осудила на смерть  
Алимека и только силѣ кольца своего  
онъ обязанъ былъ впрочемъ своею сво-  
бодою.

Удалившись отъ полѣ съ душою пол-  
ною горести и отчаянія, видя исчезнув-  
шими въ одинъ мигъ все свои надежды,  
уничтоженными по благополучію, кото-  
рымъ думалъ наконецъ насладиться, пе-  
решающъ онъ все прочія спраны Азіи,  
не зная, гдѣ приклонить голову, всегда  
безпокоющъ, досадуя на самаго себя; на-  
последокъ рѣшился отправиться въ Ки-  
шай. Тамъ, будучи одинъ посреде много-  
людства и погружась въ горестныя раз-  
мышленія, бродилъ онъ нѣкогда по пу-  
стыннымъ мѣстамъ. Въ споронѣ слы-  
шались ему веселые звуки и пѣсни; лю-  
бопытство въ немъ пробудилось; онъ  
захотѣлъ узнать о происходившемъ. По-

чему приблизился къ одному сельскому домику и увидѣлъ толпу поселянъ и поселянокъ, которые при звукахъ музыки и пѣсней плясали и веселились. Полюбовавшись чистосердечною и непринужденною радостію сихъ добрыхъ людей, подошелъ онъ къ одному шарикю, оплачавшемуся почтенными сѣдинами, но ко его ясный взоръ показывалъ еще искру веселія и силу разума, неослабленнаго лѣтами; съ удовольствіемъ смотрѣлъ онъ на празднество. Алимекъ спросилъ у него о причинѣ столь необыкновенныхъ увеселеній. „Онъ для насъ не необыкновенны, сказалъ шарецъ: во дни, опредѣленные на отдохновеніе, принеся должныя молитвы Богу, хранипелю полей нашихъ, мы проводимъ оспальные часы въ невинныхъ забавахъ.“ Такъ вы очень пріятно вознаграждаете себя за тяжкія работы и бѣдственную жизнь, которую вы владаете во всѣ прочіе дни? „Я прожилъ за 70 лѣтъ такимъ образомъ, опивчалъ шарикъ, улыбаясь, и не могу

сказать, чѣмъ жизнь моя была бѣдственна. Знаю чѣмъ вы, знатные люди, не находите тамъ благополучія, гдѣ нѣтъ много золота и серебра, гдѣ не блестятъ драгоценные камни; но когда мы, поселяне, бываемъ въ вашихъ городахъ, и видимъ волненіе и безпокойство, въ нихъ обитавшія; тогда ваши богатства возбуждаютъ въ насъ не зависть, а сожалѣніе. Спокойствіе для васъ не существоваше: алчность и честолюбіе его покидаютъ; а гдѣ нѣтъ спокойствія, тамъ не должно искать и благополучія. Мы не столько богаты, какъ вы; золото и серебро едва намъ извѣстны; но по чѣмъ вы посредствомъ ихъ приобрѣшаете, наши спада, наши земли съ избыткомъ намъ доставляютъ; и мы довольны и счастливы!“

Алимекъ удивлялся рѣчамъ старца и жаль было знать, какъ можешь онъ въ бѣдности и тяжкихъ работахъ наслаждаться тѣмъ благополучіемъ, котораго



самъ онъ не могъ достигнуть въ нѣдрахъ изобилія и роскоши и для того продолжалъ: Спранно для меня, сказалъ онъ, что подобные тебѣ люди, принужденные жить въ непрестанныхъ трудахъ, могутъ называть себя благополучными. „Тому, кто привыкъ онъ дѣлать жизнь бездѣйственной, труды кажутся несносною тягостію, опивчалъ снарикъ; но насъ они подкрѣпляютъ. Мнѣ никогда не бывало такъ скучно, какъ въ то время, когда я принужденъ былъ осуществлять обыкновенныя свои работы и сидѣть безъ всякаго дѣла. Время тянулось для меня такъ медленно, такъ несносно, что каждая минута казалась въ комъ. Когда же я занятъ работою, то не вижу, какъ и день проходитъ и ни на одинъ мигъ не чувствую опягошительной скуки, помившей меня въ тѣ дни, въ которые мнѣ должно было ничего не дѣлать.“ Но ты долженъ непрестанно нести бремя трудовъ; а оно еще тяжеле и несноснѣе, сказалъ Алибекъ.

„Бремя трудовъ, отвѣчалъ отарикъ, тяжело для невольника, который обязанъ нести его по принужденію, и не можетъ отдохнуть тогда, когда отдыхъ необходимъ. Для насъ оно не таково: когда я уснану, то спокойно отдыхаю, сколько мнѣ нужно; а послѣ съ новыми силами принимаюсь за работу. По сему я не шерплю того, что шерпится невольникъ по необходимости и чрезъ мѣру силъ своихъ; трудъ перестаетъ быть для меня тягостію, а становится пріятнымъ препровожденіемъ времени. Забирая насъ, онъ избавляетъ отъ печальныхъ и грустныхъ мыслей; даетъ шлю нашему здоровью и крѣпости, и предохраняетъ отъ болѣзней, коимъ шакъ часно бываютъ подвержены люди, нежелающіе трудиться. Пища и сонъ послѣ труда бываютъ пріятнѣе и въ то время, когда мы работаемъ, мысль о плодахъ, которыми труды наши благословляются, наполняетъ души шакимъ веселіемъ, какое вамъ богатымъ и знатнымъ вовсе



не извѣстно. Каждая проведенная мною на нивѣ борозда напоминаетъ мнѣ радостное время жатвы; а сія мысль доставляетъ еще до времени великое удовольствіе.“ Но плоды, собираемые вами послѣ споль долговременныхъ работъ, сказалъ Алимекъ, бывають весьма маловажны въ сравненіи съ шѣмъ, чѣмъ наслаждаются боганы, не шрудясь и не изнуря себя. „Когда я могу упоишь свою жажду изъ этого ручья, по какая мнѣ нужда до того, что другіе могутъ выпить цѣлый Гоангъ? Поле и спадо мое даютъ мнѣ сполько, сколько нужно, и я доволенъ; негожъ еще желать мнѣ? Благополучіе состоишь не въ томъ, чпобъ имѣшь много, а въ томъ, чпобъ умѣишь спокойно наслаждаться шѣмъ мадымъ, которое вы приобрѣщаемъ оишь шрудолюбія, или по случаю, и бышь довольну. Вы, плавающие въ изобиліи, вы конечно бѣднѣе меня, пошому, что ваша алчность часъ оишь часу возрастаетъ. Природа мадыя дала намъ нужды, и шѣ легко у-

довольствоваться, Тысячи другихъ нуждъ, копорыхъ я не знаю и знать не хочу, своенравіе безпрестанно для васъ изобрѣтаеть; а невозможность удовлетворить ихъ есть всегдашняя причина вашихъ безпокойствъ и неудовольствій. Три вещи (ты можешь въ этомъ повѣрять старику, копорый наученъ долговременнымъ опытомъ, и копорому въ теченіи жизни случалось не меньше видѣть волненіе и шумъ городовъ, какъ и спокойствіе и тишину полей), при вещи, а не болѣе, потребны намъ для благополучія; но сіи при вещи необходимы. Я назову тебѣ ихъ: спокойствіе, трудъ и довольство своимъ сословіемъ. Умѣй доставить спокойствіе душѣ своей, убѣгая отъ непріязни и раздоровъ, обуздывая спраски, преодолевая или съ швердоспю перенося бѣдствія, неизбѣжныя въ человѣческой жизни; умѣй избѣгать скуки, избѣгая праздности полезными трудами; умѣй разсудительно наслаждаться большими или малыми благами,

которыя Небо тебѣ низпослало и будь ими доволенъ, тогда ты будешь благополученъ.“

Изумился Алимекъ, найдя такой разумъ въ поселянинѣ; особенно послѣднія слова старца глубоко впечатлѣлись въ его памяти. Прѣсвившись съ нимъ, пошелъ онъ, повпоря въ мысляхъ своихъ все, что слышалъ; и чѣмъ болѣе размышлялъ, тѣмъ справедливѣе казались ему мнѣнія поселянина. Такъ, шочно, говорилъ онъ самъ съ собою; сіе благополучіе, котораго я доселѣ искалъ съ такою заботливостію, обитаетъ на поляхъ моей родины; а я, оставя ихъ, только что убѣгалъ отъ него далѣе и далѣе. Ахъ, какъ вредно было для меня открытіе въ пещерѣ, которому я столько радовался! Но еслили вспомню все прошедшее, то что скажу о немъ? Чего я до самаго сего дня доискался чрезъ такое открытіе? Упомленный и наскучившій безпрестаннымъ странствіемъ, отъ ко-

тораго ничего не приобрѣлъ, кромѣ горестнаго познанія человѣческой злобы, повсюду одинаковой, и странностей ихъ, хотя разнообразныхъ, но равно глупыхъ; пресыщенный безполезными удовольствіями, копорыя ни на одну минушу не доставили мнѣ истиннаго наслажденія, и въ добавокъ привели меня на край могилы; въ припадкѣ честолюбія, терзаемый безпокойствами, неудовольствіями, за копорыя наконецъ хощѣли меня наградишь висѣлицею; обманушый женщиною, увѣрившею въ любви своей, и такъ безжалостно насмѣявшеюся надъ моими надеждами, я иду шеперь, не знаю самъ куда и за чѣмъ? Я спалъ пропивень и месносень самъ себѣ. О! несравненно было бы лучше оспашься на поляхъ родимыхъ, въ первобытной простотѣ моей! Пища, копорую вкушалъ я тамъ, была не споль искусно пригшовлена; но позывъ на оную (а въ немъ никогда не было недосашка) дѣлалъ ее весьма вкусно. Одежда была проспа; но гораз-

до лучше укрывала меня ошь перемѣны погоды, нежели шѣ, кошорыя послѣ предписывало мнѣ въ разныхъ мѣсцахъ своеправіе моды. Бѣдна была моя жижина; но сколь пріятно засыпалъ я въ ней сномъ крѣпкимъ, удаленъ будучи ошь всѣхъ безпокойствъ, ошь всѣхъ печальныхъ думъ! Пассшва спады, или обработываніе поля занимали меня днемъ; но какъ не предпочесть такихъ занятій предъ праздностію, неразлучною подругою скуки, сподъ часпо меня шагопившей! Ахъ! правъ почтенный спарець, кошораго само Небо послало для избавленія меня ошь обмана. Эшо гласъ покровишельсцвующаго Божества, призывающій меня на путь истины, съ коего я соврашился; ошнынѣ рѣшаюсь по оному слѣдовать.

Цѣлую ночь провелъ онъ въ такихъ размышленіяхъ и съ первымъ лучемъ солнца возвратился къ доброму спарику, прося, чшобы онъ дозволилъ ему жищъ

вмѣстѣ съ собою и наслаждаешься тѣмъ благополучіемъ; коего онъ искалъ поль долгое время и которое доселѣ отъ него убѣгало. „Радуюсь, отвѣчалъ ему спарикъ съ пріятною улыбкою, радуюсь, что простая и невинная наша жизнь показалась тебѣ счастливейше нынѣ, нежели вчера; но такая жизнь не для тебя; а благополучіе живешь не подъ одними сельскими кровами. Среди городского шума, среди роскоши ты можешь еще найти его, когда захочешь. Довольно, если сохранишь присущіе разума, если умѣешь будешь довольствоваться данными тебѣ благами, ограничивая излишнія желанія, часто по природѣ своей ненасытныя, и удаляясь отъ праздности будешь занимаясь частными и благоразумными дѣлами; инаго ничего не потребуешь.“

Вижу, что я могъ бы все сіе выполнить, отвѣчалъ Алибекъ; но многого труда стоило бы мнѣ искать самому собою



пуши ко счастью, которое опъ меня споль блиаско. Сверхъ того жизнь деревенская для меня не нова, и мнѣ не шрудно опяшь къ ней привыкнушь. — Пошомъ онъ разсказаль шарцу свое происхожденіе, какъ онъ опыскаль въ пещерѣ пагубный кошелекъ и кольцо, и что съ нимъ послѣ того случилось. Тогда положа и то и другое предъ шарцемъ, сказалъ: Тебѣ приношу ихъ въ даръ и прошу, чшобъ ты позволиль мнѣ не разлучашься съ тобою болѣе. „Хорошо, опвѣчалъ на сіе мудрый шарецъ; есмьли тебѣ угодно, то я принимаю дары твои, но не съ шѣмъ, чшобъ ими пользовашься: да сохранишь меня Небо опъ такой мысли! но дабы возвращилъ ихъ тебѣ, когда ты со временемъ наскучишь суровою и единообразною жизнію нашею и захочешъ снова имѣль сіи вещи. Сколь ни благоразумно предпринятое тобою намѣреніе; но мнѣ кажешся оно нѣсколько поспѣшнымъ, и можешъ тебѣ привести въ позднее разсканіе.

Прежде, по желанію своему, испытай наши работы и образъ жизни: ешьли онъ тебѣ понравился, тогда въ твоей будешь волѣ оспашься съ нами; ешьли же онъ покажущся тебѣ прошивными, то ты можешь безъ всякаго препяшствія взять обратно свои дары и оспавини насъ.

Алимекъ весьма обрадовался дружескому приему и мудрому разсужденію шарца, и отбросивъ суешныя мысли, копорья дошолъ надъ нимъ владычешвовали, въ спокойной и шрудолубивой жизни началъ чувешвовашъ наспоящую радость и удовольешствіе, коихъ не зналъ онъ прежде. По прошешствіи нѣкопорого времени, онъ нешолько не разкаивался въ своей рѣшимости; но спановясь со дня на день довольнѣе собою, желалъ совершенно увѣнчать свое благополучіе и ушвердитъ его на незыблемомъ основаніи. Мудрый шарецъ имѣлъ дочь прекрасную видомъ и душою. Алимекъ, увѣ-



рясь въ самомъ себѣ, и починая, что отецъ не имѣлъ болѣе причины отказать ему въ рукѣ своей дочери, сдѣлалъ ему предложеніе; но старецъ, зная по долговременной опытности непостоянство человеческого сердца и сомнѣваясь еще въ твердости Алимекковой, желалъ, чтобы испытаніе надъ нимъ продолжилось долѣе. Наконецъ, видя поль вѣрные знаки довольства душевнаго въ избранномъ имъ состояніи, и что онъ никогда уже отъ онаго не откажется; согласился увѣнчать его желаніе и Алимекъ, достигнувши до того благополучія, коего ни богатства, ни забавы, ни почести не могли ему доставить; спрясалъ кошелекъ и кольцо въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы никто другой не отыскалъ ихъ, и не получилъ бы вмѣстѣ съ ними; подобно ему, гибельнаго стремленія сдѣлаться несчастнымъ, отыскивая благополучія тамъ, гдѣ оно менѣе всего находится.

*Съ Итальянск. Орестъ Соловъ.*

---

**Н ѣ что**  
*О народныхъ Русскихъ лѣсняхъ.*

---

Давно уже въ нашемъ опечесствѣ пѣсенники пришли въ упадокъ. Быстрое распространеніе просвѣщенія и вкуса, кажется, нанесло имъ сей ударъ. Они содѣлались шеперь ученымъ занятіемъ книгопродавцевъ, любимымъ чтеніемъ праздныхъ, добродушныхъ провинціалокъ и предметомъ эпиграмъ городскихъ остряковъ. \*) — Не назовите меня од-

---

\*) Я помню, какъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, одинъ умникъ, прѣхавшій изъ столицы въ провинцію, увидѣвъ на шуалетѣ одной дѣвицы толстый пѣсенникъ, написалъ на немъ: пока сонникъ, ворожея и пѣсенникъ будущъ составлятъ любимое чтеніе нашихъ красавицъ, то мы очень, очень далеки еще отъ просвѣщенія! . . .

накожь за сіе вступленіе саширикомъ, порицашелемъ пріятнаго и полезнаго препровожденія времени. Вы увидите, я совѣмъ не шаковъ; и смѣло скажу, что за васъ, почтенные продавцы книжнаго ума, а особливо за васъ, добрыя сельскія красавицы, ни мало, не спрушу вступить въ бой съ самымъ храбрымъ журналистомъ, дабы обнаружить свѣшу несправедливые толки о вашей учености и разборчивости, распротраняемые вольнодумными болшунами.

Что можете быть похвальнѣе благоразумнаго шруда книгопродавцевъ, которые, разверывая на свободѣ въ лавкѣ по шу, по другую книгу, выбираютъ изъ нихъ давно извѣсныя или давно забытыя пѣсни, и не плаша ничего автору, не имѣя никакого дѣла съ цензурою, сославляють полновѣсный шомъ и предають его писненію. Всѣ почти пѣсенники наши обязаны бышіемъ своимъ

икъ иудеюлюбію и просвѣщенію. Чшоже  
душь худаго?

Можно ли невиннѣе употребить вре-  
мя, кошорое юныя красавицы проводятъ  
надъ чтеніемъ пѣсень? Бываютъ случаи,  
бываютъ періоды въ жизни, когда пѣ-  
сенникъ занимаетъ почешное мѣсто на  
ихъ поалѣтѣ и дѣлается искреннимъ  
ихъ другомъ, повѣреннымъ тайнъ. Въ  
семнадцатъ, въ осмнадцатъ лѣтъ, въ  
веснѣ ихъ жизни, когда первая искра  
любви заронилса въ дѣвическую грудь,  
кто объяснитъ имъ тайну ихъ сердца,  
кто усладитъ ихъ горесъ, для нихъ  
самихъ непонятную? Въ большихъ горо-  
дахъ для молодой дѣвицы припадки люб-  
ви не спрашны; съ самага почти дѣш-  
ства она сплешаетъ и разрываетъ по  
волѣ розовыя цѣпи Амура. Но въ дерев-  
няхъ, въ глубокомъ уединеніи сельскія  
красавицы наши не знаютъ ея опасной  
власти: живые и мершвые поэты не  
воспѣваютъ для нихъ ея прелестей и

мученій и не научають заранѣ играть ея цвѣтами. Природа открываетъ имъ мгновенно всю силу любви. Тогда невинная поселанка взглянешь ли на бѣлый свѣтъ? Онъ исполненъ жизни и радости; все въ немъ дышетъ любовью. Примешся ли въ уединенной комнатѣ за дѣвическія свои работы? Онъ упадаютъ изъ слабыхъ рукъ ея. Красавица вздохнешь, призадумается, свѣтлая слезка тихо покапится по лицу ея и канетъ на высокую грудь. Въ уныніи, не зная сама, что дѣлать, она начнетъ перевертывать листочки пѣсенника. Хлоя и Лиза открываютъ ей тайну спраски; Дафнисъ и Миршилъ говорятъ въ немъ о любви языкомъ, понятнымъ ея сердцу. Тогда пѣсни дѣлаются любимымъ ея чтеніемъ: онъ питають и услаждаютъ поску ея. Что можеть быть, говорю, невиннѣ сего чтенія? Что можеть быть полезнѣ пѣсенника? Но не о томъ идешь дѣло.

Есть особенный родъ народныхъ пѣсень древнихъ, историческихъ. Нѣкопторы опечетвенные наши лишператоры занимающа ихъ собираніемъ, разпредѣляюща оныя по періодамъ нашей Истории, доискивающа въ нихъ памяшниковъ давнихъ произшествій и въ древнихъ ихъ опголоскахъ думающа слышащ выраженіе обычаевъ, характера, духа, нравственности славнаго народа Русскаго. Но скажушъ: это значащъ передѣлыващ старое на новый ладъ!.. Чѣмъ же начались первыя собранія толстыхъ нашихъ пѣсенниковъ, какъ не спаринными пѣснями? Не смѣю сказащъ ни да, ни нѣшъ, и прошу позволенія продолжашъ.

Пѣсни, излившіяся прямо изъ сердца народа, еще въ колыбели самой природы, неушонченнаго образованіемъ гражданскимъ и неповрежденнаго пороками общества, сушъ чистые оппечатки его характера, первые, безыскусственные звуки его поэзіи, въ комхъ изображаешъ

ся, шакъ сказаць, вся душа его. Въ нихъ наблюдаешь можешь видѣшь естественное направленіе умственныхъ его способностей и числныи источникъ коренныхъ, врожденныхъ его склонностей и влеченій. Пѣсни изображаютъ намъ и политическіе перевороты, происшедшіе съ каждымъ народомъ и объясняютъ по вліянію, какое имѣли они на измѣненіе его нравовъ и характера. Сравнимъ пѣсни Русскаго и Малороссіянина. — Первый въ изображеніи своихъ печалей и радостей быспръ, порывистъ, и въ испуленіи мгновенно объемлетъ все его окружающее. Второй тихъ и унывень: во всѣхъ предметахъ онъ видитъ свидѣтелей минувшихъ своихъ радостей; имъ хочешь онъ передать и память своего злополучія. Наконецъ въ пѣсняхъ его все одѣшо какимъ — по шуманнымъ покровомъ сладкой меланхоліи.

Сіе различіе нравственныхъ способностей, оппечатлѣвшееся вѣрно въ поэзіи

народныхъ пѣсень, еще вѣрнѣе видно въ ихъ напѣвѣ. Знашоки музыки, сославившіе себѣ идеалы народнаго духа, по первымъ звукамъ могутъ различить пѣсни каждой страны, каждаго вѣка.

Наконецъ, естѣ народныя пѣсни, сочиненныя на важныя эпохи нашего общества. Конечно онѣ не могутъ предсказать для Исторіи новыхъ происшествій, не могутъ объяснить ни причинъ, имъ предшествовавшихъ, ни собошій, за ними послѣдовавшихъ; но истинно Русскому всегда пріятно знать, какими глазами смотрѣли наши предки на (политическія) великія перевороты страны своей.

Естѣли собраніе древнихъ монетъ, представляющихъ обезображенныя временемъ оппечашки дурнаго чекана, такъ дорого цѣнится любителями рѣдкосшей; но не ужели народныя пѣсни, сіи чистыя оппечашки души его, менѣе любопыт-



ны для Русскаго, привязаннаго сердцемъ ко всему ошечественному и родному; — для поэта, воскрешающаго въ своемъ воображеніи пѣни минувшихъ столѣтій; — для наблюдателя Историка, почерпающаго истины въ вѣкахъ прошедшихъ, для наставленія потомства. Не ужели, говорю, народныя пѣсни, до насъ дошедшія, останутся безъ вниманія, и не будутъ въ состояніи наградить наше любопытство за трудъ, посвящаемый авторомъ на ихъ собраніе и публикою на ихъ чтеніе.

Иностранцы, судя по немногимъ отрывкамъ до нихъ дошедшимъ, отзываются съ искреннею похвалою о нашихъ пѣсняхъ. Давно ли, въ грозную эпоху бѣдствія и избавленія Германіи, пламенный Кернеръ (\*), защитникъ и пѣвецъ ошечественной славы, среди воинскаго шума, восхищаль своихъ сошоварищей

---

\*) См. Вѣсп. Европы, № IV, 1818.

переводомъ извѣстной пѣсни *Ихавъ ко-  
закъ за Дунай*.

Въ наши дни Г. Геце (Götze) плѣ-  
нился выразительностію, добродушіемъ  
и чистою нравственностію народныхъ  
нашихъ пѣсень. Ободренный пріятными  
опытами ученыхъ Германцевъ о сихъ  
первыхъ безыскусственныхъ звукахъ  
національной поэзіи, онъ предпринялъ со-  
брать лучшія изъ древнихъ пѣсень, пе-  
ревести на Нѣмецкій языкъ и предпа-  
вить оныя подъ названіемъ: *Stimmen des  
Russischen Volkes* (опголоски Русскаго на-  
рода). Посредствомъ сего перевода Г.  
Геце хотѣлъ познакомить иностранцевъ  
съ древнею нашею поэзіею и можетъ быть  
дастъ имъ точнѣйшія понятія о нрав-  
ственности и характерѣ Русскихъ. Онъ  
послѣдовалъ мнѣнію знаменитаго Герде-  
ра, думая, что даянія поговорки и сна-  
ринныя присловія народа, сохранившіяся  
въ пѣсняхъ, всего удобнѣе покажутъ лю-  
бопытныя черты его обычаевъ и нра-

вовъ, ускользнушія отъ вниманія современниковъ. По сей причинѣ онъ не могъ ограничить себя переводомъ однѣхъ древнихъ пѣсень; но долженъ былъ прибавить и нѣкоторыя изъ новыхъ, носящія на себѣ неповрежденную печать національности. Онъ хошѣлъ въ каждомъ родѣ представить по нѣскольку пѣсень могущихъ служить, такъ сказать, представителями всего класса, къ которому онъ принадлежалъ. До сего времени у него переведено уже болѣе шестидесяти,

Исполненіе сего намѣренія представляло ему великія трудности, особливо потому, что у насъ нѣтъ хорошаго собранія древнихъ Русскихъ пѣсень и многія совершенно потеряны; а дошедшія до нашихъ временъ и разсыяныя по всѣмъ пѣсенникамъ, по большей части обезображены новыми вставками, перемѣнами и неочищены здоровою критикою.

Желая довести до свѣденія публики оіе похвальное предпріятіе и вмѣстѣ вспомошествовать переводчику въ его трудахъ, мы просимъ всѣхъ занимающихся собираніемъ національной поэзіи, способствовать ему доставленіемъ, какъ самыхъ пѣсень, такъ и разбора на оныя (\*). Можеть быть долговременное собираніе или благопріятный случай доставили нѣкощорымъ изъ нашихъ соотечественниковъ сокровище древнихъ пѣсень, досель неизвѣстныхъ публикѣ. Не ужели они не захопягъ раздѣлишь съ нею своего богатства и удовольствія?

---

\*) Если кто пожелаетъ доставить Г. Гецце собранныя Русскія пѣсни или разборъ оныхъ: то можеть присылать на имя *Вольнаго Общества Любителей Россійской Слоесности*. Всѣ шаковыя піэсы будутъ приняты съ благодарностію, вѣрно доставлены переводчику, а нѣкощорыя, по волѣ автора и усмотрѣнію Общества помѣщаются въ семь Журналѣ.



Наконецъ должно сказать, что опыты Г. Геце въ переводъ Русскихъ пѣсенъ на Нѣмецкій языкъ весьма счастливы. Любители Словесности опдающъ имъ должную справедливостъ. Для примѣра мы возьмемъ одну или двѣ пѣсни.

(1) Ziel einmal auf's blaue Meer der Nebel,  
Drang in's muth'ge Herz der böse Gram,  
Weicht der Nebel nicht vom blauen Meere,  
Weicht aus dem Herzen nicht der Gram.

Fernher glänzt kein Stern im weiten Felde,  
Rauchend glimmt nur ein kleines Feuer;  
Ausgebreitet ist beim Feuer ein seid'ner Teppich,  
Auf dem Teppich liegt ein kühner wacker Jüngling,

(1) Ужъ какъ палъ шумайъ на сине море;  
А злодѣй шоска въ репиво сердце:  
Не сходишь шуману съ сина моря,  
Ужъ не вышни кручинъ изъ сердца вонь!

Не звѣзда блеснитъ далече въ чистомъ полѣ;  
Курился огонекъ малещенекъ;  
У огонька разоспланъ шелковой коверъ,  
На коврѣ лежишь удалъ добрый молодецъ,

Preßt ein Luch auf seine Todeswunde,  
Hemmt das heiße jugendliche Blut.

Ihm zur Seite steht sein muthig Kampfroß,  
Scharrend mit dem Huf die feuchte Muttererde;  
Als ob's zum Gebieter sprechen wölte:  
Du, steh' auf, steh' auf verweg'ner Jüngling,  
Esete dich auf mich, auf deinen Diener,  
Trag' dich wackrer Jüngling nach der Heimath,  
Hin zu deinen Eltern; deinen Stammsgenossen,  
Deinen kleinen Kindern, deinem jungen Weib.

Прижимаетъ плашкомъ рану смершную,  
Унимаетъ молодецку кровь горячую.

Подлѣ молодца стоить его добрый конь,  
И бьетъ своимъ копытомъ мапъ сыру землю  
Будшо слово хочешъ вымолвить къ хозяину!  
Ты всшавай, всшавай, удалый, добрый молодецъ!  
Ты садися на меня, на своего слугу;  
Ошвезу я добра молодца во свою спшорону,  
Къ опцу, къ машери, къ роду, племени,  
Къ малымъ дѣлушкамъ, къ молодой женѣ!

Wie da auffeuzt der verwegne wack're Jüngling,  
 Sich dem Kühnen hob die starke Brust;  
 Sanken Jünglings weiße Hände nieder,  
 Seine Wunde sprang todtbringend auf,  
 Siedend floß im Strom das heiße Herzblut.

Seinem Kofse drauf versezt der wack're Jüngling:  
 Ach du Kof, mein Kof, du treuer Gauß,  
 Du Genosse jeglichen Geschickes,  
 Wackrer Mitgefährt' im Dienst des Herrschers!

---

Какъ вздохнешь тушь удалый добрый мо-  
 лодецъ.

Подымалась у удалаго его крѣпкая трудь:  
 Опущились у молодца бѣлы руки,  
 Разшворилась его рана смертоносная,  
 Пролилась ручьемъ кипячимъ кровь горячая.

Тушь промолвилъ добрый молодецъ свое-  
 му коню:

Акъ, шы конь мой, конь, лошадь вѣрная,  
 Ты поварищъ моей учаспи,  
 Добрый пайщикъ службы Царскія!

Meiner jungen Wittwe magst verkünden:  
 Daß nach einem andern Weib' ich freyete,  
 Mir das Blachfeld ward zur Morgengabe,  
 Uns zusammengab der scharfe Säbel,  
 Der geglühte Pfeil uns bettete:

(2) Gehst vorüber, Herzgeliebte,  
 Vor der Zelle,  
 Vor der Zelle, wo der arme Schwarzrock  
 Krank sich härmet;

Ты скажи моей молодой вдове,  
 Что женился я на другой жень,  
 Что за ней я взял поле чистое,  
 Насъ сосвашила сабля острая,  
 Положила спашь калена стрѣла.

(2) Ты проходишь, дорогая,  
 Мимо кельи,  
 Мимо кельи, гдѣ чернець бѣдный  
 Горюетъ;

Wo ein wack'rer Jüngling wider Willen

Ward beschoren:

Zieh' nur ab mit, meine Holbe,

Diese Kappe,

Zieh' mir aus den schwarzen Chortrock,

Du Geliebte,

lege, leg' mir auf die Brust dein

Weißes Händchen,

Fühle dann wie's arme Herz so

Bange klopfet,

Гдѣ неволей добрый молодецъ

Посприженъ.

Ты сними съ меня, драгая,

Камилавку;

Ты сними съ меня, любезна,

Черну ряску;

Положи ко мнѣ на грудь твою

Бѣлу руку,

И почувствуй, какъ шрепашепъ

Мое сердце,

Und das Blut bey jedem Schlage

Auf und ab wogt.

Von dem blüh'nden Antlitz streich die

Herben Thränen

Und mit meinem Jammerlose

Fühl' Erbarmen.

Nicht erfleh' ich meiner Sünden

Mir Vergebung,

Nur daß du, daß du mich liebest,

Herzgeliebte!

Обливаясь все кровью,

Съ плажкимъ вздохомъ;

Ты опри съ лица румяна

Горьки слезы;

И почувспвуй сожалънъе

Къ моей долъ.

Не гръхамъ моимъ прощенье

Умоляю;

Но чшобъ пы меня любила,

Мое сердце!



Знающіе Нѣмецкой языкъ найдуть, можеть бытъ, удовольствіе чистать и сравнивать переводъ съ подлинникомъ; а незнающіе порадуются шюю мыслию, что просвѣщенные Германцы, читая Гете и Шиллера, Клоппшюка и Фосса, уважають древнія пѣсни славнаго народа Русскаго.

Еще одно слово. Можеть бытъ изъ моихъ чисташелей найдуться и шакіе, кои спануть пѣншть за приспращіе къ просшымъ народнымъ пѣсншмъ, и скажущъ: да, онѣ довольно хоронш; но у каждаго народа естъ свои пѣсни и они вообще не спюшть шюго, чшюбъ спюлько ими занимашься и скучашь намъ. Въ ошвѣпъ на сіе, впрочемъ справедливое возраженіе, приведу имъ слова одного почшеннаго нашего писашеля: „я люблю все доброе, умное и прекрасное; но все сіе во сто разъ ближе, милѣ сердцу, естли оно мое отѣественное, родное.“

А. Г...ъ.

---

# СТИХОТВОРЕНІЯ.

НИНА.

ПАСТУШЕСКАЯ ПОЭМА.

ПѢСНЬ III.

Кто упромъ въ рощицу уходишь  
И подь вечеръ выходишь вонъ,  
Кто въ ней, пошупя взоры бродишь,  
Сомнѣнья нѣшь, что пошь — влюблѣнь,  
На то и рощицы на свѣпъ,  
Чтобъ въ нилъ любовникамъ ходишь,  
И сердца о драгомъ предметѣ  
Въ свободѣ думаешь, говоришь;  
На то кудрявыя березки,  
Что бы, украдкой опъ людей,  
Любовницы горячи слезки

Ч. II. Кн. 3.

23



Подъ ними лили изъ очей.  
 Не сердце въ шомъ, но хладный камень,  
 Кто, презирая спраспи пламень,  
 Ни раза въ рошѣ не вздыхаль.  
 И вѣрно шомъ влюбленъ всѣхъ болѣ,  
 Кто больше всѣхъ въ своей неволѣ  
 Тропинку къ рошѣ пропоншалъ.

Давно ль Дельфизу грудь пронзила  
 Любови острая стрѣла? —  
 Какъ Нина взоръ его плѣнила,  
 Съ тѣхъ поръ еще не обошла  
 Вокругъ земли Царица ноши,  
 Уже дорожку онъ пробилъ  
 Опъ жижины своей до роши:  
 Онъ всякой день въ нее ходилъ,  
 И памъ, о Нинѣ помышляя,  
 Не примѣчалъ печенья дня.  
 Въ одно прохладно ушро Мая,  
 Еще румянная заря  
 Слезами чистыми кропила  
 Въ лугахъ душистые цвѣты,  
 Ужъ на пропинкѣ видны были

Дельфиза свѣжіе слѣды;  
 Ужь памь онъ былъ, — памь въ роцѣ милой,  
 На локошъ опернишь, лежалъ,  
 И сею пѣснию унылой  
 Тоску души своей пивалъ:

Вянешь правка въ чиспомъ полѣ,  
 Ешьли дождичекъ нейдешь;  
 Все желшвешь болѣ, болѣ,  
 Вдругъ свернешся, — опадешь;  
 Тупь ужъ дождикъ не поможешь,  
 И Зефиру поздо душъ:  
 Ужь засохла, ужъ не можешь  
 Бѣдна правка опдохнушь.

Безъ надежды сердце рвешся,  
 Ноешь, ноешь всякой часъ;  
 Вдругъ все кровью обольешся,  
 Вспрепенясь въ послѣдній разъ;  
 Тупь вздохъ милой не поможешь,  
 Не согрѣшь хладну грудь:  
 Ужь заспыло, ужъ не можешь  
 Бѣдно сердце опдохнушь.



Но природа безпримѣрно,  
 Какъ прекрасна, такъ добра:  
 Не дашь шпавкѣ сохнушь вѣрно,  
 Есѣли не пришла пора;  
 Скоро шучку дождевую  
 На шо мѣсто наведешъ,  
 Спрыснешъ шпавку полевою  
 Травка пошчасъ опдохнешъ.

А любовь, не какъ Природа,  
 Нужды нѣшъ до сердца ей:  
 Въ синемъ морѣ непогода  
 Лодку сбережешъ скорѣй;  
 Прежде вѣрно укрошишся,  
 Дашь ей къ берегу приплышъ,  
 Чѣмъ злодѣйка та рѣшишся  
 Сердцу въ горѣ пособишъ.

Такъ пѣль паспухъ, такъ онъ спарался  
 Излишъ шоску души своей,  
 Какъ вдругъ не вдалекѣ раздался  
 Въ отвѣшъ ему гласъ пѣсни сей:

Нѣшъ, не даромъ сердце бѣшся  
 Сильно такъ въ груди моей,

Нѣтъ, не даромъ раздаются  
 Часто, вздохъ мой въ рошѣ сей;  
 Тайну здѣсь свою открою,  
 Что люблю признаюсь я; —  
 Но кого люблю душою,  
 Любишь ли и пошь меня?

Ни на что бы не хотѣла  
 Промѣнять я свой покой;  
 Но судьба любишь велѣла:  
 Спорить можно ли съ судьбой? —  
 Ахъ! не только съ ней — съ собою  
 Видно спорить мнѣ нельзя; —  
 Но кого люблю душою,  
 Любишь ли и пошь меня?

Опъ любви я очень знаю  
 Можешь бытьъ добро и зло;  
 Но добро ужъ я вкушаю,  
 Зло до сердца не дошло;  
 Все шой мыслию одною  
 Упѣшаю я себя,  
 Что кого люблю душою,  
 Любишь также пошь меня.



Залилась бы я слезами,  
 Еспылибь онъ пришелъ сюда,  
 И закрывъ лице руками,  
 Чшобъ не видѣлъ онъ спяща,  
 И чшобъ ни было со мною,  
 Но ему бы сказала изъ шпидливого  
 Я люблю тебя душою,  
 Любишь ли и ты меня? — —

„Люблю, люблю тебя сердечно!“  
 Съ восшоргомъ говоришь пасшухъ,  
 Предсшавъ въ слезахъ предъ Ниной вдругъ.  
 „Любишь тебя клянуся вѣчно,  
 „Клянусь слезами сими въ шомъ;  
 „Побей мое все стадо громъ,  
 „Коль съ кляшвой мысль моя не сходна“.

Невинности спыдливость сродна,  
 Спыдъ Нины описашъ нельзя; —  
 Дельфизъ лежишь у ногъ ея,  
 Во всемъ лѣсу ихъ шолько двое;  
 Къ шому жъ не очень разсвѣло,  
 И мѣсто рощи шунъ шакое,  
 Чшо еспылибь солнце и взошло,

Едва бы чашу освѣщало,  
 И все бы, все бы синраино было,  
 Тупь бышь паспушкѣ съ паспухомъ —  
 И съ паспухомъ еще любимымъ;  
 Обоймъ имъ никѣмъ незримымъ  
 Опасно вмѣспѣ бышь шакомъ.  
 Невинность часто усгупаешь.  
 Любви надъ дѣвушками власень,  
 Чшо жъ еспьли случай помогаешь?  
 Напасъ тупь дѣвушкѣ, напасъ!  
 „Напасъ мнѣ! думаешь и Нина;  
 „Въ бѣду влечешь меня судьбина,  
 „На шо ли шакъ я молода?  
 „На шо ли шакъ люблю я синраино?  
 Ахъ право ты Дельфизъ напрасно  
 Не позадиль ее сныда:  
 Ты не подумаль, чшо бы съ нею  
 Неоспорожностью твоею  
 Могло случицься зло на вѣкъ;  
 Ну, еспьлибъ кто непредузримо,  
 Иль пшицелевъ, иль дровосѣвъ,  
 Иль кто нибудь, прошелъ тупь мимо  
 И васъ увидѣлъ бы однихъ? —

Ужелибъ онъ не усомнился  
 При подозрѣнїяхъ шакихъ?  
 Онъ вѣрно бы поторопился  
 Сказать паспушкамъ, паспухамъ,  
 Что Нину шу онъ видѣлъ самъ,  
 Кошору называющъ скромной,  
 Поушру рано оъ паспукомъ,  
 Сидящую въ лѣсу густомъ,  
 И въ часши лѣса самой темной.  
 Представъ, чшобъ могъ онъ къ были сей  
 Прибавишь страшну небылицу; —  
 Окдевешать на вѣкъ дѣвицу  
 Всего и легче и скорѣй:  
 И непорочная бы Нина  
 Погибла въ мнѣнїи у всѣхъ.  
 Ты знаешь самъ, Дельфизъ, чшо шѣхъ  
 Людей большая половина,  
 Кошоры больше вѣрятъ злѣй,  
 Чѣмъ доброй женска пола славѣ,  
 И по наружности одной  
 О сердцѣ судятъ и о нравѣ. — — —  
 Чшожъ дѣлать Нинѣ, чшожъ? . . . . Бѣжашъ! . . . .  
 Бѣжашъ не хочешся . . . . . Остаешся? . . . .

Оспашься хочеться, признашься;  
 Но спыдно, спрашно . . . . Чпожь начашь? . . .  
 Чпожь дѣлашь? . . . . , Надобно рвыишься,  
 Иль , не хочя бѣжаць домой,  
 Иль съ паспухомъ въ лѣсу одной  
 Оспашься и . . . . всего спрашишься. — —  
 Разсудокъ говоришь поди,  
 Бѣги изъ роци оль напасши; —  
 А седце шепчеть: подожди,  
 Поспой, предайся нѣжной спрасши; —  
 Бѣги, разсудокъ говоришь,  
 Или съ невинностью просишь; —  
 Оспанься сердце ей швердишь,  
 Или съ Дельфизомъ разлучишь; —  
 Разсудокъ представляеть ей  
 И спыдъ и совѣспи мученье,  
 И посмѣяніе людей,  
 И собшвенно къ себѣ презрѣнье; —  
 Ошдайся мнѣ, швердишь, во власшь,  
 Не слушай сердца, сердце ложно,  
 Съ его совѣспами неможно,  
 Чпо бы въ обманъ какой не власшь; —  
 А сердце представляешь ясно

Взаимну страсть уму ее;  
 Изображая ей прекрасно  
 Свиданья, поцѣлуй . . . . . все;  
 Моей, швердишь, предайся волѣ,  
 Не слушайся разсудна болѣ,  
 Пропивникъ онъ желаній всѣхъ,  
 Онъ ненавистникъ злой утѣхъ  
 И врагъ любви непримиримый.

Какой, какой принять совѣтъ? — —

Ахъ! только кровь пылашь ты нечистъ,  
 Тогда совѣтникъ нашъ любимый  
 Конечно сердце лишь одно:  
 Въ сей жизни первый вождь оно;  
 Оно въ лѣсокъ уединенный,  
 Люби Природой посвященный,  
 Смущенну Нину привело;  
 Оно ей пѣсенку внушило,  
 Дельфиза въ рошу привлекло,  
 Къ паспущкѣ юной приманило,  
 И почно горлякъ молодой  
 Въ груди ее задремало,  
 И безсловесно ей сказало:  
 Люби его, люби душой.

Такъ можно ли что-то бояться  
 Кипо долженъ быть любимъ, какъ другъ?  
 Такъ можно ль Нинѣ не опасаться  
 Съ Дельфизомъ въ рожицѣ самъ-другъ?  
 Она оспалась — вздохъ тяжельный  
 Побѣды сердца знакомъ билъ,  
 Дельфизъ доиномъ спомъ несмѣлвй  
 Всю прежню робость отложилъ.  
 Онъ древнимъ рыцаремъ казался  
 У ногъ возлюбленной своей,  
 За красоту которой клялся  
 Ищи на тысячу смертей.  
 Онъ клялся, а она вздыхала;  
 Онъ жаль ей руку, а она —  
 Горячи слезы проливала,  
 И видя сколь любовь сильна,  
 Повѣрила, что невозможно  
 Сопрошивляясь спроси сей,  
 И въ шемъ призналась, что ей должно  
 Не мѣшкашь, но бѣжашъ скорвй; —  
 Она вспаешъ, чтобъ удалился,  
 Спупаешъ шагъ — и ужъ другой —  
 Но прешій не успѣлъ свершиться,

Какъ въ роцѣ раздалось: — *постой!*  
 И претій шагъ, недовершенный,  
 Надъ мягкой правой повисъ. —  
 Надеждой, спраспью увлеченный,  
 Въ восторгѣ радости Дельфизъ,  
 Спѣшишь опятьъ къ ногамъ любезной.

Амуръ, летая въ поднебесной,  
 Тихонько въ роцѣ залепѣлъ,  
 И опасаясь сшука спрѣлъ,  
 Гремящихъ за его плечами,  
 Колчанъ повѣсилъ онъ на сукъ;  
 И къ дереву приспавивъ лукъ;  
 Спаль пробираешься межъ кустами,  
 Идя излучистой спезей:  
 Сперва шель бодро, но чѣмъ ближе  
 Спаль къ цѣли подходишь своей,  
 Тѣмъ нагибаешься началъ ниже,  
 Едва спупаль, едва дышалъ,  
 Попомъ со всемъ на землю палъ;  
 Палъ, и на локти опираясь,  
 Поползъ, кругомъ закрышь правой,  
 Подползъ подъ самой кустъ густой,  
 Гдѣ, на коленъ поднимаясь,

И пальчикъ приложивъ къ ушамъ,  
 Смощрѣлъ изъ—за лиспковъ . . . . и шамъ . . . .  
 Увидѣлъ что-то . . . . улыбнулся.  
 Желая болѣе узнатьъ,  
 Онъ ухо приложилъ . . . . опять  
 Услышавъ что-то . . . . разсмѣхнулся,  
 И что-то тихо говорилъ,  
 Съ улыбкой на устахъ лукавой;  
 Кому—то пальцемъ погрозилъ,  
 Качая головой кудрявой; —  
 Но скоро хитрый мальчикъ сей  
 Осшавилъ куспъ, взялъ лукъ и сщрѣлы,  
 Взвился — и полетѣлъ въ предѣлы  
 Прекрасной машери своей.

Какъ рѣзвое дѣшя упрямо;  
 Котораго балуетъ машъ,  
 Бѣжитъ съ игры къ ней первой прямо  
 Свои проказы разскашатъ.  
 Присшрасшна машъ его ласкаетъ,  
 Голубчикомъ своимъ зоветъ,  
 Опять рѣзвиться оппускаетъ  
 И яблоко ему даетъ:  
 Такъ рѣзвый мальчикъ Цишеретъ,



Садясь на колѣни къ ней,  
 Ребячьи всѣ свои зашвы,  
 Смѣясь рассказываешь ей:

„Еще подь спражей злобныхъ цооъ  
 „Лежала праздно средь кушповъ  
 „Охошничья Адоца сбруя,  
 „И упренняго поцѣлуж  
 „Ему не подарила шы;  
 „Уже ошь сна я пробудился,  
 „И не бояся шемнопы,  
 „Съ Зефиромъ на лугу рѣзвился,  
 „Ждалъ, чшобъ Заря прогнала шѣнь.  
 „При миѣ Аврора пробужалась,  
 „И какъ невѣсша въ брачный день,  
 „Румянилась и наряжалась  
 „Въ свой лучшей дорогой уборъ;  
 „На ней была одежда ала,  
 „Въ кошорой Феба изъ—за горъ,  
 „Какъ будшо жениха встрѣчала.  
 „Но ранѣ Богини сей,  
 „На берегу крушомъ Тессина  
 „Проснулась молодая Нина,  
 „Я полешѣлъ съ Зефиромъ къ ней,

„Во всѣхъ доспѣхи облеченной;  
 „Но къ рожицѣ уединенной,  
 „Гуляетъ часно гдѣ она  
 „Увидѣлъ вдругъ я, что дорожка  
 „Опъ хижины ея порошка  
 „Прямехонько проложена:  
 „Я полетѣлъ надъ сей шпрокою,  
 „И что бы прилешъшь скорѣй,  
 „Пустилъ спрѣлу передъ собою,  
 „А самъ погнался въ слѣдъ за ней. —  
 „Не много я махалъ крылами,  
 „Въ мигъ очутился въ роцѣ шой,  
 „И сбросивъ все съ себя долой,  
 „То шель, по ползъ я межъ кустами,  
 „Такъ почно какъ ловець звѣрей  
 „Къ добычѣ крадешся своей. —  
 „Хошь подо мной листы шумѣли,  
 „Нерѣдко камушки хрустѣли,  
 „Трещали вѣтви иногда;  
 „Но Нина ни чего не знала,  
 „И шуму съ шрескомъ не слыхала,  
 „По шой причинѣ, что тогда  
 „Малюшки лишь меня узнали,

„Всѣ до одной пѣшь громко спали,  
 „И заглушали пресекъ и шумъ;  
 „И Нинѣ не входило въ умъ,  
 „Чтобъ опъ нее шакъ недалёко,  
 „Быль пошь, кошорый споль глубоко  
 „Ей въ бѣлу грудь спрѣлу вонзилъ;  
 „Что бъ онъ за тѣмъ куспочкомъ былъ,  
 „Подъ пѣнью чьей она хопѣла  
 „Опъ свѣша спряпашься всего,—  
 „И спряпалась..... лишь не умѣла  
 „Опъ взора скрыпъся моего.....  
 „Легко ей видно по казалось,  
 „Чего еще не удавалось  
 „И не удапъся ни кому.....  
 „Не правдали?.....“ Но Цитерея,  
 То улыбаясь, по краснѣя,  
 Лишь ухо подрала ему. —  
 „Едва, едва я удержался,“  
 Лукавой мальчикъ продолжалъ;  
 „Руками чупъ не заплескалъ,  
 „И громко чупъ не засмѣялся,  
 „Когда увидѣлъ, что она  
 „Подъ шѣмъ куспочкомъ не одна,

„Но съ милымъ паспушкомъ сидѣла,  
 „И почно какъ заря краснѣла;  
 „Другъ съ друга не спуская глазъ,  
 „Они въ восторгѣ оба были  
 „И чпо-то тихо говорили;  
 „Я ухо приложилъ потчасъ,  
 „Чшобъ ихъ услышатъ разговоры.

„Скорѣй крушья наши горы,  
 „Сказалъ паспушкѣ паспушокъ,  
 „Разсыплются, и какъ песокъ  
 „Ихъ вѣшеръ по полямъ развѣешь;  
 „Скорѣе солнце поблѣднѣешь,  
 „Скорѣй погаснешъ, чѣмъ во мнѣ  
 „Полужнешъ огонь любви къ тебѣ;  
 „Мнѣ будешъ съ ней одна могила.

„Повѣрь, паспушка говорила,  
 „Повѣрь и ты, чпо все равно,  
 „Скорѣе нашъ Тессинъ глубокой  
 „До капли высохнешъ, и дно  
 „Густою зароснешъ осокой;  
 „Скорѣй, когда нибудь заря,  
 „Взойши поушпру позабудешъ,

Ч. II. Кн. 3.



„Чемъ позабуду я себя,  
„Мнѣ гробъ одинъ съ любовью будешь.  
„А я за ней къ кушпу прижался,  
„Тихонько, опвернясь, смѣялся,  
„Сказалъ ей, пальцемъ погрозя:  
„Ты ль хочешь скрыться опъ меня? —  
„Но хипроснями ни какими  
„Не избъжишь моихъ очей;  
„Гдѣ милый съ милою своей,  
„Всегда я шрепій шуть же съ ними.“

*Графъ Сергій Салтыковъ.*



## КЪ РОДИНѢ.

Гдѣ вы прошевшихъ дней злыхъ очарованья?

Гдѣ счастье прежнее? — Гдѣ сладкія мечтанья?

Куда промчались вы на быстрыхъ крыльяхъ лѣтъ?

Иль боль для меня надежды въ свѣтѣ нѣтъ,  
И райскія любви исчезли наслажденья? —

Такъ, вы сокрылися; — и нѣтъ вамъ возвращенья!

Вашъ блескъ давно угасъ, какъ пихою трой  
Последній гаснетъ лучъ вечерній за горой.

Но, нѣтъ! пробудится внозь утренняя денница;  
Опять покажется вечерняя зарница,

А радости души — опрадный жизни свѣтъ



Померкнешь навсегда и лучь свой не воз-  
жешь.

Ахъ! время шю прошло, когда въ мѣсцахъ  
родимыхъ,

Подъ кровомъ генія, ошъ бурь и зла храни-  
мыхъ,

Текли въ безпечности дни юности моей,  
Гдѣ былъ я бѣдсшвій чуждъ, — гдѣ былъ я  
чуждъ спрасшей.

Злашая колыбель невинности, забавы,  
Гдѣ не искалъ швой сынъ ни почестей, ни  
славы!

Ты примешь ли меня подь мирну сѣнь свою,  
Когда я возвращусь разсѣяшь скорбь мою? —  
Такъ; возвращусь къ тебѣ оняшь съ шакимъ  
же чувсшвомъ ,

Съ шакимъ распались мы; но, ахъ съ дру-  
гимъ искусствомъ,  
Искусшвомъ знашь людей, знашь спрасши  
ихъ, знашь свѣшь.

Блаженъ пловець морей, избѣгшій люшыхъ бѣдъ,  
И мирной присшани достягшій вождельнно;

Но шопъ блаженнѣе, блаженнѣй несравненно,  
 Кшо зрѣлъ безоблачну небесную лазурь,  
 Жиль въ безызвѣстности и не спрашился  
 бурь,

Не опчуждаяся опъ родины любезной! ....

Къ чему мнѣ послужиль сей опытъ бесполез-  
 ной?

Чшо видѣлъ въ свѣтѣ я? — Могущество  
 спраспей,

Несправедливость, зло, обманъ, вражду людей,  
 Примѣры гибельны невѣрности, измѣны.

Тамъ спраждушъ слабые, опъ сильныхъ угнѣ-  
 пенны ;

Оправданъ шамъ богачъ, а бѣдный обвинень:

Талантъ въ забвеніи, невѣжда опличень.

Тамъ дружба нѣжная пріюта не находитъ;

Пришворная пріязнь въ свѣтѣ пагубы заводитъ;

Того, кшо ввѣрился съ неопытностью ей.

Ни чѣмъ не усладиль я шамъ души моей;

Ни чшо меня въ спранахъ далекихъ не плѣняло;

Я всюду ужась зрѣлъ — и оердце за мирало.

Когда воспоминалъ я прелестъ юныхъ лѣтъ;



Какъ добродѣтельнымъ мнѣ предсцавлялся  
свѣтъ!

Гдѣ видѣлъ я еще союзъ любви священный,  
Какъ не въ твоихъ поляхъ, о край благосло-  
венный!

Когда весеннею порой въ прекрасный день  
Два явора плели гощепримну сѣнь,  
Маня подъ свѣжій кровь безпечность и ош-  
раду;

Гдѣ тихій ручеекъ журчалъ, неся прохладу,  
И сладкой запахъ лилъ кусщъ розы молодой,  
И зябликъ пѣлъ любовь подругъ дорогой; —  
Тамъ юная чеша, воспоргомъ упоенна,  
На мягкой муравѣ, опъ шума удаленна,  
Подъ сладкимъ вѣяньемъ весеннихъ вѣшарковъ  
Не зная ревности губительной оковъ,  
Въ блаженствѣ истинномъ горя, изпаивала.  
Тамъ — милое дитя среди цвѣшовъ играло,  
Небесной спрасши плодъ, ихъ нѣжности залогъ,  
Малюшка, рѣзвился какъ легкокрылый богъ.  
Порхалъ вокругъ родныхъ, — за бабочкой  
гонялся,

То къ правкѣ прилегалъ, по вдругъ стрѣ-  
 лою пускался,  
 Или въ вершунью онъ, сердясь, бросалъ цвѣт-  
 комъ; —

Но вдругъ, сескучая лешащъ за мошылкомъ,  
 Онъ съ жалобой къ своей родимой прибѣгаетъ.  
 Пустьъ пошъ, Позіи кто даромъ обладаетъ,  
 Пустьъ пошъ изобразитъ картину сей любви!  
 А шамъ, о зрѣлице! вѣкъ въ памяти живи:  
 Близъ мирной хижины, соломою покрышой,  
 Развѣсисныхъ древесъ подь сѣниспой защи-  
 пой,

На персяхъ юноши, цвѣпущаго красой,  
 Покоился спарикъ, почщенный сѣдиной,  
 Свидѣтель многихъ лѣшъ и многихъ поколѣ-  
 ній;

Невидимый надъ нимъ париль, казалось, Ге-  
 ній;

Эфирны крылія просперъ надъ спарцемъ онъ,  
 И навѣвалъ ему пошъ безмяшежный сонъ,  
 Который данъ въ удѣлъ невинности, сми-  
 ренью,

И непорочности и почестей забвенью,  
 Улыбка малая, спокойный спарца взоръ  
 Изображали въ немъ чувствъ шайный разговоръ.

Но чья возможешь кисть явишь сии кар-  
 пины,

Сей свѣпмый сводъ небесъ, цвѣшущія долины,  
 И холмы и ручьи въ родимой споронѣ?  
 Когда, когда судьба преклонилъ ко мнѣ,  
 И внявъ мормъ мольбамъ, зря слезы умиленья,  
 Переселишь меня въ любезный край рожденья,  
 Гдѣ добродѣпель я повсюду находилъ,  
 И каждый гдѣ предметъ наславникомъ мнѣ  
 былъ?

Поля опечески! лѣса уединенны,  
 Угрюмой древности рукою освященны,  
 Подъ чьею зеленью, прищепчущихъ спруяхъ,  
 Покоишься моихъ единокровныхъ прахъ!  
 Когда еще могу подъ швнью прохладной  
 Пѣвца весенняго услышать гласъ отрадной;  
 И мирною слезой на мѣсто оросить,  
 Гдѣ съ первымъ чувствомъ я Природу спалъ  
 любилъ?

—•••—  
Когда въ часъ вечера при сумрачномъ мер-  
цаньи

Я воскресу въ душѣ моей воспоминаньи? —

Одно желаніе едина мысль моя

Увидѣшь снова васъ, родимые края,

Осшпнокъ дней моихъ, печалью помраченныхъ,

Надеждой тщешною блаженства обольщен-  
ныхъ,

Спокойствомъ усладить, свободнѣе вздохнуть,

Забьшь прошедшее — и мирнымъ сномъ  
уснушь!

А. — Н.

—•••—

## БЛЕСКЪ ОЧЕЙ.

---

Пріятно алыхъ зорь мерцанье, ...  
Прелестно тихое сіянье  
Луны прекрасной, молодой,  
Когда надъ зеркальной водой.  
Спойшь, и ликъ ея дрожишь на днѣ по-  
тока; —  
Иль дѣвой тистою, въ безмолвіи ночей,  
Гуляешь въ голубыхъ поляхъ воспока  
Въ богатыхъ шкеляхъ изъ лучей, ...  
Но, другъ мой! Ангель мой! мнѣ *блескъ*  
*твоихъ очей*  
И розовой зари и лунъ младыхъ милѣ. —  
Что пышной радуги свѣплѣе,  
Когда въ воздушныхъ высопахъ  
Горитъ она въ семи блистающихъ цвѣпахъ,  
И небо опшѣня прекрасной полосой,

Любуется своей красою,  
 Смогрясь въ серебряный ручей?  
 Но мнѣ всего милѣй—мнѣ *блескъ твоихъ огей!*  
 Я видѣлъ солнце на восходѣ,  
 Когда, какъ будто чрезъ окно,  
 Глядишь, съ улыбкою изъ—за холмовъ оно,  
 И дремлющей еще Природѣ  
 Шлешь упреннѣй привѣтъ, . . .  
 Я зрѣлъ, попомъ, его великолѣпный свѣтъ,  
 Когда и куспъ простой, осыпанный росой,  
 Сіяетъ дивною красою  
 Въ алмазакъ, въ пурпуръ и въ блескъ бога-  
 чей. —  
 Все мило; но милѣй мнѣ *блескъ твоихъ огей!*—  
 Я зрѣлъ дрожащее сіянье звѣздъ въ эфирѣ  
 Въ часы спокойствія въ безмолвномъ  
 мірѣ;  
 Я видѣлъ дивную игру лучей,  
 Въ кристалахъ и въ сребрѣ фоншановъ и  
 ключей!  
 Прекрасный, пышный блескъ! Но *блескъ*  
*твоихъ огей,*



(Что дѣлашь мнѣ?) — луны, зари и звѣздъ  
милѣ!.. —

— Ахъ! много въ жизни я перпѣлъ, по-  
мась, спеня...

Но, *оги милья!* Смоприпе на меня —

И будешъ жизнь моя луны молодой свѣшлѣ!...

Ө. Глинка.



## Э Л Е Г И Я

*На смерть молодой поселянки.*

*(Воленый переводъ съ Нѣмецкаго.)*

---

Унылый и глухой со мшистой башни

звонъ

Промчался по селу, вѣщая: нѣпть Людмила!

Родныхъ ея друзей повсюду слышенъ стонъ,

И вскрылся заступомъ звѣвъ хладныя могилы.

Изъ ландышей и розъ украшена вѣнкомъ,

Проспясь съ весною лѣпть и съ маперью

родною,

Почіеть нѣжная Людмила вѣчнымъ сномъ,

Любимица села, прелестная душою.

Ея любезныя, сраженныя поской,

Объ играхъ, радостяхъ уже не помышляютъ;

Толпою обступивъ гробъ дѣвушки молодой,



Съ блѣднѣющихъ ланишь шокъ слезъ опи-  
рають.

Ахъ! не было подругъ достойнѣе сихъ слезъ  
Тебя, на упрѣ дней почившая Людмила!  
Ты, крошкая! ничѣмъ не гнѣвала Небесъ,  
И память ближняго тебѣ благословила.

Исполненъ скромности ея былъ нѣжный  
взглядъ,

Людмила всѣхъ подругъ красою превышала,  
Подобно ей самой былъ простъ ея нарядъ,  
И грудь ея одна фіалка украшала.

Предъ зеркаломъ она не думала порхать,  
Смотрѣлась въ ручейкѣ коль струйки уши-  
хали,

Гдѣ кропки вѣтерки прохладу навѣвали.

\*

Во всѣхъ чертахъ ея прекраснаго лица,  
По розовымъ щекамъ невинность разли-  
вались;

Одною ей дышали желали всѣ сердца,  
И ласкою она всѣмъ угодишь старалась.  
Ахъ, сколько юношей старались заслужить

Взаимную любовь паспушки нѣжной, милой;  
 Она вѣрнѣйшаго рѣшилась наградить,  
 И счастливый Любимъ былъ предпочтень  
 Людмилой.

\*

Бывало, какъ весна ихъ въ рошу призоветъ,  
 Людмила и Любимъ всѣмъ радость достав-  
 ляли;  
 Иль вечеромъ, когда луна свой блескъ  
 прольетъ,  
 Они пріятнѣй всѣхъ и пѣли и плясали.  
 На праздникъ жапты ей повязку онъ дарилъ;  
 Она ему вѣнки сплела васильковы.  
 Когдажъ полдневный зной средь нивы ихъ  
 палилъ,  
 Имъ отдыхъ доставлялъ пѣниспый лѣсъ ду-  
 бовый.

\*

Она вязала рожь, которую онъ жаль,  
 Преслѣдуя его глазами умиленья;  
 Съ закатомъ же зари вечерней провожалъ  
 Подругу онъ свою до ближняго селенья.



Дороже всякихъ благъ Любимъ ее цѣнилъ;  
Во снѣ и на яву съ нимъ образъ былъ пре-  
лестной!

И кто бы ангела сего не полюбилъ?  
Ктобъ не жилъ, не дышалъ для сей души  
небесной?

\*

Любимъ! что значить сей глухой, уны-  
лый звонъ?

И погребальный гласъ кого сопровождаешь?

Чьи очи навсегда смежилъ смертельный сонъ?

Чей гробъ твоя рука въ могилу опускаешь?

Любимъ! желанія, надежды суть мечты!

Пронзительны твои сненанія, ужасны!

Я познаю изъ нихъ кого лишился ты,

И что ты чувствуешь, о юноша несчаст-  
ный!

Покойся въ мирѣ ты, о милый другъ  
людей!

Доколь бранный прахъ твой къ жизни возвра-  
тятся,

Пой на холмѣ ея пѣснь смерти, соловей,

Когда слезою онь Авроры окропится,  
 А пы, вечерній вѣтръ, пріятно повѣвай  
 Между цвѣшовъ, ея могилой порожденныхъ!  
 И нѣжна горлица гнѣздо себѣ свивай  
 На вѣшвахъ явора ошь древности склонен-  
 ныхъ.

Б У Р Я.  
И Д И Л Л И Я.

( Подраженіе Геснеру. )

Тамъ, гдѣ игривый Тифернъ сквозь ка-  
мышь пробираешся въ море,  
Башпъ сидѣль и Лаконъ, два паспыря.  
Спрашная буря  
Грозно всходила вдали; и предвѣспница бурь,  
пишина, вдругъ  
Всюду просперлась : однѣ Альціоны надъ  
моремъ лешали.

*Лаконъ.*

Солнце заходишь, но ахъ! облака помра-  
чаюшь ликъ солнца,  
Въ видѣ ужасныхъ громадь на краю возвыша-  
яся моря!

*Баттъ.*

Тихо на немъ; но сей часъ пишина пре-  
вращишся въ шумъ ярый.

Слышишь? какіе-шо гулы несутся къ намъ  
издали, слабымъ  
Спонамъ подобно.

*Лаконъ.*

Смотри; облака возрастають горами  
Медленно, плечи чернѣй и чернѣй изъ-за моря  
подъема.

*Баттъ.*

Болѣ и болѣе къ намъ приближались, гулы  
вдругъ слились  
Скоро глубокая ночь надъ морями проспер-  
лась; не видно  
Даже вблизи острововъ Діомидовыхъ; полько  
шамъ съ мыса  
Свѣпишь маякъ, указуя безпечному кормче-  
му мѣли.

Вошь ужъ и вѣсперь завывъ, разорвалъ обла-  
ка и погналъ ихъ  
Вверхъ; закрутился надъ моремъ, и море  
запѣнилось —



*Лаконъ.* Спрашно

Видѣшь здѣсь бурю вблизи; но оспанем-  
 ся: хижины наши  
 Тамъ за горой; мы по этой пропинкѣ дой-  
 демъ до нихъ скоро.

*Баттѣ.*

Правда — оспанемся. Вопшь уже буря  
 свирѣпствуешь; волны  
 Въ брегъ ударяють къ намъ; вѣпры свиспашъ,  
 и деревья со скрипомъ  
 Гнушся.—

*Лаконъ.*

Смошри, какъ, подобно скалѣ, возвышаясь  
 волна — вмигъ  
 Съ шумомъ обрушилась. Молнии блестящъ,  
 освѣщая всю бездну!

*Баттѣ.*

Боги! взгляни: шамъ корабль! какъ ерель  
 на склонившемся къ морю  
 Грозномъ ушешъ, сидишь на хребтѣ онъ вол-  
 ны. Гдѣ волна ша?

Въ безднѣ уже, и корабль поглощенъ разъя-  
ренною бездною.

*Лаконъ.*

Нѣтъ, показался опять. Милосердые Бо-  
ги! спасите

Бѣдныхъ, несчастныхъ пловцевъ. О ужасное  
зрѣлище! видишь

Эту волну? — Къ кораблю она издали пря-  
мо несется.

Вопшъ ужъ достигла его, и обрушилась — онъ  
сокрушился!

Ахъ! чего вы искали, пловцы? и за чѣмъ раз-  
лучились

Съ родиной? — развѣ и въ ней не могли вы  
быть счастливы? — Злапа,

Рѣдкихъ сокровищъ искали вы и — погрузи-  
лись въ пучину.

*Баттъ.*

Жены, родители, дѣти, знакомые, мо-  
жете быть, часто,

Часто вздыхаютъ по васъ и, пришедши ко  
брегу, печально



Смотряшь на синюю даль, ожидая сердеч-  
ныхъ друзей. — Вдругъ

Видяшь, что волны несутъ что-то черное—  
ближе и ближе

И, наконецъ, прибивающъ ко берегу — пѣла  
ихъ любезныхъ....

Боги! — какъ счастливы мы, что умеренны!  
Малое спудо,

Поле, да садикъ все наше добро.

*Лаконъ.*

Накажише насъ, Боги!

Если мы будемъ когда не довольны симъ  
жребіемъ. Тихо,

Мирно проходишь нашъ вѣкъ, какъ ручей  
межъ цвѣшовъ пропекаешь,

*Баттъ.*

Знаешь ли что? — не пойми ль намъ  
вдоль берега? можешь, бышь волны

И принесушь къ намъ несчастныхъ, живыми  
иль мертвыми: мертвыхъ

Мы погребемъ, а живыхъ успокоимъ.

Лаконъ согласился.

Идутъ они — и находятъ прекраснаго  
юношу, спяща  
Сномъ непробуднымъ; оплакавъ, земль пре-  
дають его шѣло.  
Тутъ же находятъ ларецъ: и открывъ его  
видящъ въ немъ груды  
Злаша, серебра, жемчуговъ и безцѣнныхъ ал-  
мазовъ. На что намъ  
Эти сокровища, Башпъ? произносишь Ла-  
конъ.

*Лаконъ.*

Сохранимъ ихъ;  
Только не съ шѣмъ, чшобъ богатымъ намъ  
быть, а опдашь ихъ немедля,  
Если найдешся когда обладатель сихъ рѣд-  
костей. Долго  
Кладъ сберегали они; но никшо не яв-  
лялся: тогда Башпъ  
Вмѣстѣ съ Лакономъ велѣлъ на берегу храмъ  
Пану воздвигнуть.

*Владиміръ Бриммеръ.*



## КЪ НЕЙ.

---

Невинность крошкая, молодая,  
Ты, въ коей ясно видимъ мы,  
Какъ прелестъ съ нѣжностью, блистая  
По волѣ двигающъ умы,  
Софія! Выслушай, что скажешь  
Тебѣ — нельстивый швой пророкъ.

\*

Простри свои прелестны взоры  
На небо, землю и моря!  
Вездѣ веселій крошкихъ хоры,  
Взошла свяшой любви заря.  
Природа, будшо мать молодая,  
Качаешь в. . . шаръ земной.

\*

Зефиры, радостно порхая,  
 Смягчаютъ вешній Мая жаръ;  
 Любовью радостью дыхая,  
 Земля куришся, какъ олшаръ,  
 На коемъ вѣчная Природа  
 Сжигаетъ Богу фиміамъ.

\*

Но ты едва лишь къ намъ взглянула,  
 Со всей невинностью своею,  
 Уже слеза въ глазахъ блеснула  
 И скорбь видна въ душѣ твоей.  
 Софія! Не ужели радость  
 Не есть удѣлъ души твоей?

\*

Не слушай горести вѣщаній,  
 Печалямъ нѣжну грудь закрой.  
 За чѣмъ искаешь себѣ шерзаній,  
 Коль небо даруетъ покой,  
 Нѣшь въ мірѣ гармоніи лучше,  
 Какъ добродѣтель съ красошой.

\*

Цвѣшижь и ты, цвѣши; Софія,  
 И насладися ушромъ дней:



И какъ воспоргъ весны млады  
Ласкаешъ кругъ вселенной всей,  
Подобно миръ да возсіяешъ  
Въ глазахъ и на устахъ пвоихъ.

\*

Ты усмѣхнись — и въ груди зыбкой  
Дозволь веселью просіяшь;  
Ты наградишь своей улыбкой  
Твою чувшвишельную машь;  
Ты наградишь друзей и кровныхъ,  
И прелестей пвоихъ пѣвца.



---

## РОМАНСЪ (\*)

Къ Хлоѣ.

---

Коль пѣсенки ты любишь, Хлоя,  
Послушай пѣсенку мою;  
Въ ней голосъ съ чувствами наспроя,  
Про милую тебѣ спюю;  
Ее я милой называя,  
Зову, какъ сердце учишь зватьъ;  
Но Хлоя! кто она такая,  
Не спрашивай, — боюсь сказатьъ. —

Когда ее прельщаюсь взглядомъ,  
Все въ видѣ кажешся иномъ:  
Свѣтъ кажешся зеленымъ садомъ,  
Она цвѣточкомъ алымъ въ немъ;  
Она въ немъ роза молодая,

---

(\*) Музыка на сей романсъ приложена при концѣ книжки.



Лишь только хочешь разцвѣпашь.  
 Но, Хлоя, кто она такая,  
 Не спрашивай, — боюсь сказать. —

Какъ солнышко одно въ природѣ,  
 Она одна въ моей душѣ:  
 Нѣтъ лучше солнца въ звѣздномъ сводѣ,  
 Нѣтъ лучше милой на землѣ. —  
 Вошь, какъ прекрасна дорогая;  
 Нельзя ее не обожать;  
 Но, Хлоя, кто она такая,  
 Не спрашивай, — боюсь сказать!

Не вѣрю, что въ груди споль нѣжной  
 Могло нелѣпно сердце быть;  
 Чегожь боюсь, что такъ прилѣжно  
 Спарюсь спросить предъ ней шайшь?  
 Любовь не есть вина какая,  
 Любовь побѣда красоты;  
 О Хлоя! кто она такая,  
 Спроси шеперь, скажу что — ты.

*Графъ С. Салтыковъ.*





# КАЮЩІЙСЯ ВОЛКЪ.

В А С Н Ъ.

---

„Клянусь, Юпитерь! предъ побою

„Мой злобный нравъ перемѣнишь

„И съ чистой совѣстью, съ спокойною ду-  
шою

„На свѣтъ жишь

„И ближнихъ, какъ себя, любишь! —

„Овечки милыя, невинное шворенье,

„Какъ часто васъ я обижалъ!

„Проспите мнѣ вы заблужденье;

„Въ кошорое невольюно я впадалъ;

„Проспите мнѣ — ужь боля

Не буду виноватъ

„И вамъ не полько врагъ; но буду другъ и  
братъ!“ —

Такъ выходя изъ лѣсу въ поле

Волкъ самъ съ собою шолковалъ;



И чувствуя въ грѣхахъ сознанье,  
Отъ сердца приносилъ во всемъ онъ покаянье  
И слово честное исправиться давалъ, —

Ужь онъ себя въ свящыхъ считалъ;  
Уже другимъ волкамъ готовилъ поученье,  
Какъ вдругъ — о искушенье!  
На спадо грѣшникъ нашъ напалъ;  
Забывъ свое нравоученье

И снова каясь къ овечкамъ побѣждалъ.

Какъ часно мы себя свящыми почишаемъ,  
Вошь шолько, кажется, и дышемъ и живемъ  
Однимъ добромъ,  
На дѣлъ жъ первые въ порокахъ ушопаемъ.



С М Ъ С Ъ.

I.

ЖИЗНЬ И. И. ШУВАЛОВА;

*Съ цвѣтущей младости до сребрен-  
ныхъ власовъ*

*Шуваловъ бѣднѣль бѣль. полезенъ,*

*Таланту, каждому, покровъ,*

*Потенъ, доступенъ и любезенъ.*

*Дмитріевъ.*

**К**акъ много памятниковъ, съ дѣятельно-  
стію сооружаемыхъ народами во славу ге-  
роевъ войны; напрошивъ какъ мало шаковыхъ  
во имя тихихъ добродѣтелей гражданскихъ!  
Повѣряя сіи знаки почестей съ безприспра-  
сннмъ свидѣтельствомъ Исторіи, что  
долженъ заключить разумъ? Не по ли, что  
мы равнодушнѣ къ вѣковымъ заслугамъ мир-  
наго гражданина, нежели къ подвигу счаст-

ливаго война? . . . Взглянувъ на монументныя вселенной иногда невольно повпоришь сіе выраженіе одного писателя: „Людыамъ при-яшно свои неисповсхва видѣшь въ образѣ добродѣтели!“ — Гдѣ памяшники, Гермогену, Машвѣву, Долгорукову, Шаховскому и многимъ инымъ великимъ друзьямъ мира и славы опечесхва? — Не ищите ихъ на спогнахъ разрушенныхъ городовъ, ни на поляхъ, обогранныхъ кровію, но ищите въ дѣлахъ ихъ, въ Испоріи: шамъ драгоцѣнныя имена ихъ украшають быпописанія опечесхвенныя и среди повѣспвованій о бипвахъ, во мракѣ изспупленія челоѣчесхва; проливають опрадныи свѣшь незабвенныхъ дѣяній своихъ. —

Забудемъ ли заслути Шувалова, для статія наукъ въ отегестѣ рожденнаго? (\*) Еще живутъ современники его, и кщо не знаешь, что сей знаменишый сынъ Россіи принадлежишь къ числу вельможъ вѣка Е к а т е р и н ы! Но прежде еще и послѣ мудраго Ея царспвованія, возвышалъ онъ собою санъ челоѣка-гражданина: вся жизнь его сосщавляетъ непре-

(\*) Выраженіе Ломоносова.

ривную цѣпь добродѣтелей, усстремленныхъ ко благу ближняго, ко славъ опечества. —

Иванъ Ивановичъ Шуваловъ родился въ 1727 году — въ блистательную эпоху обновленія Россіи, когда Европа съ изумленіемъ взирала на исполинскій колоссъ, возспавшій по мановенію великаго изъ владыкъ Сѣверныхъ. Отецъ его, Иванъ Максимовичъ Шуваловъ, съ усердіемъ проходилъ воинское поприще и сопровождалъ Петра Іго въ походахъ, а по смерти оставилъ сыну состояніе, весьма ограниченное. Юный Шуваловъ, ставъ сиротою, жилъ у дѣда своего подъ шихимъ кровомъ сельскаго уединенія, получилъ воспитаніе самое простое и ту любовь къ мирной жизни, кошорая въ послѣдствіи оплачала его оиъ всѣхъ при Дворѣ. Знаніе Математики и языковъ Россійскаго, Нѣмецкаго и Французскаго составляло все его образованіе, пріобрѣшенное часпію въ Москвѣ, гдѣ обучался онъ вмѣспѣ съ бывшимъ попомъ Генералиссимомъ Суворовымъ. Благонравіе и способности юноши обрапили на себя вниманіе родспвенниковъ его Петра и Александра Ивановичей Шуваловыхъ. Они способспвова-ли вспупленію на престоль Императрицы Елисаветы и занимали важную спе-



пень въ Государствѣ. Покровительствованіе ихъ юному двоюродному брату пѣмъ важнѣе было, что оно подало способы раскрыться природнымъ дарованіямъ его: Иванъ Ивановичъ принялъ ко Двору съ званіемъ Пажа.

Здѣсь старался онъ усовершить познанія свои, и пѣмъ съ самаго начала опличился отъ всѣхъ поварищей своего корпуса. — Не упоминая о важности дѣланнхъ ему начальствомъ порученій, ни о наградахъ, скоро одна за другою слѣдовавшихъ, пройдемъ молчаніемъ цвѣтъ юности его, чтобы обозрѣть плоды ума лѣтъ зрѣлыхъ.

27 ми лѣтъ отъ роду Шуваловъ возведенъ на степенъ Генераль - Поручика, Генераль - Адъютанта, Камергера и украшенъ орденами; награды, казалось, предупредили пребываніе заслугъ! Царедворецъ, всхлипывшій вдругъ на блестящую степенъ вельможи, облеченный въ довѣренность Монархини, челоуѣкъ молодой, воспитанной въ посредственномъ сословіи: сколько обольщеній для ума обыкновеннаго! —

Трое Шуваловыхъ пользовались опличнымъ благоволеніемъ Императрицы; но еще должны были раздѣлять оное съ Гра-

фомъ Разумовскимъ. Алѣксѣй Григорьевичъ, человекъ добрый, исполненный свойствъ мирныхъ и крошкныхъ, былъ не менѣе вельможа умный и проницательный; всего надѣялся отъ неушомимаго честолюбія Графа Петра Шувалова, подозрѣвалъ въ соперничествѣ Ивана Ивановича и ожидалъ своего паденія. И дѣйствительно Графъ Шуваловъ замышлялъ удалить его отъ Двора; для сего не доспадало только содѣйствія Ивана Ивановича. — Преимуществуя правомъ покровительства, оказаннаго юному родственнику, Графъ сообщилъ ему свои мысли. —

Опышный царедворецъ, фонъ - Визинъ, сравнивалъ Дворъ съ пыльнымъ путемъ, по которому идущій, отнюдь не уступая при встрѣчѣ, повергаетъ всякаго и достигаешь цѣли своей не иначе, какъ понирая падшаго: сравненіе остроумное, не менѣе и справедливое! Престола Царей земныхъ, достойные, подобно престолу Царя небеснаго, сіяють въ немерцаемыхъ лучахъ славы, не рѣдко помрачаются темною душою приближенныхъ. Враждебные другъ другу сіи невѣрные слуги расточаютъ у трона похвалы и порицанія по расчетамъ своекорыстія, и горе добродѣтели, если Монархъ не спре-

жетъ ее въ день и въ ночь собственными очами! —

Иванъ Ивановичъ спраспно любилъ свое опечество, преданъ былъ къ престолю и искренно желалъ Россіи вельможъ достойныхъ. Почитая добродѣтели Графа Разумовскаго, онъ опклонилъ предложеніе Пешра Шувалова, ненарушимо сохранилъ уваженіе къ Графу, искалъ и приобрѣлъ его дружбу; — такъ достойный опдаешь справедливоспъ достойному!

Шуваловъ былъ уже Членомъ Конференціи, и не упуская изъ виду великихъ намѣреній Петра Iго, помышлялъ объ основаніи въ Пешербургѣ Академіи Художествъ. Онъ поспоянно поддерживаешь возобновленные предъ нѣмъ временемъ дружеспвенныя сношенія между Дворами нашимъ и Версальскимъ и, пользуясь оными, вызываешь изъ Парижа лучшихъ художниковъ для обученія молодыхъ Россіянь. Вскорѣ появились у насъ хорошіе живописцы и архитекторы, а другіе подавали великую надежду; шаковы были: Рокошовъ, Лосенковъ, Баженовъ, Спаровъ и другіе. Также прилагалъ онъ неуспное спраніе объ основаніи Императорскаго Мо-

сковскаго Университета. Напрасно было бы исчислять очевидныя, великія пользы, принесенныя опечеспву симь учрежденіемъ; довольно сказазать, что за оное обязанности прудамъ Шувалова.

Любя спраспно науки, особенно Россійскую словесность, онь распроспранялъ спраспъ сію на всѣхъ окружавшихъ его. При Дворѣ чтение книгъ спало пріятнѣйшимъ опдохновеніемъ опъ прудовъ, заспупивъ мѣспю нѣкопорыхъ упраздненныхъ забавъ. Многіе придворныя Кавалеры, искренно преданныя любипелю просвѣщенія, съ успѣхомъ упражнялись въ Россійской поэзіи. Казалось сами Музы окружали счастливую ЕЛИСАВЕТУ; сладостныя пѣсни ихъ, оглашая черпоги Царскіе, опдавались въ сердцахъ Россіанъ, восхищенныхъ кропкимъ правленіемъ богошворимой Монархини.

Воспоминаніе о Шуваловѣ само собою сливается съ воспоминаніемъ о Ломоносовѣ. Надобно ли повспорятъ, что сей глубокомысленный ученый, сей вдохновенный лирикъ, своими успѣхами весьма много обязанъ былъ Шувалову? Покровительспвуемый просвѣщеннымъ вельможею, Ломоносовъ не называлъ



его иначе, какъ Меценатомъ своимъ; окрывалъ ему свои нужды, тайныя скорби и злобу враговъ своихъ, — и облагодѣшельствованный, утѣшенный, подкрѣпленный сей бардъ Сѣвера ударялъ въ златую лиру и волшебными звуками ея, какъ новый Орфей, покоря сердца, укрощалъ злѣйшихъ враговъ своихъ . . . . Кто знаетъ устоялъ ли-бѣ поэтъ нашъ самъ собою противъ идоноснато жала зависти, еслибѣ Провидѣніе не пеклось о жребіи его? Когда на бурныхъ водахъ Сѣвернаго Океана, при грозномъ шумѣ сердитыхъ валовъ, мужался гѣній шеснадцатилѣтняго юноши; когда умъ его, съ шемнымъ предчувствіемъ всего изящнаго, блуждалъ въ огромномъ пространствѣ Природы, — Провидѣніе ниспослало ему сильнаго покровителя въ буряхъ и волненіяхъ свѣта: Шуваловъ родился, — и Ломоносовъ прославилъ Провидѣніе, опечесство и своего Мецената и самого себя.

Нельзя безъ сердечнаго умиленія читать писемъ къ нему поэта. Простота, откровенность и пламенная, неборимая любовь къ наукамъ попеременно опличаютъ каждую строку. Все это писано во время существованія Шувалова, большею частію въ лѣтнее

время, когда онъ долженъ былъ сопровождать Императрицу въ Царское село и другіе загородные дворцы. Поэтъ, или переносился къ нему на крыльяхъ воображенія, мысленно бесѣдовалъ съ другомъ наукъ, гулялъ съ нимъ въ прекрасныхъ садахъ, внималъ шуму водопадовъ и восхищеніе водило перомъ его; или, возвращаясь къ существенности, сѣпывалъ на распояніе мѣспъ, ихъ раздвляющее и лира Поэша-Химика издавала унылые звуки:

„Вспомяни мое раченъе и пруды,

„Межь стѣнъ и при огнѣ лишь полько  
обращаюсь,

„И радости въ одномъ мечпаніи ищу.“—

Преклонялъ ли вельможа благоспъ своей Государыни къ ободренію наукъ: обрадованный поэтъ взывалъ къ нему:

• Въ благодвнїяхъ швои проходящъ дни;  
О коль красно цвѣшешъ Парнассъ въ  
швоей шѣни?

„Нѣшъ ни одного дня, въ который бы я не упоминалъ о Вашей ко мнѣ милоспи и ею бы не радовался.“ — Такъ писалъ Ломоносовъ къ Шувалову, и покровишельство его

раздѣлялъ съ другими. Изъ продолженія писемъ его видимъ, что онъ, проливая слезы о плачевной, но славной смерти Профессора *Рихмана*, судьбу его семеншва и самыя науки поручаешь заступленію Россійскаго Мецената; а въ другое время ходатайствуетъ за *Поповскаго*, молодаго, достойнаго Поэта, представляя извѣстный переводъ его *Опыта о геловѣкѣ*.

Въ то время Ломоносовъ и Сумароковъ были законодателями нашего Парнасса; но къ сожалѣнію не были между собою друзьями. Оба любимцы Аполлона соспязались въ пѣніи, избирая иногда одни предметы, чему находимъ примѣръ въ переводахъ Руссовой оды *на счастіе*. Опъ соревнованія дошло до соперничества, попомъ до раздора; соспавились двѣ партіи, каждая предлагала свои правила. Публика приспавала то къ шой споронѣ, то къ другой; вкусъ чипапелей не получилъ еще изящной образованности и попому похвала и порицаніе нерѣдко раздѣляемы были равно между образцовымъ произведеніемъ генія и слабымъ сочиненіемъ легкаго спикшворца. Въ такомъ состояніи словесности, объясняемомъ временемъ возрожденія наукъ, какъ важно присушствие мудраго и безпристрастнаго судіи! Но сей мудрый,

сей безпристрастный судія былъ — Шуваловъ, громкія Оды Ломоносова и трагедіи Сумарокова заслужили вѣнцы современниковъ, хотя неравно цѣнимые попомощивомъ. Соревнованіе оживляло умы и ободреніе предшествовало славу достойныхъ писателей. Херасковъ облегчилъ сѣшование Музы о утратѣ Ломоносова, а геній Державина принялъ вѣнецъ его. Всѣ извѣстные писатели того времени, обязанные ободренію Шувалова, въ швореніяхъ своихъ оставили безпристрастное свидѣтельство, что у прона былъ онъ дѣшительный предшатель дарованій.

Но уже сей достойный мужъ оплакалъ кончину Императрицы Елисаветы. Благосклонность Петра III не могла изгладить горести въ сердцѣ, чувствительномъ къ благодѣаніямъ доброй Государыни. Кругъ дѣшительности его нѣкошорымъ образомъ ограничился; достойна однакожъ замѣчанія почешь, сдѣланная ему въ самомъ началѣ Императорскомъ. По восшествіи на престоль, возведя Шувалова въ званіе Директора Сухопущнаго Кадетскаго Корпуса, кошорое до того самъ носилъ, Государь съ полнымъ карауломъ ожидалъ его въ курпусъ; а но пріездѣ, отдавъ чешь, подалъ рапоршъ



новому Директору : опличительная черна характера Петра III и уваженія его къ достоинству Шувалова!

Ему не извѣсна была приуготовлявшаяся перемѣна въ правленіи. За нѣсколько дней предъ шѣмъ временемъ, будучи назначенъ Государемъ въ походъ проптивъ Даніи, онъ поспѣшилъ къ отъѣзду. Узнавъ же обо всемъ поспѣшъ прибылъ въ Казанскій соборъ, гдѣ милоспиво принялъ ЕКАТЕРИНОЮ. „Мнѣ пріятно, И. И., что и вы съ нами“—сказала Государыня. — Онъ далъ присягу.

Вначалѣ Ея царствования другіе, совсѣмъ ему неизвѣстные люди, вошли въ довѣренность и нѣкопорымъ образомъ всѣмъ располагали. Шуваловъ почувствовалъ нужду на время удалиться и, получивъ на то позволеніе, отправился въ чужіе краи. Вѣна была первою цѣлю его пушешествія; онъ желалъ узнать вблизи Дворъ Маріи Терезіи и, бывъ онымъ принятъ оплично, видѣлъ сію Государыню въ послѣдніе годы ея правленія; потомъ продолжалъ пушешествіе во Францію. Древняя Люшеція сохраняла тогда остатокъ величія вѣка Лудовика XIV, а Версальскій Дворъ удерживалъ еще нѣкопорый духъ

время Рыцарскихъ, умягченный успѣхами просвѣщенія. Прибытіе Шувалова въ Парижъ обратило на себя вниманіе первыхъ людей при Дворѣ: ибо ему предшествовала красно-рѣчивая вѣспница — слава его. Природныя дарованія, соединенныя съ понкою придворной полишки, скоро доставили ему лучшія знакомства; а любезныя свойства сердца его укрѣпили такія связи, какими только можно было льститься иностранцу въ столицѣ Французской. Первый Принцъ крови, Герцогъ Орлеанскій, почтилъ его своею дружбою, ознаменовавъ оную драгоценнымъ для Русскаго подаркомъ: это была табакерка съ финифтинымъ изображеніемъ Петра Великаго, которую Государь, въ бытность свою въ Парижъ, подарилъ отцу Герцога; бывшему тогда правителемъ Франціи. — Что въ Парижѣ знали и умѣли цѣнить достоинства Шувалова, служатъ также доказательствомъ стихи Мармоншелевы, сочиненныя по просьбѣ супруги Фельдмаршала Люксамбургъ и финифтью изображенныя на записной книжкѣ, подаренной ею знаменитому Русскому путешественнику; вотъ они:



Le souvenir est doux à l'homme heureux et sage  
 Qui sut jouir de tout et n'abuser de rien ,  
 Et qui de la faveur fit un si bon usage ,  
 Que même ses rivaux n'en ont que du bien (\*).

Волперъ, съ кошорымъ онъ до пушешествія вель переписку, а въ сіе время и видился, Вольперъ, споль скупой на похвалы, сколько щедрый на порицанія, въ одномъ письмѣ къ Даламберпу, сказалъ объ немъ: C'est un des homme le plus polis et le plus aimables, que j'aie jamais vû.

Испалія давно уже привлекала вниманіе нашего пушешестввенника; наконецъ желанія его преврашились въ попребность обозрѣшь спрану сію, спрану достопримѣчательную, — колыбель нашихъ познаній, хранилище драгоценныхъ памяшниковъ древности, содѣлав-

---

(\*) Какъ сладко воспоминаніе прошедшаго для челоѣка, обласканнаго счастиемъ, одареннаго благоразуміемъ, кошорый умѣлъ всѣмъ наслаждаться, ничего не употребляя во зло, и кошорый царскою милостию шакъ пользовался, что и самыя соперники не могли опказаль ему въ удивленіи!

шуюся для ученыхъ наблюдений спраную классическую. Оставивъ Парижъ онъ поспѣшилъ къ берегамъ Тибра, прибылъ въ Римъ и основалъ тамъ свое пребываніе; проникательнымъ взоромъ пробѣгалъ все то, что могло удовлетворить любопытству; часто цѣлые дни проводилъ въ бесѣдѣ съ лучшими художниками и между тѣмъ прудился надъ проектомъ Россійской Академіи въ Римѣ, по образцу заведенной тамъ на иждивеніи Французскаго Двора. Но предложеніе о томъ, сообщенное Бецкому, къ сожалѣнію опечистивенныхъ любителей художествъ, не приняло. По сношенію съ нашимъ Дворомъ онъ изхоташайсповалъ однакожъ у Папы позволеніе снять формы съ лучшихъ въ Римѣ статуи: позволеніе важное, въ копоромъ отказано было одному изъ Европейскихъ Государей; въ семь успѣлъ онъ также во Флоренціи и Неаполѣ. Такимъ образомъ, доставивъ въ Петербургъ множество статуи, для прочности оплишихъ изъ чугуна. Иванъ Ивановичъ имѣлъ несказанное удовольствіе обогатить Академію Художествъ прекраснѣйшими моделями.

Пребываніе его въ Римѣ было конечно привашное; однакожъ, по всеобщему уваже-

нiю, съ какимъ его повсюду принимали, онъ не рѣдко дѣйствоваль въ пользу полипическихъ сношенiй Пестербургскаго Кабинета: вспомошествоваль Графамъ Орловымъ, присланнымъ къ нѣкошорымъ Испалiянскимъ Дворами съ порученiемъ на счетъ предприемлемыхъ прошиву Турокъ военныхъ дѣйствiй въ Архипелагѣ; а еще болѣе оказалъ услугу ИМПЕРАТРИЦѢ въ перемѣнѣ Папскаго Нунциуса въ Варшавѣ.—Дурини, невѣрный служитель бога мира, пилаль въ Полякахъ духъ раздора и междоусобныхъ браней, поддерживаль спорону конфедератовъ и заслужиль негодованiе ЕКАТЕРИНЫ. Шуваловъ, исполняя волю ГОСУДАРЫНИ, шребоваль и получилъ аудiенцю Его Свяшiйшества. — Опвѣшъ Папы довольно показываешъ уваженiе его къ Императрицѣ и довѣренность къ Ивану Ивановичу. „Вы знаешъ всѣхъ въ Римѣ, сказалъ Свяшiй Опецъ, изберише сами достойнаго.“ И на другой же день, на мѣсто Дурини назначень *Гарампи*, кошорый, къ удовольствию Россiйскаго Двора, совершенно оправдалъ выборъ Шувалова.

Прiѣздъ Юсифа II въ Римъ подалъ Ивану Ивановичу приятный случай короче узнать сего достойнаго Государя, кошорый

съ самаго начала опличилъ его передъ всѣми пребывавшими тамъ иностранцами, любилъ бесѣды его, проводилъ съ нимъ цѣлые дни и нигдѣ безъ него не показывался. —

Шуваловъ пятнадцать лѣтъ провелъ въ земляхъ чуждыхъ; но душею жилъ въ Россіи и сердце его просилось въ любезное опечесство. Наконецъ время возвращенія наступило: онъ прибылъ въ С. Пешербургъ. Опличный пріемъ, сдѣланный Императрицею Екатериною, сопровождался празднествомъ, даннымъ въ честь его въ придворномъ эрмишажѣ. Мудрая Государыня сама знакомила гостя съ новыми учрежденіями своими; обо всемъ спрашивала мнѣнія и, желая воспользоваться долговременными наблюденіями проницательнаго мужа, освѣдомлялась о происшествіяхъ иностранныхъ Государствъ. Она опличила его званіемъ Оберъ-Камергера и орденомъ Св. Андрея Первозваннаго. „Я знаю, что вы не богаты“ — сказала она при томъ. И одно это слово дѣлаешь меня богатымъ, опвѣчалъ Шуваловъ съ чувствомъ истиннаго безкорыстія.

Возвращеніе его было торжествомъ опечесственныхъ Музъ, славою Россійскаго Парнасса. Онъ имѣлъ несказанное удовольствіе

принявъ въ свое управленіе ИМПЕРАТОР-СКОЙ Московской Университетъ, и со всею неупоминимостию занялся новымъ его устройствомъ. Пажескій Корпусъ поступилъ также подъ его управленіе.

Между тѣмъ въ жизни Шувалова должны мы замѣтить нѣчто особенное. —

Цѣль мудрыхъ законовъ еще не достигнута, если законоисполнители помрачены приспращіемъ или невѣжесивомъ; тогда народъ угнетенъ и споны его не доходящъ до престола. — Шуваловъ, пріобрѣвъ довѣренность Екатерины Великой, ни о чемъ сполько не заботился, какъ о славѣ ея, основанной на благоденствіи Россіянь, и чшобы удосповѣриться въ истинной пользѣ новыхъ учреждений, упошреблялъ шакой способъ, которой до него извѣстенъ былъ по однимъ сказкамъ воспочныхъ народовъ. — Часшо, слагая съ себя пышные знаки вельможи, одѣвался въ плащье простое, посѣщаль многія публичныя мѣсна, шерялся въ толпѣ народѣ и, скрываясь отъ взоровъ, приклонялъ слухъ къ голосу народа, узнаваль нужды его, мнѣнія, посшигаль желанія и надежды. Такимъ образомъ, въ вѣкъ гражданскаго преобразованія, сполько же полезнымъ, сколько онимъ

вообще не брегуть, Шуваловъ приносилъ къ пресполю новыя опыты, бывшіе причиною многихъ полезныхъ предшавленій его. Иногда въ толпѣ черни находилъ онъ людей съ дарованіями: рублище бѣдноспи не могло скрыть таланта отъ взора, которъй искалъ его во всякомъ повсюду. Одной изъ такихъ прогулокъ Шувалова мы обязаны *Свѣшникъ вымѣ*, котораго открылъ онъ на Толкучемъ рынкѣ за кучей книгъ Греческихъ, Лапинскихъ и Французскихъ. Кто можешь представилъ себѣ восшоргъ ученнаго вельможи, въ шу минушу, когда онъ увидѣлъ Русскаго крестьянина, читающаго попеременно Ксенофонта, Квинта-Курція, Жанъ-Жака Руссо! — Преждевременная смерть сокрыла отъ насъ Геній Свѣшникова; но не могла сокрыть его отъ проницательности Шувалова (\*). —

Кончина ЕКАТЕРИНЫ II не испребила въ Шуваловѣ истинной преданности къ славъ мудраго правленія Ея. Имѣвъ счастье знать Вѣдликую съ самыхъ юныхъ лѣтъ Ея,

---

(\*) О жизни и ученыхъ упражненіяхъ Свѣшникова см. Письма Русскаго Офицера Ч. III 88—112.

онъ вспоминалъ объ ней съ чувствительностію и уваженіемъ въ памяти незабвенной Государыни перенесъ съ собою за предѣлы гроба.

Здоровье его примѣтно исчезало; онъ видѣлъ ПАВЛА I на престолѣ только одинъ годъ. Щедроты Государя сего обеспечили состояніе Шувалова; при чемъ онъ удостоился получить Высочайшій рескриптъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ: „Всегда съ благодарностію воспоминаю буду попеченіе ваше обо мнѣ во время моего младенчества.“ — Такъ писалъ ПАВЕЛЪ, признательный къ заслугамъ достойнаго старца.

Наконецъ 1798 годъ заключилъ добродѣтельную жизнь сего знаменитаго Россіянина: онъ умеръ въ Петербургѣ, 70 лѣтъ. Погребеніе тѣла совершено съ почестями, достойными сана и заслугъ Шувалова. Весь Дворъ, въ печальномъ шествіи, сопровождалъ оное до Невскаго монастыря; друзья, родственники и почитатели отечественныхъ добродѣтелей проливали слезы; множество благошворенныхъ имъ людей въ уныніи, какъ нѣжныя дѣти, шли за гробомъ его; Самъ ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ, провзжая

мимо дому покойнаго, и обратясь къ окнамъ опдалъ поклонъ; какъ послѣдній долгъ праху незабвеннаго.

Шуваловъ отличался многими прекрасными свойствами души добродѣтельной. Любовь къ отечеству, наукамъ и къ ближнему была его стихія. Предлагая мнѣнія въ Конференціи не перпѣлъ сильныхъ преній, а въ приватныхъ бесѣдахъ, жаркихъ споровъ. Любимый Елисаветою, уважаемый Петромъ, отличенный довѣренностію ЕКАТЕРИНЫ и благоволеніемъ ПАВЛА, врагъ гордости и тщеславія, онъ искалъ славы въ дѣлахъ общепользныхъ, удовольствія — въ благошвереніи челоуѣку. „Щедрость его, равная одной любви къ ближнему, превышала умѣренныя доходы его, такъ что однажды долженъ былъ прибѣгнуть къ продажѣ нѣкоторыхъ домашнихъ вещей. ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА, нечаянно узнавши о томъ отъ Графа Строганова, Всемилоспивѣйшимъ вспомошествованіемъ опвратила нужды его. Безкорыстіе его было безпримѣрно. Любимецъ Елисаветы никогда не помышлялъ о собраніи спянній и опказался отъ жалуетной волости въ бооо душъ. Государыня, зная недоспапочное состояніе его, желала

умножишь оное другимъ образомъ: передъ кончиною Своею Она учинила его богатымъ владѣльцемъ золоша въ слипкахъ и монешъ; Шуваловъ не опринулъ милости МОНАРХИНИ, но оплакавъ смерть Ея предоспавилъ сокровище сіе въ пользу казни, самъ поднесъ ключъ ПЕТРУ III, какъ бы желая сказать съ Философомъ: „Примите сокровища міра, да обрѣту покойствіе души!“ — Удивленный МОНАРХЪ хошѣлъ вознаградишь вельможу деревнями, оплечить саномъ Вице-Канцлера; но Шуваловъ не здѣсь, а тамъ угошовалъ возмездіе опъ руки Всещедраго. —

Проживъ вѣкъ новой Философіи, когда оспроумцы проповѣдывали безбожіе, Шуваловъ не принесъ ему позорной дани. Умъ его, проникая сквозь мракъ повсюду распроспраненныхъ заблужденій, искалъ свѣта испины и находилъ его — въ Опкровеніи. Тамъ и въ собшвенномъ сердцѣ, почерпая правила Вѣры, учреждалъ по онымъ всѣ свои дѣянія. Строго соблюдалъ обязанности Христіанина, въ ошечествѣ и въ земляхъ чуждыхъ; во время пребыванія въ Римѣ нарочно ѣзжалъ въ Неаполь, гдѣ была Греческая церковь, для ошправленія по долгу Христіанскому поста и принятія Св. таинъ.

Чистая Вѣра въ Бога, нелицемѣрная преданность къ Государямъ, пламенная любовь къ Отечеству и просвѣщенію не могли не вознаградиться. Шуваловъ исполнилъ обязанности челоуѣка - гражданина, — и Провидѣніе подкрѣпляло его на скользкомъ пути Государственныя должности; современные Монархи Россіи почтили его своимъ благоволеніемъ, общество прославляетъ память его и Музы передаютъ оную вѣкамъ грядущимъ (\*).

*Палк.....*

---

(\*) Спашья сія почерпнуша изъ записокъ, сообщенныхъ Г. Тайнымъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Кн. Федоромъ Николаевичемъ Голицынымъ. — Желательно, чпобъ и другіе особы, имѣющіе свѣденія о дѣянiяхъ И. И. Шувалова, доставили Обществу возможность соспавить полное жизнеописаніе сего знаменитаго Русскаго Мецената.

---

# ИЗВѢЩЕНІЯ.

## I.

*Въ 24 день Юня, Вольное Общество Любителей Россійской Словесности, на основаніи § 99 Устава своего, имѣло полугодичное собраніе:*

По прибытіи ГГ. Членовъ Дѣйствительныхъ, Почетныхъ, Сопрудниковъ и Корреспондентовъ, исправлявшій должность Предсѣдателя, въ 7 часовъ по полудни, открылъ засѣданіе краткимъ изложеніемъ насюющей причины онаго. За симъ Секретарь Общества, во исполненіе §§ 68 и 100 Устава, произнесъ Исторію сего Сословія и представилъ отчетъ за первую половину сего года о всѣхъ дѣйствіяхъ, хозяйственныхъ распоряженіяхъ, ученыхъ занятіяхъ, какъ собственно по Обществу, такъ по Цензурному и Хозяйственному Комитетамъ онаго, Библиотекѣ и по части Казначей. — Послѣ отчета прочтена была жизнь знамениаго Рос-

сійскаго Мецената И. И. Шувалова, почерпнушая Г. Дѣйствишельнымъ Членомъ О. О. Папковичемъ изъ записокъ сообщенныхъ Его Сіяшельствомъ Княземъ Федоромъ Николаевичемъ Голицынымъ.

Въ 10 часовъ окончилось чшеніе и Гл. Почешные Члены, Сопрудники и Корреспонденты отбыли изъ собранія. Послѣ чего ГГ. Дѣйствишельные, сообразно съ §§ 45 и 47, разсуждали о назначеніи одобришельныхъ свидѣльствѣ должностнымъ Членамъ, исправлявшимъ въ печеніи 1й половины особенныя обязанности по Обществу, и приступили къ новому выбору должностныхъ Членовъ. —

Избраны на слѣдующее полугодичное время:

Предсѣдателемъ Графъ С. П. Салтыковъ.

Помощникомъ его О. Н. Глинка.

Цензоромъ Прозы А. Д. Боровковъ.

—— — Поэзіи А. А. Крыловъ.

—— — Библиографіи И. А. Гарижскій.

Секретаремъ Общества А. А. Никишинъ.

Библиошекаремъ И. Д. Боровковъ.

Казначеемъ И. И. Ильинъ.

Исполнишедемъ Е. П. Ковалевскій.

Членами Ценз. Комитета: А. П. Гевличъ, Я. В. Орловъ, Ан. К. Дуровъ и И. Н. Лобойковъ, на котораго возложена обязанность и Секретаря сего Комитета.

Членами Хозяйств. Комитета: Т. Н. Крикуновскій, И. И. Ильинъ, И. Д. Боровковъ и И. А. Гарижскій. —

Засѣданія Общества опложены до 29 Юля. —

## II.

Общество, сообразно съ § 22, второй Части Устава, долгомъ поставляешь довести до свѣденія чичашелей о сдѣланныхъ пожертвованіяхъ, изъявляя благодарность свою;

1. Г. Дѣйствительному Члену Графу Д. И. Хвощову за пожертвованные имъ 25 экземпляровъ полнаго собранія стихотвореній его въ 4-хъ частяхъ. —

2. Г. Почетному Члену Э. П. Аделунгу, представившему Обществу вырѣзанныя въ Вѣнѣ доски для оппечатаанія поршпрешовъ и каршы Гербершпейна.

## III.

Общество съ удовольствіемъ сообщаетъ читателямъ Журнала своего, что первая часть сочиненной Членомъ Корреспондентомъ его Г. Г. Гессъ де Кальве книги, подъ названіемъ: *Теорія Музыки*, вышла уже въ свѣтъ. Сей плодъ многолѣтнихъ размышлений, написанъ имъ единственно для Россіянъ, знавши любовь и природное расположеніе сего чувствительнаго народа къ искусству музыки. Г. Членъ Корреспондентъ Р. Т. Гонорскій взялъ на себя трудъ ее перевести. —

Первая часть сей книги заключаетъ цѣль, дѣйствіе и средства музыки, спашьи: о тактѣ, ношахъ, мелодіи, гармоніи, объ интервалахъ, лѣтствицахъ и ключахъ, о напѣвахъ, о Генералбасѣ, о гармоническомъ и дизгармоническомъ ходахъ, о родахъ движенія и музыкальномъ акцентѣ, о музыкальныхъ знакахъ и выраженіяхъ.

Вторая Часть, которая печатается и должна выйти непременно въ концѣ Мая, содержитъ слѣдующія спашьи: объ изобрѣненіи инструментовъ, о струнахъ и духовыхъ инструментахъ, о разныхъ родахъ му-



зыки, о вокальной и инструментальной музыкѣ, какъ по: Церковной, въ Русскихъ и въ Римско Каполическихъ церквахъ, объ ораторіяхъ и проч., объ оперѣ и историческое изслѣдованіе оной, о симфоніяхъ, концертахъ, сонатахъ, фугахъ, терцетахъ квартетахъ и пр., о танцевальной музыкѣ; Исторію музыки древнихъ Египтянъ, Грековъ и Римлянъ; о качествѣ древней музыки; о музыкѣ Израильянъ; о музыкѣ Турковъ; объ оркестрахъ и нынѣшнемъ состояніи музыки въ Европѣ.

Желающіе имѣть сію книгу, благоволяше отнositься въ Харьковъ къ Издашелю Украинскаго Въспитка Разумнику Тимофѣвичу Гонорскому, или къ самому сочинителю въ Луганской литейной заводѣ Екаперинославской Губерніи, надписывая; въ Донецкъ. П. подписавшіеся въ С. Пешербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ еще въ 1816 году получаютъ ее, какъ скоро переплещена будетъ, чрезъ почту. Цѣна пятнадцать рублей за обѣ части и съ пересылкою. —

#### IV.

Въ концѣ испекшаго Іюня Общество получило два письма отъ неизвѣстныхъ, изъ

коихъ одно помѣщаетъ для того, чтобы благопоришительнымъ сердцамъ представилъ новый случай къ удовлетворенію прекраснѣйшей ихъ склонности — помогать ближнимъ; а другое для свѣденія чинашелей Журнала, можетъ быть, въ тайнѣ негодующихъ на подобную неисправность въ доставленіи къ нимъ сего изданія.

10.

Вы, Милостивые Государы, приняли на себя пріятнѣйшую обязанность помогать неимущимъ и преимущественно ученаго званія. — Убѣждаясь ежедневными примѣрами невольколюбія и благопоришительности соотечественниковъ, я осмѣливаюсь обратиться ваше и ихъ вниманіе на судьбу одной несчастной, — жены Губернскаго Секретаря Тенегина, вдовы Дарьи Егоровой, которая по смерти мужа своего, бывшаго сначала учителемъ въ Академической Гимназіи; а потомъ переводчикомъ при Академіи Наукъ, и служившаго съ отличнымъ усердіемъ, осталась въ крайней бѣдности съ двумя малолѣтними сиротами. Данное ей отъ чепырехъ благородныхъ особъ свидѣтельство, (которое, какъ равно и апшестать Академіи Наукъ

мужу ея, при семь прилагаю) удостовѣрять, что она поведенія честнаго, соспоянiя бѣднаго и содержишь себя и малолѣтнихъ дѣтей своихъ шягосшными шрудами. — Усерднѣйше прошу васъ помѣстить письмо сіе въ выдаваемомъ вами журналѣ. Можешь бышь благошворительная рука извлечешъ сію вдовицу изъ горешнаго соспоянiя и присшроишь невинныхъ сиротъ, лишенныхъ подпоры и воспитанiя. Опець сихъ злополучныхъ малютокъ просвѣщаль другихъ, безъ сомнѣнiя не полагая, что собственныя дѣти его ошпанушя безъ воспитанiя; но милосердіе и сосшраданіе примиряешъ спраждущее человѣчество.

Всякре пособіе, сему бѣдному семейству, вами и соошечественниками оказанное, можее вы ММ. ГГ. доставить ему лично, Васильевской Части, 2 го Кваршала въ домѣ Шкоша подъ Но 153.

С. Петербургъ, Іюня 19 дня.

2.

Просшите меня великодушно, ежели я осмѣлюсь сказать вамъ ММ. ГГ. нѣсколько словъ, о неисправномъ доставленіи издаваемого вами журнала. — Я и сосѣдъ мой

П. И. Н. подписались на два экземпляра. Я получилъ по сіе время полько еще двѣ книжки, между шѣмъ какъ по слухамъ и по назначенію вышло уже оныхъ шестъ; сосѣду же моему присланы 1 и 3, а 2ой и послѣдующихъ напрасно по сіе число дождаемъ. — Мы съ сосѣдомъ люди недалновидные. Думали, думали и ни какъ не придумали, что за причина такой неисправности и незнаемъ кого винить въ томъ? — Общество ли или почпаліоновъ? Впрочемъ вы, ММ. ГГ., снизойдя на справедливую просьбу нашу, безъ сомнѣнія прикажете дослать намъ недостающія книги; но позвольте вамъ сказать, что ежели еще продолжится такая же неисправность, то на будущій годъ вы пошлете многихъ пренумерантовъ, а чрезъ то лишите бѣдныхъ пособій, которое доставляетъ имъ журналъ вашъ. — Здѣсь уже многіе жалуются вообще на неисправность доставленія періодическихъ изданій. — Сосѣд мой, жившій нѣсколько лѣтъ въ столицѣ, и безъ сомнѣнія знающій болѣе свѣтъ, нежели я — деревенской проспакъ, оспанавливалъ меня въ предпріятіи изъяснить вамъ опкровенно мои мысли, говоря безпрестанно: еще неприлично, еще невѣжливо, еще *неделикатно*;

однакоже, не видя шуть ничего неприличнаго; ничего невѣжливаго и ничего *неделикатнаго*, я рѣшился поступить по чувствамъ моимъ и по праотеческимъ правиламъ, будучи увѣренъ, что вы, ММ. ГГ. благосклонно выслушаете нѣсколько спрокъ

Деревенскаго проспака.

Серпейскъ. 19 Юня.

Общество благодаря усердно весьма опккровеннаго Г. Деревенскаго жителя за сообщеніе сихъ, хотя непріятныхъ, однакоже справедливыхъ извѣстій, опвѣстивуешь, какъ ему шакъ и другимъ лицамъ, при-славшимъ подобныя жалобы на неисправное доставленіе книжекъ журнала, что пересылка сего изданія по разнымъ городамъ Россіи, предоставляется распоряженію Газетной экспедиціи, копорая пользуется за то по 5 руб. за каждый экз., приѣмля на себя попеченіе объ исправной и беззадержной доставкѣ журнала. Но чему Общество, не принимая на счѣтъ свой ни жалобъ, ни укоризнъ Чипапелей своихъ по сему предмету, предоставляетъ препровождать ихъ прямо въ Газетную экспедицію, и весьма сожалѣеть, что шаквая неисправность лишаетъ его нынѣ и на предыдущее время многихъ

пренумерантовъ: ибо вся выгода опъ сего изданія предоспавлена имъ въ пособіе немущимъ ученаго состоянія. Недостающіе номера будущъ непременно доставлены съ первою почтою хотя и съ большимъ ущербомъ для Общества и потерей для бѣдныхъ:

## V.

Въ 5 № сего Журнала помѣщено письмо о бѣдспвенномъ состояніи Г. Коллежскаго Совѣтника С. . . го и Общество проситъ усерднѣйше благопворительныхъ особъ, желающихъ, оказать какое либо сему несчастному старцу вспомошествованіе, адресоваться въ семъ случаѣ прямо въ домъ Общества, состоящій 4 Адмиралшейской Части въ 3 мѣ Кварталѣ подъ № 136, откуда присланное пособие доставлено будетъ исправно Г. С. . . му и благопворители о полученіи извѣспятся чрезъ журналъ.



*Имена особъ благоволившихъ подписаться на сей Журналь.*

*(Продолженіе.)*

---

**Ихъ Сіяшельство**

**Графъ Маншейфель.**

**Графъ Консшаншинъ Петровичъ Тодстой.**

**Его Высокородіе Адамъ Васильевичъ Армспронгъ.**

**Ихъ Высокоблагородіе**

**Павель Пепровичъ Лукинъ.**

**Александръ Дмишріевичъ Чершковъ.**

**Николай Радіоновичъ Мамышевъ.**

**Ихъ Благородіе**

**Тимофей Семеновичъ Крыловъ.**

**Алексій Петровичъ Васильевъ.**

**Александръ Андреевичъ Пальмъ.**

**Горный Кадетскій Корпусъ - 2 экз.**

**Военная Библиотека Гвардейскаго Шпаба**

**Библиотека Плавильщикова - - 3 экз.**

---

**Ч. II. Кн. 3.**

**28**

- Въ Архангельскѣ:* Купецъ Никиновъ.  
 — *Бѣлгородѣ:* Гоммиспръ Василій Андреевичъ Борцовъ.  
 — *Переяславлѣ:* Его Сіятельство Князь Голицынъ.  
 — *Екатеринбурѣ:* Горный Начальникъ Екатеринбургскихъ заводовъ Шленевъ.  
 — *Болдерахѣ:* Флора Капишанъ-Лейшенаншъ Пегелевъ.  
 — *Бѣломѣ:* Смол. Губ. Ея Высочородіе Варвара Васильевна Бровцына.  
 — *Черниговѣ:* Газетная Экспедиція.  
 — *Переславлѣ - Залѣскомѣ:* Его Благородіе Юферовъ.  
 — *Владимірѣ:* Правленіе Семинаріи.  
 — *Бериславлѣ:* Его Высокоблагородіе Николай Дмишріевичъ Куликовскій.

*Въ Саратовѣ:*

Его Превосходительство Алексѣй Давидовичъ Панчулидзевъ - - - 2 экз.

Ихъ Высокоблагородіе  
 Пётръ Ивановичъ Ивановъ.  
 Яковъ Васильевичъ Прошоповъ.

Ихъ Благородіе:  
 Ефимъ Алексѣевичъ Тепляковъ.  
 Павелъ Степановичъ Хрещатицкій.

Александръ Григорьевичъ Киселевъ.

Николай Александровичъ Челюскинъ.

*Въ Кузнецкѣ:* Его Благородіе Павелъ Александровичъ Гладковъ.

*Въ Волскѣ:* Его Высокоблагородіе Николай Никаноровичъ Спруковъ.

*Въ Москвѣ:*

Его Превосходительство Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ.

Ея Высокородіе Анна Ивановна Новикова.

*Ихъ Благородіе*

Александръ Ивановичъ Поповъ.

Алексѣй Александровичъ Вандашниковъ.

Иванъ Ѳедоровичъ Соловьевъ.

Александръ Ильичъ Лавинъ.

*Въ Клину* Его Высокобл. Аркадій Львовичъ Попѣхинъ.

*Въ Казани:*

Его Высокоблагородіе Савва Андреевичъ Москопильниковъ.

Газетная Экспедиція.

*Въ Симбирскѣ:*

Его Превосходительство Петръ Никифоровичъ Ивашевъ.



Его Высокоблагородіе Александръ Алексѣевичъ Карповъ.

*Ихъ* Благородіе

Иванъ Степановичъ Крошковъ.

Иванъ Васильевичъ Яшеровъ.

Михайло Михайловичъ Наумовъ.

*Въ Сызрани:*

Его Высокоблагородіе Михайло Михайловичъ Росляковъ.

Его Благородіе Ниль Александровичъ Ребровскій.

*Въ Бугурусланѣ:* Его Благородіе Владиміръ Машвѣвичъ Наврозовъ.

*Въ Порховѣ:* Исправникъ Андреевъ.

*Въ Дедюхинѣ:* Оберъ-Бергмейстеръ Фарафоншовъ.

— *Чердынѣ:* Его Высокоблагор. Прокофьевъ.

— *Соликамскѣ:* Его Благородіе Дубровинъ.

*Въ Твери:*

Его Превосходительство Николай Сергѣевичъ Всеволожскій.

Его Сіятельство Князь Павелъ Пешровичъ Допухинъ.

Его Высокоблагородіе Иванъ Никифоровичъ  
Палибинъ.

*Въ Перми:*

Ихъ Высокоблагородіе:  
Петръ Михайловичъ Васильевъ.  
Семень Ивановичъ Барановъ.

*Ихъ Благородіе*

Павель Гавриловичъ Свѣдомскій.  
Гаврило Ивановичъ Сорокинъ.  
Левъ Ивановичъ Ослоповскій.  
Повѣренный Тайнаго Совѣтника и Гофмей-  
стера Князей Голицыныхъ Егоръ Ежовъ.  
Повѣренный Тайнаго Совѣтника Барона  
Спрогонова Андрей Рышковъ.

*Въ Екатеринбургѣ:*

Купецъ Александръ Григорьевичъ Зошовъ.  
Рязанской купецъ Василій Леонпьевичъ Ал-  
фушовъ.  
Повѣренный Егоръ Кипшаевъ.

*Въ Шадринскѣ:*

Его Высокоблагородіе Александръ Сергѣевичъ  
Назаровъ.  
Купецъ Федоръ Игнашьевичъ Фешисовъ.



*Въ Нижнемъ Новгородѣ:*

Ея Превосходительство Мавра Егоровна Быховецъ.

Его Высокоблагородіе Дмипрій Ивановичъ Николаевъ.

Его Благородіе Дмипрій Ивановичъ Николаевъ.

Его Благородіе Яковъ Ивановичъ Самочерновъ.  
Балахнинскій купецъ Василій Ивановичъ Галкинъ.

*Въ Данковѣ:* Его Благородіе Николай Пешровичъ Шишковъ.

*Въ Калугѣ:*

Семинаріи Рекшоръ Архимандритъ Теофилакшъ.

Городская Дума.

Купецъ Иванъ Харитоновичъ Билибинъ.

— Пешръ Максимовичъ Золошаревъ.

— Иванъ Максимовичъ Золошаревъ.

— Василій Ивановичъ Торубаевъ.

— Михайло Акимовичъ Маслинниковъ.

— Прокофій Тресоголововъ.

*Въ Смоленскѣ:*

Его Превосходительство Баронъ Казимиръ Ивановичъ Ашъ.

Его Высокородіє Павелъ Львовичъ Темировъ.  
Его Благородіє Иванъ Богдановичъ Краевскій.  
*Въ Сытевскѣ* · Его Благородіє Нахимовъ.

*Въ Новгородѣ* :

Ихъ Благородіє

Бороздинъ.

Владиміръ Григорьевичъ Шамшевъ.

Григорій Андреевичъ Кудрявой.

Его Высокобл. Пётръ Ивановичъ Балле.

*Въ Боровицахъ* :

Его Сіапельспиво Князь Иванъ Михайловичъ  
Ухтомскій.

Его Высокоблагородіє Фёдоръ Ивановичъ Бу-  
шеневъ.

*Въ Перекопѣ* :

Ихъ Высокоблагородіє

Никиша Никифоровичъ Самойловъ.

Николай Петровичъ Чичаговъ.

Его Благородіє Василий Осиповичъ Подошев-  
никовъ.

*Въ Задонскѣ* : Его Высокоблагородіє Иванъ  
Никифоровичъ Самойловъ.



# ОГЛАВЛЕНІЕ

## В Т О Р О Й Ч А С Т И .

*ион*

### П Р О З А .

Стран.

|                                                                                                                                 |              |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|--------------|
| Философско-историческое разсужденіе<br>о поспепенномъ ходѣ вообще<br>словесности и вишійсшва въ<br>собспвенномъ смыслѣ взяшаго. | 1, 131, 275. |
| Испючники Римской истпоріи. . . . .                                                                                             | 27.          |
| Побродягинь, или прогулки по Пе-<br>тербургу. . . . .                                                                           | 34.          |
| Младѣнчество Авраама. . . . .                                                                                                   | 55.          |
| Письма Лины къ матери. . . . .                                                                                                  | 60, 172.     |
| Объ упадкѣ Персидской Монархіи. . . . .                                                                                         | 156.         |
| Недовольный. . . . .                                                                                                            | 161.         |
| Сравненіе Расина, Кребильона и Воль-<br>пера. . . . .                                                                           | 168.         |
| О сравнительной высотѣ Оспашкова. . . . .                                                                                       | 284.         |
| Прибавленіе къ сей сшашь. . . . .                                                                                               | 303.         |
| О сшрастномъ. ( <i>Изъ Шиллера.</i> ) . . . . .                                                                                 | 306.         |
| Алимекъ, или благополучіе. . . . .                                                                                              | 314.         |
| Нѣчто о народныхъ Русскихъ пѣ-<br>сняхъ. . . . .                                                                                | 337.         |



## СТИХОТВОРЕНІЯ.

|                                                                 | Стран.        |
|-----------------------------------------------------------------|---------------|
| Нина. ( <i>Пастушеская поэма, въ трехъ пѣсняхъ.</i> ) . . . . . | 76, 195, 355. |
| Пѣвцу покоренія Сибири И. И. Дми-<br>тріеву. . . . .            | 90.           |
| Переводъ XII. Гораціевой оды изъ<br>I книги. . . . .            | 97.           |
| Эпиграмма. . . . .                                              | 98.           |
| Едвинъ. ( <i>Баллада.</i> ) . . . . .                           | 99.           |
| Сонетъ, Аполлонъ и Дафна. . . . .                               | 105.          |
| Эпишафія. . . . .                                               | 106.          |
| Граничный утѣсъ и море. ( <i>Басня.</i> ) . . .                 | 107.          |
| Опсушспівіе Сѣверной Богини. . . . .                            | 209.          |
| На кончину Озерова. . . . .                                     | 216.          |
| Рыбакъ. . . . .                                                 | 219.          |
| Мопылекъ. . . . .                                               | 221.          |
| Плачь надъ прахомъ Лауры. . . . .                               | 223.          |
| Философъ и мѣдведь. . . . .                                     | 225.          |
| Къ родинѣ. . . . .                                              | 373.          |
| Блескъ очей. . . . .                                            | 380.          |
| Элегія на смерть молодой поселанки. .                           | 383.          |
| Буря. ( <i>Идиллія.</i> ) . . . . .                             | 388.          |
| Къ ней. . . . .                                                 | 394.          |
| Романсъ. . . . .                                                | 397.          |
| Кающійся Волкъ. ; . . . .                                       | 399.          |

## С М Ъ С Ъ.

Стран.

|                                                                                                                           |           |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----------|
| Размышленіе о важнѣйшихъ испи-<br>нахъ религій, твореніе Іеру-<br>залема. . . . .                                         | 109.      |
| Нѣчто о Герберштейнѣ. . . . .                                                                                             | 123.      |
| Изуспныя народныя преданія о городѣ<br>Бѣломъ. . . . .                                                                    | 126.      |
| О важнѣйшихъ изданіяхъ Герберштей-<br>новыхъ записокъ о Россіи, съ<br>крипическимъ обзорѣніемъ ихъ<br>содержанія. . . . . | 228.      |
| Жизнь И. И. Шувалова. . . . .                                                                                             | 401.      |
| Извѣщенія. . . . .                                                                                                        | 267, 424. |
| Имена особъ благоволившихъ подпи-<br>саться на сей Журналъ. . . . .                                                       | 435.      |







*А. К. Сердюков.*